
Курт
СИОДМАК
МОЗГ
ДОНОВАНА

Мозг Донована
Курт Сиодмак

Аннотация
Курт Сиодмак. МОЗГ ДОНОВАНА

Аннотация

Биохимик доктор Патрик Кори уединенно живет в пустыне Аризона, на узловой станции Вашингтон, где проводит свои опыты в области мозга. И вот вблизи этих мест терпит крушение небольшой пассажирский самолет, в числе пассажиров которых значился крупный промышленник Уоррен Горас Донован. Оказавшись единственным, способным к быстрым действиям доктором в округе, Патрик Кори доставляет еще живое тело Донована к себе в лабораторию, делает ему ампутацию обеих ног, но, понимая, что и это не спасет магната, находящегося в коме, он совершает преступление — аккуратно и профессионально изымает мозг умирающего из его черепной коробки, а место разреза пытается скрыть под слоем бинтов и прилипших волос.

Так Патрик Кори становится обладателем еще живого человеческого мозга, помещенного в кровяной насыщенный раствор и продолжающего жить вне тела. В последующие дни и месяцы он исследует мозг Донована и

с помощью электронных приборов пытается установить с ним контакт. Но потом Кори с удивлением начинает понимать, что сам мозг начинает устанавливать с ним контакт с помощью телепатии. А затем и пытается руководить действиями исследователя…

Курт Сиодмак
МОЗГ ДОНОВАНА

Пустыня Аризона, 1948 год

13 сентября

Сегодня через узловую станцию Вашингтон проезжал один мексиканский шарманщик. Он вез с собой маленького капуцина — жалкого, чем-то напоминавшего тщедушного морщинистого старика. Животное умирало от туберкулеза. Его рыжевато-коричневая шерсть была изъедена молью, во многих местах волосы выпали, обнажив сухую шелушащуюся кожу.

Я предложил за обезьянку три доллара, и мексиканец охотно уступил ее. Аптекарь Таттл хотел удержать меня от покупки, но побоялся вмешиваться — мог потерять выгодного клиента, если бы я с этого дня начал приобретать медикаменты в Конапахе или Финиксе.

Я завернул блохастого капуцина в пиджак и отнес домой. Несмотря на жару, он дрожал, а когда я взял его на руки, укусил меня.

Очутившись в моей лаборатории, он задрожал еще сильнее — теперь уже от страха. Я посадил его на цепь, свободный конец которой привязал к ножке рабочего стола, и обработал рану дезинфицирующим раствором. Затем дал несчастному животному несколько сырых яиц и немного поговорил с ним. Капуцин успокоился — покуда

я не попробовал погладить его. Тогда он снова укусил меня.

Мой слуга Франклин принес картонную коробку, наполовину заполненную коноплей. Конопля помогает от блох, объяснил он. Капуцин забрался в коробку и притаился. А через несколько минут, убедившись в том, что я больше не обращаю на него внимания, уснул. Я внимательно осмотрел его безволосое лицо и голову с хохолком, напоминавшим клобук монаха-капуцина. Дыхание было неровным, и я со страхом подумал, что мой зверек может не дотянуть до утра.

14 сентября

Утром капуцин был еще жив. Когда я попытался взять его на руки, он истерически закричал. Впрочем, после того, как я дал ему еще одну порцию сырых яиц и несколько бананов, снова успокоился и даже позволил погладить себя по голове. Мне предстояло расположить его к себе. Страх вызывает избыточное выделение адреналина, а он нарушает естественный процесс кровообращения — это помешало бы моим наблюдениям.

После обеда капуцин обвил своими длинными руками мою шею и прижался щекой к груди: доверие было завоевано. Я похлопал его по спине, и он заурчал от удовольствия. Левой рукой я нащу-

пал сонную артерию — пульс был учащенный.

Когда он стал засыпать, я нанес ему резкий удар в область между затылочной костью и первым шейным позвонком. Его смерть была мгновенной и безболезненной.

15 сентября

В три часа дня из Конапаха приехал доктор Шратт. Хотя иногда я не вижу его целыми неделями, по телефону мы общаемся довольно часто. Он очень интересуется моей работой, но, наблюдая за экспериментами, обычно приходит в дурное расположение духа. Если какой-нибудь опыт заканчивается неудачей, он не скрывает радости. Его душа разрывается между призванием исследователя (которое в не меньшей степени отличает меня) и неприятием того, что он называет «вторжением в сферы, подвластные одному Богу».

В Конапахе Шратт живет больше тридцати лет. Жара иссушила его духовные силы. Он стал таким же суеверным, как индейцы, населяющие его округ. Если бы не медицинская этика, он прописывал бы своим пациентам амулеты из змеиных зубов и порошки из истолченных лягушек.

Шратт — врач аварийной службы аэродрома Конапах. Небольшого месячного пособия, ко-

торое ему присылают с рейсовым самолетом, едва хватает на его скромные нужды. В нашей местности не так много работы, способной прокормить провинциального медика. Любой из нескольких белых людей, живущих поблизости, в случае недомогания ложится в больницу города Финикса, а индейцы зовут белого врача, когда все магические заклинания уже бессильны и смерть пациента неизбежна.

Когда-то Шратту прочили блестящую научную карьеру и ждали от него не меньше, чем от Луи Пастера или Роберта Коха. Увы, все его задатки уже давно утоплены в дешевой мексиканской водке. Впрочем, редкие проблески гениальности все еще озаряют сумерки его сознания. Побаиваясь этих прозрений, он умышленно заволакивает их туманом алкоголя — видимо, предпочитает им белую горячку и сопутствующие ей галлюцинации.

Сегодня, ловя на себе его пытливые взгляды, я отчетливо различал в них смесь ненависти и отеческого обожания. Если бы он мог, то запретил бы мне заниматься моими исследованиями. Однако былые надежды и мечты все еще слишком свежи в его памяти. Враждебность, с которой он относится к моей работе, лишь свидетельствует

о комплексе вины перед грезами его юности.

Сидя в кресле возле камина, он нервно потягивал свою трубку. Не понимаю, как он может переносить эту жару, не вылезая из драпового пальто, которое тридцать лет назад привез из Европы. Может быть, у него просто нет другой верхней одежды.

Я почти уверен, что, уходя от меня, он каждый раз дает себе клятву больше никогда не встречаться со мной. Но через несколько дней в моем доме снова звонит телефон, и знакомый хриплый голос спрашивает меня — или у крыльца останавливается старенький «форд» с выкипающим радиатором.

К его приезду я успел анатомировать капуцина. Легкие были поражены туберкулезом, затронувшим также почки. Однако мозг был в хорошем состоянии. Для лучшей сохранности я подключил его к искусственной дыхательной системе.

К позвоночной и сонной артериям я подсоединил тонкие резиновые трубки. Кровообращение поддерживал небольшой насос, также позволявший плавно регулировать давление. Кровяная смесь, циркулировавшая по контуру Виллиса, проходила через две стеклянные колбы, которые я заранее обработал ультрафиолетовыми

лучами.

Амплитуду и частоту мельчайших электромагнитных колебаний, сопровождавших жизнедеятельность мозга, измерить было нетрудно. Лента энцефалограммы, медленно выползавшая из самописца, регистрировала дрожащие кривые линии — их отражения на бумаге.

Мне не терпелось услышать от Шратта хоть несколько слов в одобрение моего успеха, но он лишь хмурился и молча смотрел на подрагивающий грифель самопишущего прибора.

Затем он подался вперед и поднес руку к стеклянному сосуду, в котором находился мозг. На это движение лента ответила одновременным изломом обеих линий — более заметным, чем предыдущие. Ампутированный орган реагировал на внешнее раздражение!

— Он чувствует меня — он думает! — воскликнул Шратт.

Когда он оглянулся, я увидел в его глазах блеск, которого с таким нетерпением ожидал.

Шратт тяжело откинулся на спинку кресла. Его обветренное одутловатое лицо вдруг побледнело.

— В таком случае вам принадлежит честь открытия этого феномена, — сказал я, желая под-

бодрить его, хотя знал, что мои слова не смогут польстить ему.

— Я ни в каком качестве не желаю прослыть участником ваших экспериментов, Патрик, — ответил он. — Вы, с вашим механистическим мировоззрением, низводите жизнь до уровня простых химико-физиологических процессов. Возможно, этот мозг все еще способен чувствовать боль. Возможно, сейчас он по-настоящему страдает, хотя и лишен всех органов, которые могли бы выразить его ощущения. А вдруг он испытывает муки, сравнимые с предсмертной агонией?

— Как известно, сам по себе мозг нечувствителен к боли. Ее ощущают рецепторы, — возразил я.

И, чтобы доставить ему удовольствие, добавил:

— По крайней мере так считает наука.

— Науку вы используете, как ореховую скорлупу, в которой прячетесь от окружающего мира. — Шратт с досадой махнул рукой. — И цените только то, что вы можете наблюдать и измерять. Вот почему все ваши открытия бессмысленны и безрассудны — вы слепо суетесь в неведомые вам области, но не имеете ни малейшего представления о последствиях ваших действий.

Кантовская гносеология — излюбленный конек Шратта.

— Я всего лишь пытаюсь создать условия, позволяющие живой материи существовать отдельно от целостного организма, — терпеливо объяснил я. — При всем вашем предвзятом отношении к научному прогрессу вы должны согласиться, что мои эксперименты продвинули науку на целый шаг вперед. Вы говорили, что хрупкость нервных волокон лишает нас возможности изучать их живыми, в состоянии естественного функционирования. Но мне удалось доказать обратное!

Я прикоснулся к стеклянному сосуду с мозгом капуцина, и самописец сразу же зафиксировал изменение биополя, окружающего живую материю.

Я пытливо посмотрел на Шратта. Мне все еще хотелось добиться от него признания моего успеха. Однако выражение его лица осталось прежним — хмурым, недовольным.

— Вы черствы и близоруки, Патрик, — наконец вздохнул он. — В вас не осталось человеческих чувств. Их убила ваша страсть к наблюдению и математической реконструкции его результатов. Думаете, вы воссоздаете жизнь? Нет, вы уродуете ее — по моделям, которые вам подсказывает ваш

иссушенный, искалеченный рассудок. Я не представляю себе жизни, в которой нет места любви и ненависти, целеустремленности и беспечности, тщеславию и доброте. Прощайте, Патрик. Если в этой колбе вы воспроизведете доброту, я вернусь.

Шратт встал, тяжелой походкой направился к двери. Уже взявшись за ее ручку, он оглянулся и добавил дрожащим голосом:

— Сделайте одолжение, Патрик, отключите насос. Пусть это несчастное создание умрет.

16 сентября

После полуночи линии энцефалограммы выпрямились. Обезьяний мозг умер.

Когда в три часа ночи в гостиной зазвонил телефон, я еще работал в лаборатории. Звонили снова и снова. Дженис ушла спать час назад, оставив на моем столе поднос с ужином.

Очевидно, она приняла снотворное — иначе эти настойчивые звонки разбудили бы ее. Франклин, спавший в коттедже, и вовсе не мог их слышать.

Наконец, отложив работу, я снял трубку и услышал возбужденный голос горного смотрителя Уайта. Оказалось, что неподалеку от его станции разбился самолет.

— Я не могу дозвониться до Конапаха! — Уайт

кричал так, будто поставил себе целью известить меня об этом без всякого телефона. — Старик Шратт снова напился!

Он разразился руганью, лишившись остатков самообладания, — от его дома, стоявшего на вершине горы, до ближайшего жилья было восемь миль, а рядом произошла катастрофа, и ему срочно требовалась помощь.

Перед тем как позвонить мне, он разговаривал со Шраттом. Больше обращаться было не к кому. Оператор телефонной станции, уходя домой после вечернего дежурства, оставляет ему только эти две линии — на случай болезни или какого-нибудь другого несчастья.

Я успокоил Уайта и пообещал вызвать подмогу.

Через некоторое время мне удалось дозвониться до Шратта. Он едва ворочал языком и еще меньше понимал, чего от него хотят. Мне пришлось несколько раз повторить свое сообщение.

— Я не смогу добраться туда, — прохрипел он, когда наконец до него дошел смысл моих слов. — Не смогу, и все. Я старый, больной человек. У меня больное сердце. Я не смогу провести в седле столько часов.

Он боялся потерять работу, но алкоголь пара-

лизовал его волю.

— Ладно, я вас выручу, — сказал я. — Ждите меня в моем доме — к утру я вернусь. — К утру, в вашем доме, — жалобно пробормотал он. — Спасибо, Патрик, спасибо…

Разбудить Франклина было делом нелегким. Я велел ему позвать на помощь кого-нибудь из соседей. Затем вернулся в лабораторию и сложил в саквояж препараты, которые могли мне понадобиться. Закончив сборы, я увидел Дженис, стоявшую у двери.

На ней был домашний халат. Она дрожащими пальцами пыталась завязать его пояс. Взглянув в ее мутные глаза, я понял, что она приняла снотворное.

Дженис не выносит этот сухой климат, жару, неожиданные песчаные бури и испорченную воду, которую качают сюда по трубам, проложенным в пустыне. Она медленно увядает, теряет былую красоту и свежесть. Я не раз просил ее уехать отсюда. Ей лучше жить на родине, в Новой Англии. Но она не хочет покидать меня.

— Срочный вызов? — спросила она, поеживаясь (после снотворного ее всегда знобит).

Я рассказал ей о самолете и звонке Уайта.

— Разреши мне поехать с тобой, — заплета-

ющимся языком проговорила она… — Я могу пригодиться…

Ее взгляд внезапно прояснился. Я знал, что она хотела быть со мной и намеревалась воспользоваться аварией как предлогом для исполнения своего желания.

— Нет, — сказал я, — ты не подходишь для этой поездки. Иди спать.

Я вспомнил, что уже несколько недель не разговаривал с ней. Все это время она неотступно следовала за мной — стол в нужный момент оказывался накрытым, в доме поддерживалась безукоризненная чистота, и мне не приходилось отвечать на лишние вопросы. Она ждала, что я когда-нибудь позову ее, но я забывал о ее существовании.

Вскоре у крыльца собрались люди. Каждый привел с собой мула или лошадь. Посовещавшись, мы тронулись в путь.

16 сентября

Через три часа мы добрались до станции Уайта. С высоты этой свайной постройки окружающие горы видны как на ладони. Работа смотрителя заключается в наблюдении за навигационными маяками и регулярной проверке их аккумуляторов, чтобы пилоты самолетов могли ориентиро-

ваться при полетах на север и запад.

Уайт еще не совсем стар, ему лет пятьдесят, не больше. На своей станции он живет один, если не считать собаки, которую он держит для охоты. Человеческое общество ему не нравится, сейчас я впервые застал его нетерпеливо ожидавшим нашего приезда. Его обветренное лицо было бледным как полотно.

— Ну, наконец-то, — сказал он, помогая мне слезть с лошади.

Ведя меня к месту аварии, он добавил:

— Там все превратилось в кашу!

От самолета и впрямь почти ничего не осталось. Его искореженные обломки были разбросаны по всему склону. Создавалось впечатление, что пилот неверно оценил высоту горы.

— Вот эта штуковина загорелась, но мне удалось потушить огонь, — сказал Уайт, показывая на почерневший кусок фюзеляжа с помятым бензобаком. — Надеюсь, они еще живы.

Несмотря на свое потрясение, Уайт успел сделать немало.

Двоих людей, чудом уцелевших в катастрофе, он извлек из-под обломков и оттащил к дереву. Один из них оказался молодым человеком, другой — пожилым. Оба еще дышали. Лицо второго

пассажира показалось мне чем-то знакомым. У молодого были открыты глаза, но он меня не видел. Его голова опиралась на ствол дерева, в углу рта запеклась кровь. Он был без сознания.

Я сделал ему укол морфия и повернулся к другому пострадавшему. У того были открытые переломы обеих ног. Уайт наложил ему жгуты выше колен, немного приостановившие кровотечение. Ко мне подошли Таттл и Филипп. Третий, Мэтью, остановился за моей спиной. По дороге он говорил, что не выносит вида крови.

Таттл сказал:

— Там остались еще двое, но они оба мертвы.

Оглянувшись, я посмотрел в том направлении, куда он показывал, и увидел искореженную лопасть пропеллера с частью мотора.

— У них отрублены головы, — произнес Филипп так тихо, что я не сразу понял его.

Уайт говорил, что нашел четыре тела. Судя по размерам самолета, большего числа людей он бы и не вместил.

Я приказал Уайту и Филиппу отнести пожилого человека в дом, а сам снова занялся молодым. Оказалось, у него была раздавлена грудная клетка и сломаны обе руки. Я велел Мэтью срезать с дерева четыре прямые ветки.

Мужчина уже пришел в сознание, но все еще не мог говорить. Боль он переносил только благодаря морфию. По его лбу катились крупные капли пота, пульс достиг ста десяти ударов в минуту.

— Не напрягайтесь, — сказал я ему. — Попытайтесь расслабиться и задремать. С вами все будет в порядке.

Казалось, он понял — даже попробовал что-то ответить. Однако наркотик уже подействовал, и вскоре мужчина закрыл глаза.

Осторожно сложив его руки на животе, я наложил на них импровизированные шины — четыре ветки, которые мне принес Мэтью. Затем сделал ему вторую инъекцию морфия, чтобы он проспал до самого госпиталя, и приказал Таттлу нести его на узловую станцию Вашингтон, где их должна была встретить машина «скорой помощи».

Таттл позвал Филиппа, и они вдвоем водрузили пострадавшего на носилки. Не дожидаясь их отъезда, я вошел в дом.

Пожилой мужчина лежал на столе. Когда я начал разбинтовывать его опухшие ноги, он застонал.

— Придется их ампутировать, — сказал я, обращаясь к Уайту. — В противном случае он через пару часов умрет.

Уайт поднял на меня свое смертельно-бледное лицо и кивнул. Он старался держать себя в руках, но мне показалось, его нервы скоро сдадут.

Вот когда я пожалел, что не взял с собой Дженис. Бакалейщик Мэтью, мой последний оставшийся помощник, лежал в обмороке на траве возле дома. Он впервые увидел кости, торчащие из человеческого тела, и не выдержал этого зрелища.

Я дал Уайту выпить брома. Он немного успокоился и принялся исполнять мои распоряжения. При этом он не переставал говорить, что его перенапряженным нервам требовалась разрядка.

Он сказал, что вскоре после полуночи его разбудил оглушительный грохот. Выбежав из дома, он увидел обломки самолета. Вероятней всего, пилот сбился с курса. Все маяки горели на полную мощность, но облачность в эту ночь была слишком плотной, что затрудняло навигацию. Определить тип и принадлежность самолета Уайт не смог. Коммерческие рейсы из Лос-Анджелеса были отменены, а о внеплановых полетах из Конапаха не сообщали.

Разговаривая, он достал из шкафа чистую простыню и несколько сорочек. Затем зажег газовую плиту и поставил на нее кастрюлю с водой. Действовал он проворно, но в то же время как-то уж

слишком машинально. Я протер кухонный стол губкой, смоченной в мыльном растворе.

Между тем голос Уайта снова задрожал от волнения. На станции он прожил больше восьми лет, и за эти годы здесь не было ни одного несчастного случая или мало-мальски значительного происшествия. Лишь однажды несколько приезжих рыбаков слили газолин из генератора какого-то дальнего маяка. Разумеется, это было расхищением федеральной собственности, но Уайт даже и не подумал доложить о нем куда следует.

Сейчас ему не давала покоя странная мысль о том, что его обвинят в халатности. Он оправдывался, доказывал свою непричастность к катастрофе — как будто был виноват в том, что вблизи его дома разбился самолет.

Вода закипела, и я начал стерилизовать инструменты. В доме Уайта не оказалось достаточного количества асептических средств, а кухня была настолько грязной, что риск занести инфекцию в раны моего пациента был практически неизбежен. У меня даже мелькнула мысль вообще отказаться от операции, положившись на волю провидения.

Я пригляделся к лицу мужчины. Его черты казались мне знакомыми — тонкие бесцветные губы,

широкие скулы, немного приплюснутый нос, высокий лоб. Даже шрам, тянувшийся от мочки левого уха до подбородка, напоминал мне что-то.

Уайт распорол его пиджак на две половины, осторожно снял их и бросил на спинку стула. Я вынул из нагрудного кармана бумажник. Он распух от крови, все банкноты слиплись, но портреты Франклина, отпечатанные на них, были вполне различимы. Мужчина носил с собой целое состояние! На побуревшей коже желтели инициалы У. Г. Д. Уоррен Горас Донован!

Вспомнив имя мужчины, я уже не мог бросить его на произвол судьбы. Он был слишком важной персоной. Я знал, что через несколько часов толпа специалистов займется этим делом и меня обвинят в преступном безразличии к его жизни. Мне нужно было застраховаться от их придирок.

Я не сказал Уайту, кем был мужчина, лежавший на столе в его убогой кухне. Несчастный горный смотритель переволновался бы настолько, что уже не смог бы ассистировать мне.

Сняв с Донована брюки и нижнее белье, я аккуратно повернул его на бок, протер спиртом область между третьим и четвертым поясничными позвонками, а затем сделал анестезирующий укол. Теперь он не почувствовал бы боли, даже

если пришел бы в сознание.

Дыхание моего пациента было прерывистым, и я опустил его голову, подсунув под лопатки пару книг, лежавших на стуле. Артериальное давление падало, но мне удалось его немного повысить, введя в вену половину кубического сантиметра однопроцентного адреналинового раствора. Я приступил к ампутации, и через час операция была завершена.

Мне пришлось удалить кости ног вместе с частью тазобедренного сустава, поскольку он был разрублен, а артерии — разорваны. Густая артериальная кровь залила весь стол и половину пола в кухне Уайта. Ноги Донована не смог бы спасти ни один хирург на свете. И все время, затраченное на операцию, я отчетливо осознавал бесполезность своих стараний сохранить ему жизнь.

Солнце уже взошло, когда мы привязали Донована к носилкам, которые укрепили между двумя лошадьми. Начался изнурительный спуск с горы.

Я поехал на передней лошади, Уайт остался на станции. Мэтью, оправившийся от потрясения и теперь стыдившийся своей недавней слабости, шел посередине, поддерживая носилки.

Каждые десять минут мы останавливались,

и я измерял пульс Донована. Пульс был очень частым — около ста сорока ударов в минуту, — но прощупывался с трудом. Вскоре мне пришлось сделать ему еще одну внутривенную инъекцию адреналина.

На третьем часу пути Донован перестал дышать. Немного вытянув наружу его язык, я дал ему кислорода из стального баллона, который, на счастье, прихватил с собой. Нужно было также ввести ему в вену один-два кубика корамина, но его у меня не оказалось.

Я не спал две ночи и чувствовал, что мои силы скоро иссякнут. От усталости перед глазами плыли темные круги, пальцы рук сами собой разжимались, то и дело выпуская поводья.

Солнце палило нещадно. Однажды задняя лошадь оступилась, и Мэтью, ухвативший ее за уздцы, едва успел удержать ее от падения. В другой раз на тропу выползла гремучая змея. Лошади попятились, но Мэтью и тут оказался на высоте. Он поднял булыжник и убил ее. Затем поддел палкой и отшвырнул в сторону. Бросок оказался не совсем удачным — мертвая змея повисла на дереве, и нам пришлось немало помучиться, прежде чем мы сумели провести лошадей мимо нее.

Наконец внизу послышались голоса. Кричали

нам, и мы, уже полностью выбившиеся из сил, сели на краю тропы, ожидая подмоги.

К нам подошли четверо мужчин. Оказалось, что Шратт позвонил в Финикс и вызвал санитаров — но отказался от помощи врачей из местного госпиталя. По роду службы Шратт должен был сам позаботиться о раненых. Представляю, как он боялся потерять место, если никому не сказал, что всю работу за него выполнил я!

В Финиксе еще не знали, что самолет, разбившийся возле горной станции, принадлежал Уоррену Горасу Доновану; в противном случае никакие клятвы Гиппократа не удержали бы медицинский персонал госпиталя от немедленной поездки в горы, где каждый специалист сделал бы все возможное, чтобы спасти жизнь Уоррена Донована.

17 сентября

Перед самым прибытием на станцию Вашингтон в состоянии Донована наступил кризис. В кому он не впал — у него оказалось достаточно хорошее сердце, — но переправлять его в Финикс было уже поздно. Он не выдержал бы этой поездки.

Я велел отнести его в мою лабораторию и положить на операционный стол. Санитары с

любопытством оглядели шкафы с хирургическими инструментами. До сих пор они не слышали обо мне и не ожидали увидеть в моем доме такую совершенную медицинскую технику. Впрочем, люди, живущие в пустыне, не отличаются ни особой любознательностью, ни разговорчивостью. Жара не только делает человека вялым, но и размягчает мозги — в результате человек старается напрягать их не больше, чем это необходимо для удовлетворения самых примитивных жизненных потребностей. Я жил уединенно; моими занятиями никто не интересовался. Мало ли в пустыне анахоретов, не знающих предела в своих чудачествах и причудах?

Выпроводив санитаров, я переоделся в чистые брюки и сорочку, которые Дженис оставила на вешалке в лаборатории. На рабочем столе я нашел холодный кофе и сэндвич. Сама она, очевидно, ждала в соседней комнате — думала, что я позову ее. Вчерашний инцидент нарушил монотонное течение наших будней, и она вполне могла надеяться на перемену в наших отношениях.

Я осмотрел умирающего. Его пульс был учащенным, а удары сердца настолько слабыми, что я едва различал их с помощью стетоскопа.

Я подошел к двери и позвал Дженис.

— Где Шратт? — спросил я.

Было видно, что она не спала всю ночь, дожидаясь моего возвращения.

— Он повез второго раненого в Финикс, — ответила она.

— Позвони в госпиталь и скажи, пусть немедленно приезжает сюда. Потом приходи, поможешь мне.

Дженис опрометью бросился исполнять мои распоряжения.

Мне предстояло принять решение — срочно, пока еще не слишком поздно. Усталость как рукой сняло. Вот она, удача! Такой случай выпадает раз в десять лет. Человек, лежащий на операционном столе, умирает, но его мозг еще жив. Мозг уникальный, превосходной формы. Вон какая высокая лобная кость!

Я подключил его к энцефалографу. Прибор зарегистрировал сильные колебания в дельта-диапазоне.

Сопротивляемость и реактивность капуцина были значительно слабее. Животное отказывалось от борьбы, отступало перед смертью. В небольшом организме мозг играет не такую существенную роль, как органы, наделенные защитными функциями. Другое дело — человек.

Его тренированный мыслительный аппарат обладает практически беспредельными возможностями. Вот какой материал нужен нейрохирургу, занимающемуся проблемами трансплантации!

Только бы Шратт успел вовремя добраться до моей лаборатории!

На голове Донована почти не было волос. Это упрощало работу. Он находился в коматозном состоянии; следовательно, отпадала необходимость в анастезии.

Включив стерилизатор, я положил в него хирургический скальпель и медицинскую пилу Джильи.

Когда инструменты были готовы, я вынул скальпель, сделал полукруглый надрез над правым ухом Донована и повел лезвие по затылочной части черепа, вплоть до левой ушной раковины. Затем рассек виски и лоб. Кожа разошлась легко, почти без кровотечения.

Взяв в руки пилу Джильи, я сделал круговой разрез черепной коробки. Чтобы не повредить мозг, старался не задевать внутреннюю ткань. Когда эта стадия операции была завершена, я осторожно отделил верхнюю половину черепа от нижней.

Пальцы коснулись теплой сверкающей пленки,

покрывающей серое вещество.

Я аккуратно снял ее, и моим глазам открылся мозг Донована.

Донован перестал дышать — началось удушье, вызванное сердечной недостаточностью. Применение стимуляторов отняло бы слишком много драгоценного времени. Мозг нужно было извлечь из черепной коробки, покуда он еще жил. Я не имел права на риск, не мог повторять ошибку, которую допустил, оперируя капуцина.

В соседней комнате Дженис разговаривала с Финиксом. Шратт уже выехал ко мне. Это известие она повторила дважды, чтобы я расслышал его.

Только бы его «форд» не сломался по дороге!

Дженис повесила трубку и вошла в лабораторию. Сделав несколько неуверенных шагов, остановилась перед операционным столом.

— Подойди сюда, — не глядя на нее, приказал я.

Мне не хотелось давать ей время на раздумья. Начальными знаниями по медицине Дженис овладела для того, чтобы доставить мне удовольствие и чаще бывать в моем обществе. Сосредоточенная, спокойная, не теряющая самообладания даже в минуты опасности, она могла бы стать идеальной медсестрой. Но, как и Шратт,

она уже давно ненавидит мою работу, которая отнимает у нее мужа, оставляя взамен только одиночество и муки ревности. Она понимает, что, в сущности, я женился не на ней, а на скальпелях и химических препаратах.

— Пилу Джильи, быстро! — сказал я.

Не поворачивая головы, я протянул руку. Она поколебалась, затем подошла к стерилизатору, вернулась и вложила в мою ладонь требуемый инструмент. Я поднес пилу к затылочной кости. Занятый работой, я не слышал, как в комнату вошел Шратт.

Но вот я почувствовал на себе чей-то взгляд и поднял голову. Шратт стоял в нескольких ярдах от меня. Его лицо выражало крайнюю степень замешательства. Он явно боролся с собой, не зная, что лучше — убраться ли отсюда подобру-поздорову или прийти мне на помощь. В конце концов любопытство взяло верх. Видимо, он решил посмотреть, удастся ли мне выкрасть человеческий мозг.

Я разъединил две нижних половины черепной коробки, предварительно отделив продолговатый мозг от его сужающейся части основания.

— Дженис, мы хотели бы побыть вдвоем, — сказал я.

Она немедленно вышла из комнаты — как мне показалось, с облегчением. Я пожалел о том, что вообще позвал ее на помощь. Лишние свидетели мне вовсе не требовались!

Я бросил взгляд на Шратта.

— Наденьте халат и перчатки, — сказал я, надсекая тупой стороной скальпеля мягкую ткань между глазными мышцами и лобной костью.

Шратт закрыл лицо руками и на несколько секунд замер. Когда он опустил руки, выражение его лица было уже другим. Смысл происходящего он понял, как только переступил порог моей лаборатории. Я нарушил его этические и религиозные запреты, но он согласился помочь мне — добровольно, потому что принуждать его я не мог.

Луи Пастер, долгие годы дремавший в нем, внезапно проснулся — зажег его жаждой деятельности, заставил вспомнить о забытом призвании. Я знал, что позже он будет раскаиваться в своем поступке и страдать от угрызений совести, голос которой сможет заглушить только лишь новыми порциями мексиканской водки. Шратт это тоже знал, но все-таки поддался искушению.

Он подошел к столу и надел перчатки. К халату даже не притронулся — сразу потянулся к хирургическому ножу. Его обветренные руки стали

непривычно тонкими, почти изящными. Пальцы работали быстро и умело.

— Вот здесь придется разрезать, — сказал он, и, увидев мой одобрительный кивок, одним движением отсек продолговатый мозг.

Я достал из нагревателя кровяную сыворотку, подсоединил к компрессору резиновые трубки и включил ультрафиолетовые лампы.

— Готово? — спросил Шратт.

Я снова кивнул, вынул из стерилизатора широкий бинт, размотал и наложил на мозг. Шратт осторожно извлек его из черепной полости и погрузил в кровяную сыворотку, которую я успел налить в большой стеклянный сосуд. Общими усилиями мы вставили резиновые трубки в обе мозговые артерии — позвоночную и сонную, — и я нажал кнопку компрессора.

— Нужно торопиться, — снимая перчатки, сказал Шратт. За телом могут приехать с минуты на минуту.

Нахмурившись, он показал на труп и добавил:

— Думаю, лучше придать ему первоначальный вид. Набейте черепную полость ватой или чем-нибудь еще, иначе глаза провалятся в пустоту.

Я заполнил череп скомканной марлей, смазал срез резиновым клеем и аккуратно соединил

кости. Затем обмотал опустошенную голову Донована бинтами, пропитав повязку несколькими каплями его крови. Теперь можно было подумать, что кровоточила рана, полученная во время авиационной катастрофы.

Я повернулся к мозгу — хотел убедиться, что он еще жив, — но Шратт остановил меня.

— Мы сделали все, что могли, — сказал он. — Сейчас прежде всего нужно убрать тело. Или вы хотите, чтобы все увидели это? — Он кивнул на мозг. — Если мы вынесем труп на солнце, он сразу начнет разлагаться. Я бы не хотел, чтобы в морге пожелали провести вскрытие.

Шратт был прав, и я принялся исполнять его распоряжения — разумеется, без особого рвения. Впрочем, он не упивался своей новой властью надо мной. Привыкший уступать мне первенство во всем, что касается научных вопросов, он боялся показаться мне слишком самонадеянным и бесцеремонным.

Мы положили тело Донована на носилки, накрыли простыней и вынесли на крыльцо. Остальное должна была доделать жара. Вернувшись в лабораторию, мы тщательно вымыли руки и сменили одежду.

— Напишите заключение о смерти, пока не

приехали санитары, — спокойно произнес я.

Судя по его молчанию, он уже начал раскаиваться в содеянном.

Он осознал, что совершил преступление, и теперь боялся собственноручно написать показания, по которым его в любую минуту смогут привлечь к суду. От его недавней решительности не осталось и следа.

— Не смущайтесь, коллега, — добавил я. — Если мне не изменяет память, именно вы должны были обследовать пострадавших.

— Вы хотите, чтобы я расплачивался за ваши грехи, да? — жалобно улыбнулся он. — А почему бы мне не заявить, что меня ввели в заблуждение?

Я понял, что он имел в виду. Его непредсказуемое поведение угрожало не только мне. В припадке своей патологической депрессии он мог погубить нас обоих.

— Хотите выпить? — спросил я.

Он изумленно уставился на меня, прочитал мои мысли и устало покачал головой.

— Чтобы получить заключение о смерти, вам вовсе не обязательно меня спаивать, — направившись к письменному столу, пробормотал он. — Как его звали?

Когда я назвал имя потерпевшего, он побледнел.

— Уоррен Горас Донован, — с дрожью в голосе повторил он и медленно опустился на стул. — Мы украли мозг Донована!

Шратт вдруг засмеялся, вытащил из кармана пачку пустых бланков и взял со стола ручку.

— Думаю, в заключении лучше не упоминать его имени, — сказал он. — Будем надеяться, что на жаре труп успеет разложиться раньше, чем вокруг него соберутся все врачи нашего округа.

Он заполнил бланк и протянул его мне.

— «Смерть от потери крови и болевого шока в результате ампутации обеих ног», — прочитал я.

— В конце концов именно так и обстояло дело, — вставая из-за стола, извиняющимся тоном произнес Шратт. — Я прослежу за тем, чтобы тело доставили в Финикс.

Он надел свою широкополую шляпу и вышел за дверь, не удостоив меня даже взглядом на прощание. Он снова решил навсегда расстаться со мной.

В коридоре он остановился и вполголоса заговорил с Дженис. Они довольно часто шептались о чем-то тайком от меня, но мне никогда не приходило в голову мешать им. Направившись в

спальню, я позвал Дженис.

Она тотчас пришла в комнату.

— Тебе необходимо выспаться, — робко произнесла она.

Впервые за много лет Дженис указывала мне, что делать. Она молча переминалась с ноги на ногу, своим присутствием стараясь обратить мое внимание на ее просьбу.

— Позвонят санитары из Финикса, они должны приехать за телом, — сказал я. — Меня не подзывай — ни на их звонок, ни на любые другие.

Я сел на кровать. Меня и в самом деле валило с ног от усталости.

Я заснул раньше, чем успел лечь и повернуться лицом к стене.

18 сентября.

Проснулся я ночью. На столике возле постели стоял термос, рядом с ним лежали несколько сэндвичей. Я наспех перекусил и вернулся в лабораторию. За стеной слышались шаги Дженис. Она не спала, но вышла из своей комнаты.

Выглянув в окно, я увидел, что тело уже забрали. На письменном столе лежали вечерние газеты и записка. Оказывается, уже звонили из госпиталя — просили меня приехать в Финикс и поговорить с судебным исполнителем. Посколь-

ку судебным исполнителем в данном случае был Шратт, я бросил записку в мусорную корзину.

На первой полосе местной «Геральд» красовался заголовок: «Смерть промышленного магната. У. Г. Донован погиб в авиационной катастрофе. Самолет разбился в горах на подлете к аэродрому».

Я сунул газеты в ящик письменного стола и повернулся к мозгу Донована.

Компрессор исправно подавал кровяную сыворотку в главную артерию, на стенках колбы отражались зажженные лампы ультрафиолетового света.

Я подкатил столик с энцефалографом к стеклянному сосуду и подсоединил пять электронных датчиков к коре мозга. Один в области правого уха, два — над висками, два — в глазных впадинах.

Головной мозг любого живого существа окружен электронным полем, которое создают его клетки. Резонируя друг с другом, электромагнитные колебания каждой отдельной клетки достигают амплитуды, уловимой с помощью самой обычной измерительной аппаратуры.

Я щелкнул тумблером. Заработал небольшой электромотор, из горизонтальной щели со ско-

ростью один дюйм в секунду поползла полоска белой бумаги. Графитовый стержень чертил на ней тонкую прямую линию. Подкручивая колесико потенциометра, я стал постепенно увеличивать амплитуду электромагнитых колебаний — до тех пор, пока они не привели в движение графитовый стержень.

Линия на бумаге начала искривляться. Изломы следовали друг за другом, повторяясь через равные промежутки времени; мозг находился в состоянии покоя. Частота и амплитуда зигзагов, которые вычерчивал стержень, была такой же, как у спящего человека.

Я подсоединил один датчик к затылочной части мозга. Серии изломов остались прежними — по десять колебаний в секунду. Длина волны также не изменилась.

Я прикоснулся к стеклянной колбе — и альфа-волны тотчас исчезли. Мозг каким-то образом узнал о моем присутствии!

На бумаге появились дельта-волны: явный признак эмоциональной встревоженности.

Последняя, впрочем, наблюдалась недолго. Обессилевший после недавней операции, мозг снова впал в апатию.

Характер ломаных линий энцефалограммы

свидетельствовал о том, что он заснул — глубоким, спокойным сном.

Я несколько часов смотрел за графитовым стержнем, скользившим по узкой полосе белой бумаги. Я знал, что мои усилия не пропали даром.

Донован умер, но его мозг продолжал жить.

19 сентября.

Из госпиталя звонили уже три раза: спрашивали меня, просили приехать в Финикс и ответить на кое-какие вопросы, касавшиеся смерти Донована.

Все три раза Дженис говорила, что я очень занят, но при первой же возможности постараюсь выбраться из Вашингтона.

Шратт тоже звонил. Дженис беседовала с ним довольно долго, забрав телефон в свою комнату. Обычно она занимает линию не больше двух-трех минут, поэтому я заключил, что ситуация в Финиксе становится напряженной.

Когда из госпиталя позвонили в четвертый раз, я решил появиться там, прежде чем возникнут подозрения.

Дженис захотела поехать со мной. В машине она сидела молча, в напряженной позе. Я без всякого удовольствия чувствовал, что она исподволь

наблюдает за мной.

Дорогой мне пришлось подумать о необходимости внести ясность в наши отношения. У меня уже не оставалось сомнений в том, что ее притязания на семейную жизнь будут мешать моей работе. Я должен был восстановить гармонию в своем доме.

Когда мы приехали в город, Дженис изъявила желание подождать меня в машине. Я не стал спрашивать ее, почему она вдруг переменила свое первоначальное решение — да и зачем вообще задалась целью сопровождать меня в этой поездке. Я просто хлопнул дверцей и быстрым шагом пошел в госпиталь.

Перед самым входом стоял худощавый молодой человек в видавшем виды пиджаке и замусоленных брюках. Он навел на меня объектив фотоаппарата — сверкнула вспышка. Мне не понравилась лихорадочная поспешность, с которой действовал этот фотограф.

Медсестра, дежурившая в регистратуре, направила меня прямиком к доктору Хиггинсу, заведующему хирургическим отделением.

В приемной перед кабинетом Хиггинса сидел Шратт — неряшливо одетый, бледный и молчаливый. Я кивнул ему, но он отвел глаза в сторону,

будто и не узнал меня. Я уже хотел заговорить с ним, как вдруг Хиггинс открыл дверь и позвал меня к себе.

С ним был Вебстер, представитель авиакомпании. Он, видимо, решил обойтись без формальностей.

— Доктор Кори, — сразу сказал он, — Шратт говорит, что вы возглавляли спасательную группу, отправившуюся на горную станцию.

— Да, мне пришлось проявить инициативу, — ответил я. Если бы Шратт повел в горы добровольцев из Конапаха, он прибыл бы к месту катастрофы значительно позже.

— Насколько мне известно, до сих пор вы не состояли в числе практикующих врачей нашего округа, — язвительно заметил Хиггинс.

Его колкость не застала меня врасплох.

— Я врач, мистер Хиггинс, — твердо произнес я, — и, как всякий врач, в экстренных случаях обязан применять свои знания на пользу людям.

Я повернулся к Вебстеру. Тот рассеянно кивнул — как будто думал, что я попрошу его подтвердить справедливость своих слов.

Вебстер был не в духе. Смерть Донована не относилась к числу тех заурядных инцидентов, от которых он обычно отделывался простой отпис-

кой в регистрационной книге госпиталя. Он знал, что в самое ближайшее время все американские газеты разразятся пространными комментариями этого события. Разумеется, каждая из них посчитает своим долгом подробно проанализировать действия, предпринятые Вебстером в ночь катастрофы.

Донована не удалось бы спасти даже в том случае, если бы все лучшие специалисты клиники Майо ожидали его на месте аварии, — казалось, Хиггинс это понимал. Однако не он, а Вебстер нес прямую ответственность за то, что жизнь одного из самых богатых людей Америки оказалась во власти какого-то спившегося провинциального врача и никому не известного затворника с медицинским дипломом.

Вебстер всей душой желал, чтобы дело о гибели Донована было как можно скорее закрыто, — это обстоятельство играло мне на руку. Однако Хиггинс был настроен куда более воинственно. Он открыл дверь и позвал Шратта.

Шратт едва держался на ногах. С виду его никто не принял бы за штатного врача спасательной службы аэропорта. Вебстер бросил на него хмурый взгляд, а Хиггинс вообще отвернулся — казалось, внешность этого опустившегося врача

вызывала у него отвращение.

Хиггинс отрывисто произнес:

— Пожалуйста, следуйте за мной.

Пропустив его вперед, Вебстер пошел вторым, я — третьим. Шратт поплелся позади всех.

Шратт всегда отличался непредсказуемостью. Я боялся, что он потеряет остатки самообладания и выложит всю правду о случившемся в ту ночь. До сих пор он пытался заглушить голос совести алкоголем, но, как и большинство пьяниц, в результате еще больше страдал муками раскаяния.

Немного замедлив шаг, я поравнялся с ним. Он пошатывался, но я не решился поддерживать его — боялся, что он вообразит, будто я хочу заставить его выпрямиться. Любой мой жест мог вызвать самую неожиданную реакцию.

Хиггинс привел нас в морг. У дверей Шратт сделал усилие над собой и приосанился, подняв голову и расправив плечи.

В небольшом облицованном кафелем помещении лежало всего одно покрытое простыней тело. Я узнал труп Донована — в том месте, где у человека должны быть ноги, под складками белой материи угадывалась ровная поверхность стола.

Хиггинс отдернул простыню, и нам открылось почерневшее лицо Донована. У меня по спине

пробежал холодок. Повязка на его голове была перебинтована: следы крови сместились, превратились в несколько одинаковых бурых пятен, проступавших сквозь верхний слой марли.

Шратт тоже заметил, что бинты наложены подругому. Он отступил на шаг, но выражение его лица не изменилось. Вот так и всегда. Удары судьбы он принимает как фатальную неизбежность.

Хигинс встал между мной и столом.

— В заключении о смерти доктор Шратт написал, что мистер Донован умер после ампутации обеих ног. Скажите, доктор Кори, эти конечности — вы, случаем, не захватили их с собой?

— Если вы считаете, что в операции не было необходимости, то советую вам внимательно осмотреть обрубки, — холодно сказал я. — Они остались на станции. Поезжайте в горы и откопайте их, пока не поздно.

В разговор тотчас вмешался Вебстер. Он меньше всех был заинтересован в проведении медицинского расследования.

— Если Донован умер, не приходя в сознание, то переосвидетельствование его смерти ничего не даст. — Он пошел к двери. — Думаю, дальнейшее обсуждение этого дела не имеет смысла. Донована мы к жизни все равно не вернем — только

поднимем ненужную шумиху.

Он почти не скрывал желания поскорей закрыть дело, но Хиггинс явно не собирался идти у него на поводу.

— В заключении ничего не говорится о ране головы, — упрямо продолжал Хиггинс.

— При желании вы могли бы заметить, что ребра у него тоже сломаны, — спокойно ответил я. — Хотите, чтобы и это было занесено в протокол? Или желаете обвинить меня в некомпетентности? В таком случае ваши претензии не имеют никаких оснований. Я сделал все, что мог.

Хиггинс задумался. Он видел отчаяние Шратта, но не понимал причины его паники, и это мешало ему принять решение.

— Пойдемте, — поторопил его Вебстер. — Признаться, мне здесь немного не по себе. Я не привык к таким зрелищам…

Он открыл дверь и глубоко вдохнул — будто и впрямь боялся упасть в обморок.

Мы вышли из морга. У меня по лбу катились крупные капли пота, но я не мог вытереть его, не выдав себя. Через некоторое время наша небольшая процессия вернулась в кабинет Хиггинса.

— Мистер Вебстер, вам нужно сменить хирурга, — сказал Хиггинс, наконец нашедший козла

отпущения и теперь намеревавшийся отыграться на нем. — Доктор Шратт пренебрег своими прямыми обязанностями. Ему следовало лично поехать на место катастрофы, а не посылать кого-то еще. Насколько я понимаю, он просто был не в том состоянии, в котором мог справиться с работой.

Шратт вздрогнул. На его испитом лице отразилось смятение.

— Да, доктор Шратт, я вынужден вас уволить, — не глядя на него, с готовностью произнес Вебстер (было видно, что он рад возможности угодить Хиггинсу). — Сожалею, но у меня нет другого выхода.

Бросив на меня пытливый взгляд, он добавил:

— Таким образом, у нас освобождается вакансия медика, прикрепленного к спасательной службе аэропорта. Может быть, ее займет доктор Кори? Он живет неподалеку от зоны взлетов и заходов на посадку, так что…

Он вопросительно посмотрел на Хиггинса — видимо, нуждался в его согласии на продолжение этого разговора. Мне захотелось поставить их обоих на место.

— Благодарю вас, я не заинтересован в дополнительной работе, — сказал я, направившись

к двери.

Хиггинс двинулся следом. Его отношение ко мне переменилось, едва лишь он убедился в том, что со мной не так легко справиться.

— Доктор Кори, — миролюбивым тоном произнес он, — прошу прощения за доставленные вам неудобства. Как вы понимаете, я должен был расследовать все обстоятельства…

Я молчал, холодно глядя на него.

— Семья Донована сейчас находится здесь, в Де-Анза. Сделайте мне одолжение, навестите их. Они выразили желание поговорить с вами.

— Ладно.

Взяв шляпу, я вышел в коридор.

Мне было не по себе. Слишком уж странным казалось поведение Хиггинса. Знал ли он о том, что я удалил мозг Донована?

Кто заглядывал под повязки на голове трупа?

У меня за спиной послышались чьи-то шаги. Оглянувшись, я увидел Шратта. Он прошел мимо, даже не посмотрев на меня. Как будто это я виноват в его вечном невезении.

Выйдя из госпиталя, я пошел через рынок, к отелю Де-Анза. На площади перед ним стояла моя машина. Дженис в ней не было.

Когда я спросил мистера Донована, портье

принялся обхаживать меня так, будто я тоже был миллионером.

Мальчишка-посыльный проводил меня на четвертый этаж. По пути он доверительным тоном сообщил мне, что владелец отеля распорядился освободить все номера, начинающиеся на цифру «четыре» — разумеется, за исключением предоставленного Говарду Доновану и его сестре Хлое Бартон.

Судя по придыханию, с которым он произнес последнее имя, дочь Уоррена Донована была красавицей.

Меня принял ее брат, высокий сорокапятилетний мужчина, формой черепа напоминавший своего отца. Он поднялся из-за письменного стола, похлопал по разбросанным бумагам, будто что-то искал, затем вдруг взглянул мне в глаза и произнес:

— Рад видеть вас, доктор Кори.

Рассматривал он меня долго и бесцеремонно — точно я пришел не в гостиницу, а к следователю, вызвавшему меня на перекрестный допрос. Очевидно, отцовские деньги наделили его преувеличенными представлениями о собственной значимости и полным пренебрежением ко всем остальным людям. Мой негодующий взгляд он

просто не принял во внимание.

На письменном столе лежали побуревшей от крови бумажник, наручные часы устаревшей модели и потрепанная записная книжка, найденные у Донована-старшего.

Говорил Говард Донован, почти не разжимая губ, будто скупясь на слова.

— Я должен поблагодарить вас, доктор Кори, — сказал он с такой неохотой, точно его силой заставили произнести эту фразу. — Не сомневаюсь, вы сделали все возможное ради спасения моего отца.

У меня появилось искушение ответить утвердительно — хотя бы для того, чтобы посмотреть на его реакцию. Однако я промолчал, и Говард, недовольно пожав плечами, грузной походкой пошел к боковой двери.

— Полагаю, есть смысл познакомить вас с моей сестрой, пробормотал он так тихо, что я с трудом разобрал его слова.

Он уже взялся за дверную ручку, но, видимо, передумал, негромко постучал, а затем вопросительным тоном произнес имя своей сестры.

Вошла Хлоя Бартон. Она оказалась миловидной черноволосой девушкой, не скрывавшей своего высокого мнения о собственной привлекательно-

сти. Поздоровавшись со мной, она села в мягкое кожаное кресло, соединила пальцы ладонями наружу и замерла в грациозной, но немного неестественной позе.

По своей работе в госпитале я хорошо знаю женщин такого сорта. Им нужно, чтобы мужчины их обожали, хотя сами они еще не успели толком разобраться в себе и в своих желаниях. Эротоманки по натуре, они счастливы только тогда, когда уверены в успехе у сильного пола.

Приглядевшись к ее маленькому, немного вздернутому носику, я заметил небольшое утолщение малого крыловидного хряща — верный признак хирургического вмешательства.

В газетах любили смаковать подробности ее семейной жизни. Еще не так давно она была толстой, некрасивой девушкой с уродливым, изогнутым носом. Трижды выходила замуж — и всякий раз неудачно, за мужчин брутальной внешности и таких же брутальных привычек. После третьего развода, по скандальности превзошедшего оба предыдущих, она сделала пластическую операцию и полностью изменила образ жизни.

Строгая диета помогла ей сбросить сорок фунтов и стать настоящей красавицей. Вместе с

тем в ее характере появилась заносчивость, отпугнувшая многих прежних друзей и подруг. Расставаясь с ними, она не особенно переживала — целиком сосредоточилась на любовании собой, доходившем до степени неизлечимой патологии.

— Мы хотели поблагодарить вас за то, что вы облегчили кончину нашего несчастного отца, — произнесла она ровным, бесстрастным голосом. — Нам также хотелось бы знать, успел ли он что-нибудь сказать перед смертью — просил ли что-нибудь передать своим детям.

Говард Донован снова зашел за письменный стол и пристально посмотрел на меня. Свет, падавший из окна, ярко освещал мое лицо — сам же он стоял в тени. На губах Хлои Бартон застыла ледяная улыбка. Судя по ее напряженному взгляду, она ожидала услышать нечто важное.

— Вынужден вас разочаровать, — сказал я. — Мне и самому очень жаль, но я не помню ничего такого, что могло бы заинтересовать вас.

Казалось, мои слова поразили ее. Она с нескрываемым ужасом посмотрела на брата.

— Жаль, что он ничего не помнит, — сказала она, как будто надеялась, что он исправит такое положение дел.

Говард кивнул. Затем обратился ко мне:

— Для нас это крайне важно. Пожалуйста, постарайтесь припомнить — хотя бы несколько слов.

Они снова уставились на меня, точно пытались разгадать некий секрет, который я мог утаивать от них. Мне оставалось лишь пожать плечами.

— Послушайте, доктор Кори, — продолжал Говард Донован, мы не останемся в долгу перед вами. Любые ваши сведения будут оплачены.

Вероятно, ему казалось, что я чего-то не договариваю. Он засуетился, схватил со стола заскорузлый от крови бумажник — будто хотел поделиться его содержимым.

— Мне нечего сказать вам, — с досадой произнес я. — Ваш отец умер, не приходя в сознание. За все время, пока я его видел, он не произнес ни одного вразумительного слова.

— Вы уверены? — резко спросил Говард.

Мое терпение лопнуло.

— Вполне, — беря в руки шляпу, ответил я. — Человек, потерявший больше литра крови, не способен вести осмысленный разговор.

Я пошел к двери. Хлоя крикнула мне вдогонку:

— Все равно мы хотим заплатить вам за то, что вы пытались спасти нашего отца!

— Я не беру денег за свои услуги, — сказал я, выходя из комнаты.

Их поведение показалось мне загадочным. Очевидно, они боялись, что перед смертью старик сообщил мне какие-то сведения. Я попробовал оживить в памяти бессвязный лепет Донована, но не смог вспомнить ничего определенного.

Спустившись на площадь, я пошел к автомобильной стоянке. Мне хотелось поскорей выбраться из этого города. От обилия человеческих лиц и напряженных разговоров меня немного подташнивало.

Моя работа требует сосредоточенности. Много лет проведя в темных лабиринтах знаний, я привык двигаться на ощупь. Все, что не относится к науке, меня раздражает, отвлекает от главного — словом, вносит разлад в мою жизнь.

Мне нужно было успокоиться, привести в порядок взбудораженные чувства и мысли.

Хиггинс, Вебстер, Шратт — я хотел прогнать от себя их мелкие проблемы, но последние не выходили у меня из головы.

Проехав с десяток миль, я вспомнил, что совсем забыл про Дженис. Она должна была ждать меня в машине!

Окончательно расстроенный, я принялся

вглядываться в точку, где сужающаяся полоса автострады уходила за линию горизонта, и вдруг понял, как достичь более надежного контакта с мозгом.

В состоянии покоя он окружен альфа-полем, электромагнитная составляющая которого равна примерно десяти колебаниям в секунду. При интенсивных биомагнитных процессах эта частота увеличивается до двадцати герц, то есть приближается к бета-излучению. Если электромагнитные колебания, сопровождающие жизнедеятельность мозга, модулировать и пропустить через достаточно мощный усилитель, то любое изменение их частоты можно будет регистрировать с помощью обычной лампочки, установленной на выходе ВЧ-блока.

Таким образом, горящая лампочка будет означать, что мозг о чем-то думает. Отсутствие светового сигнала — отдыхает. Просто, как все гениальное!

На полной скорости подрулив к дому, я выскочил из машины и стремглав бросился к дверям, но в лабораторию вошел спокойным шагом, чтобы не потревожить ее нового обитателя.

Судя по энцефалограмме, он спал.

Стараясь не шуметь, я принялся за работу:

составил цепь из преобразователя и двух усилителей, к выходному высокочастотному каскаду подключил чувствительное реле и лампочку.

Затем пустил ток.

Никакого эффекта. Самописец продолжал фиксировать циклические колебания, характерные для частоты альфа, — мозг отдыхал.

Я постучал ногтем по стеклянному сосуду, в котором находился мозг, и мое вмешательство тотчас возымело действие. Альфа-колебания сменились дельта-циклами, реле замкнулось, лампочка загорелась. Загорелась!

Вдоволь насмотревшись на это чудо, я сел, чтобы перевести дух.

Лампочка погасла: мозг заснул. Но, когда я поднялся, он каким-то образом почувствовал мое движение, и свет снова зажегся.

Подойдя к рабочему столу, чтобы записать время своего открытия, я вздрогнул. У меня появилась новая идея: если мозг способен к мировосприятию — пусть даже ограниченному, то почему бы ему не обладать даром логического мышления? Он реагирует на внешнее раздражение — иначе альфа-волны не сменились бы бета — и дельта-частотами. Итак, в этом лишенном зрительных и слуховых рецепторов сгустке

органической материи происходят какие-то мыслительные процессы.

Подобно слепому человеку, он может ощущать свет. И подобно глухому — воспринимать звук. Обреченному на существование во мраке без тепла, запаха и вкуса, ему дана бесценная способность творить, испытывать творческое вдохновение. Он может полностью сосредоточиваться на главном — как раз потому, что отныне избавлен от отвлекающего воздействия человеческих переживаний.

Хотел бы я знать его мысли! Вот только вопрос — как вступить в общение с ним?

Он не может ни говорить, ни двигаться — но, если мне удастся изучить особенности его мышления, я найду ответ на величайшую загадку природы. Навсегда погруженный в уединенное самосозерцание, этот мозг поможет мне решить одну из вечных проблем мироздания!

Я услышал тарахтение подъехавшего автомобиля. Это Шратт привез Дженис домой. Я недовольно вздохнул. Шум двигателя, скрип тормозов, шаги Дженис, поднявшейся на крыльцо, — все это сразу отвлекло мои мысли от предмета, интересовавшего меня больше всего на свете.

Дженис прошла в свою комнату, в доме снова

стало тихо, однако я уже не мог сосредоточиться. Я вышел из лаборатории и постучался к ней.

Она отозвалась, я открыл дверь.

Дженис сидела на постели, повернувшись лицом ко мне и сложив руки на коленях. Казалось, она о чем-то напряженно думала.

— Жаль, что мне пришлось уехать из Финикса без тебя, — начал я, намереваясь раз и навсегда прояснить наши отношения.

— Меня привез Шратт, — безразличным тоном сказала она.

— Могу я присесть? — спросил я, оглядев комнату, в которой не был уже несколько месяцев.

Она кивнула, затем произнесла все тем же бесцветным голосом:

— Шратт потерял работу.

Она посмотрела на меня так, будто я был обязан помешать его несчастью.

— Знаю. Но что я мог сделать?

Она снова кивнула — но не в знак согласия со мной. Видимо, ожидала услышать от меня нечто подобное.

— Ты не захотел помочь ему.

Я опешил. Бог мой, что случилось с моей тихоней Дженис?

— Он так сказал?

— У него отчаянное положение, — уклончиво ответила она.

— Как у большинства запойных алкоголиков, у него налицо все признаки психоза Корсакова, если помнишь их из своих лекций. Забыла? Несобранность, неспособность усваивать информацию и приспосабливаться к новым условиям, прогрессирующий склероз, переходящий в амнезию, — все эти симптомы красноречиво свидетельствуют о том, что ему уже никто не сможет помочь.

Дженис грустно улыбнулась.

— Я предложила ему пожить у нас, — сказала она. — Надеюсь, ты не станешь возражать. Если отдать ему нашу свободную комнату — ту, с окном на задний двор, — он не будет мешать тебе.

Гостеприимство моей жены не имело границ. Будь ее воля, она заселила бы дом нищими и бродягами.

— Все ясно, остаток жизни мы проведем вместе с ним. Чудесная перспектива! Очевидно, я должен заплатить за его благосклонность. Он понимает, что ему известно слишком много о моей работе, — и желает обратить свое молчание в звонкую монету, не так ли?

Она не ответила, но заметно побледнела.

Дело в том, что дом принадлежит ей. Дженис может сделать с ним все, что хочет. Она платит за технику и инструменты. Я обязан ей всем, что имею, но она ни разу не говорила о моей зависимости от нее. Вероятно, просто не думала об этом. А ведь мне требовалась свобода — полная, без взаимных долгов и уступок! Дженис не желала вступать в пререкания. Ее взгляд немного смягчился. Она затаилась в своем мирке — жалком, но недоступном для упреков и оскорблений. Вот так всегда. Покоряется моей воле, а в результате подавляет меня!

— Ну хорошо, — сказал я. — А говорил ли Шратт, что Вебстер предложил мне его место? Может быть, мне придется занять его. Разумеется, это только в том случае, если не будет другого выхода.

Она снова улыбнулась, на этот раз — с сочувственным видом. Знала, что работа поглощает все мое время и мысли. По сравнению с ней даже наш брак до сих пор не имел никакого значения. Дженис понимала, что я не вправе разбрасываться.

Устав от этого разговора, я сел рядом с ней. Больше всего меня угнетало то обстоятельство, что я не мог приказать ей уйти от меня. Даже мой приказ не возымел бы действия. Она бы скорее

умерла или иссохла от жары и моей черствости, чем покинула меня!

Несколько лег назад она решила разделить мою судьбу, и с тех пор никакие силы, включая мое неуважение к ней, не могут разлучить нас. Чтобы избавиться от нее, мне пришлось бы стать убийцей или беглым супругом — но ни то, ни другое меня не устраивает.

Увы, я все еще не превратился в бездушного негодяя, которым меня считают такие люди, как Шратт. Воспоминания о ней преследовали бы меня до скончания дней — слишком уж тесно моя жизнь оказалась связанной с Дженис. Добровольно же она никогда не покорится моей воле. Она знает, что я это знаю, и бесплодность моих стараний вызвать ссору переполняет ее гордостью за себя, наделяет силами, помогающими ей противостоять мне.

— Ладно, пусть Шратт остается у нас.

Я сдался. У меня не было сил продолжать эту бессмысленную борьбу. Дженис лишь крепче привязывалась ко мне — вот и все, чего я добивался своими усилиями.

25 сентября

Я перенес кровать в лабораторию. Мне хотелось жить как можно ближе к объекту моих

наблюдений.

В лаборатории я ем и сплю, с Дженис и Шраттом не вижусь совсем. Время от времени за окном тарахтит его старенький автомобиль — Шратт куда-то уезжает, а потом снова возвращается. Пищу мне приносит Франклин. Вышколенный, как всякий хороший слуга, он никогда не отвлекает меня разговорами.

Я велел ему собрать все известия, касающиеся смерти Донована, а он передал мое желание Дженис. В результате у меня на столе почти каждое утро появляются свежие газеты и журналы со статьями о Доновaне. Я читаю их от первой до последней строчки — теперь о его жизни я знаю столько, сколько не узнал бы за десять лет непосредственного общения с ним.

Разумеется, этому в немалой степени способствуют довольно близкие отношения, наладившиеся между мной и содержимым стеклянного конусообразного сосуда. Мозг Донована — отнюдь не косная материя, влачащая бесцельное существование благодаря компрессору и кровяной сыворотке. Это живой орган, способный реагировать на многие проявления внешнего мира.

Судя по публикациям в прессе, после первых же шокирующих сообщений о катастрофе и

ее жертвах, газетчикам открылись некоторые неприглядные подробности личной жизни Донована.

Чем больше я читал, тем меньше симпатизировал ему. Как и все воротилы бизнеса, при жизни он не страдал излишней щепетильностью. Впрочем, таково правило: только очень небольшие состояния могут быть нажиты честным путем. Чтобы в короткое время сколотить миллионы, человеку нужно забыть о совести и порядочности.

Никто не знал, какими суммами располагал Донован, но всем было известно, что ему принадлежала крупнейшая международная фирма, занимающаяся пересылкой товаров почтой. Ее коммуникационные линии опутывали весь земной шар, точно щупальца спрута.

Уоррен Донован погиб в шестьдесят пять лет — в возрасте, отнюдь не преклонном для сильного, здорового мужчины. На борту самолета, кроме него, находились ведущий адвокат фирмы и два пилота. За несколько дней до смерти он передал дела сыну. Это удивило как совет директоров, так и семью магната.

Почему Донован ни с того ни с сего отказался от власти, за которую боролся всю жизнь, газетчики так и не выяснили. Воздушное путешествие в

Майами он предпринял, не поставив в известность ни родственников, ни знакомых. Кое-кто поговаривал о его ссоре с сыном и дочерью. Один довольно солидный журнал намекал на какую-то болезнь, внезапно поразившую всесильного бизнесмена, но толком никто ничего не знал.

Биография Донована не на шутку заинтересовала меня. Природа наших эмоций не изучена и на сотую долю, но теперь я обладаю уникальной возможностью проникнуть в тайны мозга, может быть, установить факторы, влияющие на его способности и ресурсы.

Передо мной лежит путь в заповедную область человеческого сознания.

Я часами просматриваю пронумерованные и подколотые к папке энцефалограммы — пытаюсь найти связь между формой графитовых кривых линий и мыслями, которые они могут выражать.

Известно, что эти кривые изменяются в зависимости от образов, которые представляет мозг, — например, думает он о дереве или о скачущей лошади. То же самое можно сказать об эмоциональных состояниях. Линии, отражающие ненависть, будут отличаться от линий, соответствующих приятным ощущениям.

Вполне допустимо, что существует какой-то

алгоритм, позволяющий переводить знаки энцефалограммы на язык образов. Если я найду ключ к нему, мозг получит возможность общаться со мной.

Я не смогу разговаривать с ним — у него нет органов слуха, как, впрочем, и зрения. Нет у него также рецепторов обоняния или вкуса. Тем не менее он восприимчив к осязаемым колебаниям внешней среды. Когда я стучу ногтем по стеклянному сосуду, характер энцефалограммы меняется. Если этот мозг и впрямь сохранил способность думать, я смогу послать ему кое-какую весточку.

Проблема в том, как получить ответ на нее.

30 сентября

Несколько дней я пытался передать ему с помощью азбуки Морзе: —….—.—.—…—……—.—.!

Слушай, Донован! Слушай, Донован!

Энцефалограмма менялась, но всякий раз по-разному, на альфа — и бета-частотах. Форма линий не повторялась.

Мне пришло в голову, что мозг просто не понимает моего языка. Это в том случае, если Донован не имел ни малейшего представления о телеграфных кодах. Как я сразу не сообразил?

В самом деле, любой мозг может оперировать только с теми понятиями и символами, которые

известны ему из прошлого опыта. Следовательно, в данных обстоятельствах нужно было начинать с пополнения суммы знаний, уже усвоенных моим подопечным.

Я начал терпеливо отстукивать по стеклу азбуку Морзе:.—А, — … В

За эту работу я принимаюсь днем и ночью, как только загорается лампочка на выходе НЧ-блока. Иногда мной овладевает отчаяние — ни один признак не указывает на то, что мозг понимает мои намерения.

Тем не менее у меня создается впечатление, что он каким-то образом наблюдает за мной. Бета-колебания энцефалограммы все время остаются плавными и четкими — мозг как будто сосредоточенно размышляет над моими действиями. Когда я перестаю стучать по стеклу, линии на бумаге принимают иной характер.

Может быть, мозг Донована пытается найти контакт со мной?

2 октября

Опыт с азбукой Морзе я повторял сотнями раз — иногда механически, засыпая от усталости. Это занятие увлекло меня настолько, что я и во сне продолжал отстукивать точки и тире. Полагаю, моя настойчивость сказалась бы, даже если бы

я имел дело с младенцем. Что же тогда говорить о тренированном, искушенном мозге Донована? Уж во всяком случае, он должен был уловить закономерность в повторяющихся ударах по стеклу.

Я опять начал передавать: «Слушай, Донован! Ты меня понимаешь? Донован! Если воспринимаешь мои сигналы, три раза думай о дереве. Три раза. Дерево. Дерево. Дерево».

Я посмотрел на энцефалограмму. Грифель самописца задрожал и вдруг выдал серию ломаных линий. Затем еще одну. И наконец третью — такую же, как две предыдущих. Дельта-колебания небывалой амплитуды!

Обессилев, я рухнул на кровать. Мне нужно было собраться с мыслями. Неужели ошибка? Или мозг действительно ответил мне? На бумаге трижды появились одни и те же линии, но означало ли это, что он понял меня?

Я бросился к сосуду и отстучал: «Думай о дереве. Три раза. Дерево. Дерево. Дерево».

Самописец снова вычертил три серии ломаных линий — размашистых и практически идентичных, как подписи одного и того же человека.

Затем альфа-циклы сменились плавными бета-колебаниями. Мозг заснул. Очевидно, выдохся:

сказалась перенесенная операция.

Я продолжал следить за показаниями энцефалографа. Амплитуда кривых постепенно увеличивалась. Вскоре грифель самописца задергался как в лихорадке. Мозгу снились кошмары!

3 октября

Этой же ночью, позже, я навестил Шратта. Мне нужно было посоветоваться с ним.

Мозг подчинился моей воле и воспроизвел образы, которые я велел ему представить. Но как прочитать его собственные мысли — неоспоримо существующие, запечатленные в каракулях энцефалограмм? Мне не терпится, я боюсь, что он не доживет до завершения моего эксперимента. У меня мало времени.

Было три часа ночи. В небе сияли яркие звезды. Под ногами хрустел смерзшийся песок.

Пройдя мимо гаража, я без стука открыл дверь в комнату Шратта. Он спал, лежа на спине, с открытым ртом. Его лицо осунулось, но сам он выглядел немного лучше, чем несколько дней назад — морщины разгладились, на щеках появился румянец. Благотворное влияние Дженис, догадался я. Она заставила его отказаться от спиртного.

Его глаза вдруг открылись. Повернув голову, он уставился на меня, как на призрака. Когда я

позвал его, он приподнялся на локте — по-прежнему не сводя с меня глаз.

— Идемте со мной, — сказал я.

Мой голос прозвучал хрипло, почти грубо.

Должно быть, я испугал Шратта — в его взгляде промелькнуло выражение подозрительности. Уж не думает ли он, что я хочу заманить его в лабораторию, заковать в цепи и использовать для своих опытов?

— Мне нужно кое-что показать вам, — добавил я.

Все так же недоверчиво хмурясь, он встал с постели и надел грязный домашний халат. Казалось, он не переставал о чем-то напряженно размышлять. Наконец он сел на стул, выдохнул и с решительным видом произнес:

— Патрик, мне нет никакого дела до ваших экспериментов.

Я опешил. Итак, Шратт решил не участвовать в моей работе. Поселившись в моем доме, он отстранился от меня еще больше, чем в те дни, когда стремглав выбегал из лаборатории, намереваясь никогда не возвращаться в нее.

— Вы обязаны помочь мне, Шратт. Без вас я не смогу продолжить начатое.

В эту минуту я был способен даже на лесть. Мое

заявление явно тронуло его — однако, запахнув полы халата, он упрямо покачал головой.

Для него, как и для меня, весь мир представляет собой одну большую лабораторию. Разница в том, что я использую ее для достижения новых знаний, а он хватается за старые, отрекаясь от себя как от ученого.

— Патрик, вы знаете, что я испытываю отвращение к вашим исследованиям. Они не помогут человечеству — только умножат его несчастья. Когда-нибудь они вернут людей в эпоху варварства.

— Я такой же ученый, как и вы, — возразил я. — Мы оба всю жизнь специализировались в одной, довольно узкой области знаний, а потому не можем заглядывать так далеко вперед. Впрочем, нам это не нужно. Достаточно сознавать, что цивилизация не может существовать без специализации на какой-то определенной профессии.

— Цивилизация меня не интересует. Мы не можем понять собственной души, а лезем в физику, химию, медицину — уверяю вас, это от страха за себя, от сознания собственной беспомощности и ничтожности. У нас уже не осталось того человеческого достоинства, которое отличает человека от животного. Вы же хотите, чтобы мы

пошли еще дальше — превратились в высококвалифицированных питекантропов, бездушных и эгоистичных. Желая синтезировать жизнь, вы препарируете ее, убиваете дух, поднимающий человека над землей. Вы верите только в свои приборы и механизмы. Вы убиваете веру! Меня радует, что таких индивидуумов у нас не слишком много. Поклоняясь идолу рациональности, вы отказываетесь признавать то, что не можете воспроизвести в лабораторных условиях. Я вас боюсь, Патрик. Вы конструируете механическую душу, которая разрушит этот мир.

Я терпеливо выслушал его тираду. Мне казалось, что ему хотелось главным образом выговориться, а не убедить меня в ненужности моей работы.

— Все великие ученые, — спокойно сказал я, — неизбежно приходят к точке творческого пути, где разум сталкивается с чем-то, выходящим за область человеческого понимания. Они признают существование материй, божественных по своей природе. Вспомните, сколько гениальных творцов науки к концу жизни начинали верить в Бога.

Шратт с изумлением посмотрел на меня. Он и сам мог бы подписаться под этими словами. Уви-

дев, что я произнес их без малейшей иронии, он кивнул — но так, будто осуждал меня за сказанное. Наверное, все еще не доверял и сомневался во мне как в приспешнике его философии.

— Разумеется, — добавил я, — чтобы дойти до этой точки, за которой начинается великое Неведомое, человек должен преодолеть все пространство умопостигаемого опыта. Наш путь нелегок, но мы идем не вслепую: нам помогают ориентиры, оставленные нашими предшественниками, — конкретные, но указывающие на существование других, запредельных субстанций. Например, мы пользуемся знаком бесконечности. Мы оперируем им, имея дело с конкретными цифрами, мы ставим перед ним плюс или минус — превращая в образ, зрительно воспринимаем ее форму. Это кому-нибудь вредит? Естественно, нет. Более того, уходя в сферы, далекие от обыденной жизни, мы возвращаемся с решениями самых насущных земных проблем. Вот почему я не могу отказаться от своих исследований. Вот почему не могу поддаваться малодушию. Мой путь ведет к Богу — и я должен пройти его до конца.

Шратт смотрел в сторону, думая о чем-то своем.

— Спасение дается за дела, а не за огульное

отрицание, — заключил я.

С этими словами я вышел за порог.

Луна сияла, как небольшое белое солнце, окруженное мириадами настороженных, немигающих звезд.

Я уже несколько лет не смотрел на звездное небо.

За дверью послышалось приглушенное бормотание Шратта, и вскоре он вышел из своей каморки.

Когда я привел его в лабораторию, он снова насупился.

— Что вы хотите показать мне?

— Мозг вступил в контакт со мной, — сказал я.

Показав на конусообразный сосуд, я в двух словах объяснил действие аппаратуры.

Шратт постучал пальцем по стеклу. Лампочка загорелась почти сразу.

У Шратта округлились глаза. Судя по выражению его лица, он не решался спросить, как мне удалось добиться такого эффекта.

Я рассказал об опытах с азбукой Морзе. Шратт слушал затаив дыхание, не смея пошевелиться — будто столкнулся с чем-то сверхъестественным.

Я отстучал мозгу приказ: трижды подумать о дереве.

Энцефалограф последовательно зафиксировал три практически конгруэнтных кривых.

Не сводя глаз с сосуда, Шратт медленно сел на мою постель. Затем окинул взглядом лабораторию и сокрушенно опустил голову. Шратт — гений. Он никогда не сомневается в очевидном и не боится новизны, а на это способны только очень незаурядные люди. Такие, как Шратт.

Я присел рядом, дал ему время справиться с волнением. Наконец он встал, подошел к стеклянному конусу и осторожно провел пальцем по тонкому электрическому кабелю, соединяющему датчики с энцефалографом. Лампочка загорелась — Шратт кивнул и с торжествующим видом повернулся ко мне.

— Мозг живет, — выдохнул он, словно хотел возвестить какую-то вселенскую истину. — Живет, тут нет никаких сомнений! Осталось лишь вступить в двустороннюю связь с ним.

Он снова сел на край постели, прикрыл глаза и задумался. Казалось, его не обескураживала безнадежность задачи, которую он поставил перед собой.

Взяв со стола стопку энцефалограмм, он внимательно просмотрел их.

— Альфа-, бета- и дельта- частоты, — сказал

он. — Но ведь они не поддаются дешифровке!

Он отложил бумаги в сторону — демонстративно отказался вникать в переплетения кривых и ломаных линий.

— К ним не подберешь ключа, — с решительным видом заявил он. — Вы пробовали, не так ли?

Я кивнул.

— Вы пошли неверным путем. И с самого начала знали, что он никуда вас не приведет…

Я принялся отстаивать свою теорию — только для того, чтобы услышать ее опровержение.

— Мне удалось установить форму кривых, соответствующих мысли «дерево». Если поочередно внушать ему другие мысленные образы, через некоторое время можно будет составить таблицу энцефалограмм, позволяющих переводить эти символы на наш язык. Теоретически для моей гипотезы требуется всего лишь одно допущение — что определенной мысли соответствует определенная форма электромагнитных колебаний, характеризующих биофизическую деятельность мозга. Что касается выразительных средств, то мы можем не сомневаться в способности нашего языка передать любое значение электромагнитного кода. Все колебания биополя ограничены

диапазоном от одной второй до шестидесяти циклов в секунду, тогда как слух воспринимает звуковые колебания от десяти до шестнадцати тысяч герц. Следовательно, у звука вариативность больше, чем у мысли.

Шратт покачал головой.

— Выразительные средства языка зависят не от частоты звуковых колебаний, а от их организации во времени — от чередования звуковых волн разной длины. Вы и в самом деле добились успеха: мозг Донована воспроизвел электромагнитные колебания идентичной формы. Но значит ли это, что он думал о том же, о чем думали вы? Обратите внимание — фиксация этих кривых на бумаге заняла гораздо больше времени, чем потребовалось вам, чтобы мысленно представить образ дерева. Откуда вам известно, о чем он думал в оставшиеся секунды? Нет, я полагаю, нам придется отказаться от гипотезы качественного сходства энцефалограммы и телеграфной азбуки.

Он был прав. Но какую альтернативу мог я предложить взамен своей ошибочной теории?

— Скорее уж нам удастся установить с ним телепатическую связь, — задумчиво произнес Шратт.

Я ошеломленно уставился на него. Использо-

вать неизученное средство для познания неизвестной субстанции? Такой неортодоксальный метод просто не укладывался у меня в голове.

Должно быть, Шратт почувствовал мою настороженность, посмотрев на меня, он добавил:

— А почему бы и нет? Как известно, большие мозговые полушария испускают электромагнитные колебания в микроволновом диапазоне — одинаковом для всех людей. Следовательно, теоретически один мозг может передавать мысли на расстоянии, а другой — принимать их.

— Другой — это чей? — спросил я.

— Ваш, — ответил Шратт.

Он хмыкнул, а затем несколько раз кивнул — как бы соглашаясь с самим собой.

— Ваша теория телепатии слишком примитивна, чтобы найти практическое применение, — сухо сказал я.

— Усложнение проблемы тоже не всегда приводит к успеху, — беззлобно съязвил он.

Я хотел вспылить, но вовремя взял себя в руки. Каким бы безумным ни казалось предложение Шратта, другого выхода у меня не было.

Я задумался.

Ну, хорошо. Допустим, один мозг — передатчик, другой — приемник. Между ними — слабое элек-

тромагнитное поле.

В принципе это возможно. Регистрирует же энцефалограф испускаемые мозгом микроволны. Вопрос в другом — как быть со вторым мозгом? Сможет ли он адекватно трансформировать сигналы, передаваемые первым?

С другой стороны, мой медицинский опыт подсказывал, что явление телепатии — не выдумка. Изучая различные состояния человеческого мозга, я не раз подумывал о том, что в некоторых условиях он может действовать подобно приемно-передающему устройству.

— Предположим, теория верна. Но как мы сможем осуществить ее на практике? — спросил я.

— Нужно поставить эксперимент, — вставая с постели, сказал Шратт. — Попробуйте анализировать каждую мысль, которая приходит вам в голову, — особенно если она хоть немного не свойственна вам. Может быть, мозг Донована уже сейчас пытается вступить в контакт с вами.

— Иногда меня посещают мысли, не связанные с моей работой, — те, что называются мимолетными. Нет, мне нужно более веское доказательство.

— Обратитесь к практике медиумов, — предложил он.

— По-моему, мы становимся на зыбкую почву

средневековой схоластики, — заметил я, разочарованный легкомыслием Шратта. — Мы с вами находимся в медицинской лаборатории, а не на спиритическом сеансе.

Шратт подошел к окну и задумчиво посмотрел на улицу.

— Дайте мне немного времени, — сказал он. — Доказательство будет. В этом я не сомневаюсь.

Он повернулся и быстрым шагом вышел из лаборатории, как всегда, не попрощавшись.

За окном уже брезжил рассвет.

От усталости я никак не мог собраться с мыслями. Мне не хотелось думать о предложении Шратта.

Я придвинул кресло к сосуду с мозгом. Судя по горящей лампочке, он не спал. Его серая масса неподвижно лежала за стеклом, опутанном электрическими проводами и резиновыми трубками. О чем он сейчас думал?

6 октября

Потратив несколько дней на безрезультатные эксперименты, я отказался от телепатии.

Мозг Донована для нее не подходит. Центральная нервная система, как известно, состоит из головного мозга, мозжечка и спинного мозга. Последний у моего объекта отсутствует — а без него

он не способен воздействовать на мою нервную систему.

Боюсь, исследование зашло в тупик. Необходим какой-то новый подход, но я его не вижу — куда ни глянь, всюду глухая стена.

Со Шраттом я на эту тему больше не разговаривал. Один метод он предложил, а других у него нет. Мне тоже нечего сказать ему — вот мы и избегаем друг друга.

Шратт жалеет о провалившемся замысле, а меня злит его скептическое отношение к моей работе.

Прошлой ночью Дженис упала в обморок. За ней ухаживал Шратт. Думаю, на самочувствии Дженис сказалась жара. Ей нужно уехать отсюда, покуда самой же не пришлось расплачиваться за свое упрямство. Я ее предупреждал и вины за собой не чувствую.

Франклин по-прежнему покупает газеты и журналы с новыми статьями о Дононване.

Одна из них была украшена фотографией похорон Уоррена Донована. За умопомрачительно дорогим гробом шествовал Говард, за ним — Хлоя.

Донована кремировали. Следовательно, улик больше нет.

Миллионер не думал, что умрет так скоро. Он не оставил завещания.

Как известно, от власти просто так не отказываются. Для этого необходимо либо желание насладиться жизнью, либо предчувствие близкой кончины. Тем более, если речь идет о Доновaне. Не такой он был человек, чтобы пренебречь многомиллионной корпорацией ради игры в гольф или чтения книг. Работа значила для него все на свете — и все-таки он ее бросил. Почему? За всем этим необъяснимым поступком крылась какая-то тайна.

Газеты наперебой толковали о якобы припрятанных миллионах Донована. Оказалось, что в течение последних лет жизни он изымал из оборота крупные суммы наличных — они не были обнаружены ни на одном из его банковских счетов.

Статья в журнале «Сандей» называлась «Особняк во Флориде, хранилище утерянных миллионов». Фотография изображала виллу, где, как предполагалось, были спрятаны деньги. К снимку прилагался рисунок: набычившийся Говард и сгорающая от нетерпения Хлоя стояли с топором и лопатой, готовые броситься на поиски сокровищ.

В одной газете была помещена моя фотография. Репортер запечатлел меня в тот момент, когда я входил в госпиталь Финикса. Рядом был снимок Дженис, сидевшей в моей машине. Мне припомнился человек с фотоаппаратом, встретивший меня на ступенях госпиталя.

«Доктор Патрик Кори, загадочный хирург, оперировавший покойного У. Г. Донована», — гласила подпись.

С моим снимком соседствовал рисунок, изображавший меня в доме Уайта: я стоял в позе драматического актера, в руке был зажат скальпель, занесенный над телом умирающего. Внизу тоже стояла подпись: «Успел ли миллионер поведать свою тайну врачу?»

Уайт был сфотографирован рядом с земляным холмиком, под которым лежали ноги Донована. Нижнюю часть той же полосы занимала зарисовка с места катастрофы, маленькими черными фигурками были указаны тела — там, где их нашла спасательная группа. В конце концов я перестал читать газеты. Жизнь Донована мне была безразлична — меня интересовало будущее его мозга.

Вчера позвонили из Финикса: прибыла следственная комиссия авиационной компании, и

я был должен составить письменный отчет о случившемся. Желая поскорее отделаться от всех формальностей, я немедленно отослал им свидетельские показания.

Я хочу, чтобы они забыли о Доноване.

7 октября

Прошлой ночью мне вдруг захотелось пойти в гостиную и включить радиоприемник. Понятия не имею, откуда у меня взялось такое желание: обычно я слушаю только метеосводки, да и то если собираюсь выехать из дома. Все остальные радиопередачи меня раздражают (когда-то, во время работы в клинике, они слишком часто мешали мне сосредоточиться), однако подсознательные порывы далеко не всегда удается сразу проанализировать. Поэтому я предпочитаю не сопротивляться им.

Дженис еще не спала — чинила рубашку Шратта. Меня вновь поразил ее анемичный вид, особенно бросились в глаза худоба и бледность лица. Когда я вошел, она отложила работу — думала, что у нас будет разговор, — но я лишь включил радио.

На коротких волнах шла какая-то передача на испанском языке. Покрутив ручку настройки, я нашел французскую: приглушенную помехами

классическую музыку. Я переключил диапазон, и из динамика грянул латиноамериканский джаз. Внезапно я понял, что мне требовалось, — и со всех ног бросился к Шратту.

Шратт сидел в кресле. Увидев меня, он переменился в лице.

— Что-нибудь с Дженис? — тревожно спросил он.

— С ней все в порядке, — ответил я.

Шратт с облегчением вздохнул — но все еще не успокоился.

— В последние дни ей нездоровится, — сказал он.

У меня не было никакого желания обсуждать самочувствие Дженис.

— Я велел ей вернуться в Новую Англию. Скоро она уедет отсюда.

Мне не понравился взгляд, которым он смерил меня. Какое ему дело до наших семейных проблем?

— Кажется, я на верном пути, — стараясь не выдать волнения, добавил я.

Шратт не ответил. По-моему, его покоробило мое безразличное отношение к Дженис.

— Я пробовал практически осуществить ваше предложение. Мозгу Донована не хватает силы

для телепатической связи со мной, — сказал я. — Через электронику мысли не пропустишь. И все-таки мы можем их усилить.

В его глазах мелькнуло заинтересованное выражение — я снова почувствовал, что стою на верном пути.

— Вот простой пример, — продолжил я. — Допустим, вы слушаете радио. Если сигнал слабый — скажем, приходит откуда-то издалека, — то увеличение мощности приемника на качество звука не повлияет. Чтобы улучшить прием, нужно увеличить мощность передатчика.

Он с недоумением посмотрел на меня — видимо, еще не взял в толк, куда я клоню. Я добавил:

— Мы будем стимулировать способности Донована до тех пор, пока кто-нибудь из нас не сможет принимать его мысли.

Шратт понял мою мысль. Однако ему по-прежнему был неясен метод, которым я собирался воспользоваться.

— Если суммарный заряд биополя мозговых клеток удастся довести до нескольких тысяч микровольт, мощность телепатического сигнала увеличится в десятки раз. Может быть, тогда его силы хватит, чтобы воздействовать на любого человека.

Шратт кивнул, но в его взгляде появилась настороженность.

— Вероятно, вы правы, Патрик, — медленно проговорил он. Вот только…

Он заколебался. В эту минуту я его ненавидел — за нерешительность и недоверие к моей работе. Мне требовалась помощь, а не попытки разубедить меня в ее целесообразности.

— Оставьте ваши нотации, Шратт — вспылил я. — Я должен продолжать исследования, вы это знаете. У меня нет времени обсуждать наши этические разногласия.

— Вы имеете дело с силами, которыми не умеете управлять, — с дрожью в голосе произнес он. — Возможности человеческого мозга безграничны, и неизвестно, чем все это…

— По-вашему, я должен прекратить эксперименты, потому что они представляют какую-то опасность для нас — устав от его малодушия, резко спросил я. — Уверяю вас, остановить их я успею в любой момент.

— Каким образом?

— Отключу компрессор, вот и все. Как только прекратиться подача крови, мозг Донована умрет.

— Мне нужно подумать, — сказал Шратт.

Хлопнув дверью, я вышел из комнаты.

10 октября

Установлена дополнительная ультрафиолетовая лампа, в артериях циркулирует свежая кровяная сыворотка, позволяющая быстрее выводить углекислоту. Приготовлена плазма нового состава, обогащенная кислотами, протеинами, солями, жирами и аминокислотами — чтобы поддерживать необходимую концентрацию водорода.

Я хочу добиться эффекта пресыщения. Избыток калорийных питательных веществ скажется на метаболизме, затем последуют изменения всех химических и биологических процессов.

12 октября

Амплитуда энцефалограмм заметно увеличилась, альфа-колебания полностью исчезли. Мозг практически не отдыхает: чаще засыпает, но даже во сне продолжает какую-то неведомую мне деятельность. Вчера лампочка горела шесть часов тридцать восемь минут, сегодня — уже шесть часов двадцать пять минут. Видимо, обильное питание приводит к повышенной сонливости. Вместе с тем пробуждаются скрытые силы мозга, увеличивается его жизненная активность.

14 октября

Электрический потенциал биополя возрос до пятисот десяти микровольт.

В сером веществе увеличилось число новых клеток. Структура человеческого мозга всегда подчинена какой-то цели, поэтому я гадаю, какие функции они могут выполнять.

16 октября

Приходил Шратт. Я показал ему разросшийся мозг, продемонстрировал его сенсорные реакции. Напряжение биополя увеличилось до тысячи с лишним микровольт. Скоро я смогу измерять его обычным тестером.

Шратт придумал, как упростить приготовление питательного раствора. Он привез из морга человеческий мозг, накануне извлеченный из черепа какого-то безвестного забулдыги. В нем содержатся все элементы, из которых состоит живой орган. Теперь вместо комбинирования десятков компонентов достаточно добавить в кровяную сыворотку несколько граммов этих останков — и питание готово.

Подобная мысль мне и самому уже приходила в голову.

Я поблагодарил Шратта, а он воспользовался моей признательностью, чтобы заговорить о

Дженис. Она уезжает в Лос-Анджелес: Шратт попросил меня повидаться с ней.

Судя по его серьезному виду, он решил заниматься моими проблемами в обмен на какие-то уступки с моей стороны.

Я пообещал встретиться с Дженис.

17 октября

Моя преступная халатность чуть не обернулась трагедией. Меняя фильтры компрессора, я уронил в раствор два провода, в результате чего произошло короткое замыкание.

Из стеклянного сосуда посыпались искры, компрессор отключился. Самописец вычертил прямую линию и тоже остановился.

Я спешно заменил сгоревший предохранитель, починил аппаратуру, однако мозг не подавал признаков жизни.

Меня ужаснула мысль о бесславном конце моего эксперимента.

Я добавил в сыворотку половину кубического сантиметра тысячного раствора адреналина.

Через несколько минут загорелась лампочка, энцефалограф зарегистрировал отчетливые дельта-колебания.

Я еще долго не мог оправиться от потрясения.

Нужно купить более надежное оборудование и

на всякий случай установить запасной компрессор. Второго такого испытания я не переживу.

18 октября

Сегодня, заглянув в рабочий журнал, я увидел какие-то каракули, начерканные на последней странице. Кто побывал в моей комнате, пока я спал?

Дверь в лабораторию всю ночь оставалась закрытой на задвижку. Пальцы моей левой руки были перепачканы чернилами.

Создавалось впечатление, будто я сам встал с постели, взял авторучку и набросал эти бессмысленные загогулины. Но ведь прежде я не замечал за собой склонности к сомнамбулизму! И никогда не писал левой рукой!

Я присмотрелся к этим корявым значкам, но не смог ничего разобрать. Затем стал поворачивать журнал по часовой стрелке и наконец сумел различить буквы Д, В, А, и Н. Между ними при некотором воображении можно было распознать еще одну Н и две О. Сложив их, я получил слово ДОНОВАН.

Донован?!

Вне всяких сомнений, в моем журнале было написано его имя. Неужели я сам так небрежно измарал страницу — во сне, левой рукой?

Я подошел к самописцу. Судя по его показаниям, мозг ночью спал, но на некоторых отрезках энцефалограммы размашистая амплитуда колебаний свидетельствовала о состоянии крайнего возбуждения, время от времени овладевавшего им.

Мне вдруг стало не по себе.

Я вспомнил, что Донован был левшой. Так писали в одной газете.

Должно быть, переутомившись в предыдущий день, я во сне подошел к столу, открыл журнал и бессознательно воспроизвел подпись Донована. Это феноменальное явление, вероятно, оказалось следствием моего нетерпеливого желания вступить в контакт с мозгом. Учитывая напряженность эксперимента, в случившемся не было ничего удивительного.

А если предположить, что я действовал, выполняя приказ Донована? Что тогда? Как известно, во сне наши волевые регуляторы подавлены и частично отключены. В это время легче всего повлиять на подсознательную область человеческой психики — заставить совершать безотчетные поступки вроде тех, что многократно описаны в специальной литературе. Например, ходить с закрытыми глазами или писать левой рукой.

Нет! Не могу в это поверить!

Но вот вопрос: могло ли короткое замыкание пробудить в мозге какие-то новые силы — подобно тому, как электрошок вызывает к жизни скрытые резервы человеческого организма?

19 октября

Я не спал всю ночь — вероятно, слишком устал.

На столе лежали специально приготовленные карандаш и бумага, но телепатический сигнал так и не поступил. Время от времени, испытывая какое-то смутное желание подняться и подойти к письменному столу, я сознательно подавлял в себе это побуждение — боялся, что оно окажется результатом нервного расстройства, а не воздействия со стороны Донована.

Мне нужно быть уверенным в его влиянии на меня!

Чем больше я думаю о каракулях в рабочем журнале, тем больше убеждаюсь, что они стали следствием обычного сомнамбулизма.

Мысль о полном провале моего эксперимента приводит меня в отчаяние.

20 октября

Сегодня Дженис уехала в Лос-Анджелес.

На станцию ее отвез Шратт. Перед их отъездом

мы о чем-то разговаривали — не помню, о чем именно.

Мои мысли заняты проблемой, которую передо мной поставил мозг Донована. Мне не терпится заснуть и дать ему возможность вступить в контакт со мной.

Вечером приму снотворное. Может быть, оно подавит мою волю.

21 октября

Как необдуманно я поступил, приняв веронал! Он парализовал не только волю, но и все уровни сознания — не оставил никаких шансов для внешнего воздействия.

От нервного перевозбуждения у меня начались слуховые галлюцинации. Я должен взять себя в руки. Неврастеник не имеет права быть медиком, тем более — ученым.

Сейчас лучше не торопить события. Пусть все идет своим чередом.

25 октября

За эти дни ничего особенного не произошло. Электрический потенциал биополя возрос до полутора тысяч микровольт и все еще увеличивается.

Я похудел. Пищу мне готовит Франклин.

Только теперь я понял, что Дженис, знавшая о моем плохом аппетите, во все блюда добавляла витаминные концентраты. Лишившись этой принудительной диеты, я начал терять силы. Думаю, моя повышенная утомляемость объясняется нехваткой витамина B-прим в рационе.

Я очень устал.

27 октября

Еще одно послание. Я написал его сам, но моей рукой явно управлял мозг, неподвижно лежащий в стеклянном сосуде с конической крышкой.

Снова — имя, написанное корявым, неровным почерком. Как будто расписался очень больной старый человек. Или это потому, что я писал левой рукой, подобно Доновану? Буквы в точности воспроизводят его подпись — в газетах мне встречалось факсимиле. Те же самые каракули. Вокруг — характерный вензель. Буква У больше похожа на печатную, чем на прописную. За последней Н тянется длинный хвостик. Это не мой почерк.

Мозг нашел способ вступить в контакт со мной. Возможно, на его активность повлиял электрический удар; а может быть, перенасыщение питательным раствором привело к каким-то функциональным сдвигам в клетках серого вещества.

Я несколько часов неподвижно сидел на краю кровати.

Мне необходимо еще одно доказательство — новое, неоспоримое!

30 октября

Сегодня такое доказательство появилось.

Боюсь, как бы мозг вновь не пострадал от электрического удара — напряжение электромагнитного поля возросло до двух с половиной тысяч микровольт, а мне ничего не известно о сопротивлении образовавшейся массы серого вещества.

Сидя за рабочим столом, я вдруг почувствовал какую-то непонятную усталость. Странное дело: она ощущалась не столько в теле, сколько в голове. Я продолжал думать о работе, но мысли стали какими-то вялыми, точно заторможенными. Затем я как бы со стороны увидел, что моя левая рука пришла в движение, взяла авторучку и начала писать.

На этот раз имя было написано полностью: Уоррен Горас Донован. И — словно в знак достоверности — обведено замысловатым вензелем.

Моя рука отложила авторучку, мысли обрели привычную быстроту. Как будто вынырнули из какого-то глубокого омута: затрепетали, взбудо-

ражив сонную гладь.

Я подошел к стеклянному сосуду. Мозг Донована бодрствовал.

«Это ты заставил меня написать твое имя?» — отстучал я по стеклу.

Немного подождав, я повторил этот вопрос — уже медленнее, как на уроке азбуки Морзе.

Затем вернулся к столу.

И снова почувствовал какую-то внезапную тяжесть в голове. Я полностью отдавал себе отчет в том, что делаю, — только двигательные рефлексы вышли из-под контроля.

Я увидел, как моя левая рука взяла авторучку и вывела на бумаге отчетливые буквы: «Уоррен Горас Донован!»

3 ноября

Человеческий мозг не может работать постоянно, не восстанавливая затраченных сил. Чем активнее его деятельность, тем чаще ему нужно отдыхать. Мозг Донована половину времени проводит во сне.

Его обнаженная плоть обросла слоем какого-то бледно-серого вещества, да и сам он принял новую форму. В моей лаборатории развивается вид белковой материи, которого еще не знала наша планета. Для его жизнедеятельности необходимы

компрессор и искусственное питание, однако при этом он способен посылать энергетические заряды, сокрушающие все защитные барьеры человеческого разума. И его возможности увеличиваются с каждым днем.

Он может подавлять мои мысли, когда ему заблагорассудится.

Сначала у меня было странное ощущение — будто чья-то чужая воля желает продемонстрировать свою власть надо мной, приводя в движение суставы рук, ног или пальцев.

Затем у меня сложилось другое впечатление. Мне стало казаться, что мозг Донована использует мое тело, чтобы обрести органы чувств, которых ему не хватает для полноценной жизни.

Мое сознание раздвоилось, но не как у шизофреника. Подчас я выступаю в роли отстраненного наблюдателя — слежу за воздействием, которое мой подопечный оказывает на мою психику. И всегда отдаю отчет в своих поступках.

Когда мозг Донована спит, я получаю полную свободу действий. Это драгоценное время я использую для записи своих наблюдений.

Мысли Донована по-прежнему непоследовательны. Он до сих пор не дал логического ответа на вопрос, который я ежедневно отстукиваю по

стеклу, при помощи азбуки Морзе. Может быть, мои сигналы доходят до него в искаженном виде — если, например, колебания окружающей среды представляются чем-то неделимым на равные доли и промежутки? Своими действиями он напоминает то ли спящего, то ли больного. Он все время приказывает мне писать имена, внешне ничем не связанные друг с другом.

Одно из них — Роджер Хиндс. Другое — Антон Стернли. Постоянно появляется имя Говард, а Хлоя — ни разу. Зато часто упоминается Екатерина. В газетах писали, что так зовут его жену (в моих глазах она еще не стала вдовой). Фигурирует также его адвокат Фуллер.

При желании я мог бы навести справки о всех этих людях.

Но в памяти Донована мелькает столько других имен, что порой они мне кажутся каким-то наваждением, преследующим его даже после смерти.

5 ноября

Чтобы узнать, насколько влияние мозга зависит от расстояния, я сегодня предоставил его самому себе, а сам поехал в Финикс.

Не успел счетчик на приборной панели отмерить первые пятнадцать миль, как мозг послал мне сигнал возвращаться. Я развернул машину и

на полной скорости погнал ее назад к дому.

Этот случай помог мне установить одно немаловажное обстоятельство. Мозгу известно все, что я делаю, — даже если я нахожусь на значительном удалении от него.

Следовательно, он не только отдает мне мысленные приказы, но и улавливает микроволновые колебания моего биополя. Способен ли он читать мои мысли?

6 ноября

Напряжение биополя составляет приблизительно три тысячи пятьсот микровольт.

Не знаю, сколько еще будет увеличиваться масса серого вещества. Существует ли какой-нибудь предел для ее роста, или она будет развиваться подобно раковой опухоли?

10 ноября

Сегодня в лабораторию зашел Шратт. Он застал меня в тот момент, когда мозг приказал мне написать несколько слов. Я услышал его голос, но не ответил и даже не повернул голову — боялся неосторожным движением нарушить контакт, установившийся между мной и мозгом.

Моя левая рука медленно выводила буквы. Они получались неровными и корявыми — как у

ребенка, который еще не научился писать.

Шратт еще раз произнес мое имя и вошел в лабораторию. Не добившись от меня никакого ответа, он в нерешительности остановился посреди комнаты. Сначала ему показалось, что я занимаюсь какой-то непонятной умственной гимнастикой. Затем мое поведение встревожило его. Он сделал несколько шагов и взглянул через мое плечо.

Я продолжал писать. На бумаге пять раз подряд появилось имя Хиндс. За ним последовало название: Коммерческий банк Калифорнии. И снова — Хиндс, Хиндс, Хиндс.

Шратт переполошился. Обошел стул, нагнулся, заглянул в лицо. Опытный врач, он не прикасался ко мне, боясь вызвать истерику или что-нибудь в этом роде.

Я сидел, склонившись над бумагой. Шратт снял со стены зеркало, поставил на стол и посмотрел на мое отражение. По выражению моих глаз он понял, что я в трансе. Ему казалось, что я не замечаю его присутствия.

Затем мозг отпустил меня. Я вздохнул и поднял голову. Еще не оправившись от испуга, Шратт отложил зеркало в сторону и спросил:

— Вы меня слышите?

Я кивнул.

— Почему вы не отвечали?

Я показал на лист бумаги с детскими каракулями, написанными под диктовку мозга. Он уставился на них, потом испуганно посмотрел на стеклянный сосуд.

— Я вступил в контакт с ним, — объяснил я. — Вернее, он сам наладил связь со мной.

Обрадованный возможностью рассказать о своих переживаниях, я подробно описал ему ход эксперимента. Мне казалось, что Шратт поймет меня, но он лишь еще больше встревожился. Его одутловатое лицо побледнело, в глазах появилось выражение отчаяния.

Я в последний раз попытался урезонить его.

— Почему вы никак не можете забыть о ваших нравственных запретах? — спросил я. — Человеческие эмоции не имеют ничего общего с научными исследованиями. Более того, они мешают нашей работе. Мы не имеем права поддаваться страху! Мужество, умение наблюдать и способность к логическому анализу — вот качества, необходимые всякому ученому. К сожалению, вы лишены по крайней мере двух из перечисленных мной достоинств, а потому…

— Да бросьте вы, — вспылил Шратт. — Мы и

так уже потратили слишком много времени на обсуждение возможных последствий эксперимента, который вы затеяли. Я прошу вас прекратить его, пока это в ваших силах. Умоляю вас, Патрик, отключите компрессор и дайте мозгу умереть!

По его щеками вдруг потекли слезы. Он закрыл лицо руками и задрожал всем своим грузным телом. Зрелище было отвратительное. Точнее, жалкое — словно передо мной стоял не взрослый мужчина, а беспомощный, кем-то обиженный ребенок.

Я подошел к рабочему столу и принялся перекладывать с места на место какие-то инструменты. Я не оборачивался до тех пор, пока он не вышел из лаборатории.

11 ноября

Вымотавшись за день, я заснул как убитый. Двойственность моего бытия стоит мне слишком дорого. Оно отнимает у меня все умственные и физические силы.

Меня разбудили чьи-то крики. Они доносились из гостиной. Даже не крики, а какие-то безумные вопли — точно кто-то лишился рассудка от страха, помешался на нем.

Никогда не слышал ничего подобного.

Я бросился к двери. Лампочка горела в полный накал, как будто мозг тоже чувствовал, что в доме происходит что-то странное. Пробегая мимо стеклянного сосуда, я включил энцефалограф, чтобы позже проанализировать показания самописца.

Сумасшедший вой, доносившийся из-за двери, прекратился так же внезапно, как и начался. Вернее, его сменил какой-то глухой стук, словно кто-то тяжелый катался по полу, опрокидывая столы и стулья.

Включив в гостиной свет, я увидел на ковре грузное тело Шратта. Его руки судорожно хватались за горло. Глаза были выпучены, из открытого рта вырывались хрипатые звуки. Он явно задыхался.

Я попытался разжать его пальцы, но они не поддавались — слишком крепко вцепились в шею.

В этот момент кто-то резко повернул меня за плечо, и я прямо перед собой увидел перекошенное от ужаса лицо Франклина. Не готовый к его нападению, я инстинктивно взмахнул правой рукой. Франклин отпрянул и закрылся локтями, будто ожидал удара.

Я вновь повернулся к Шратту. Тот уже потерял сознание. Руки были безвольно вытянуты вдоль тела. Я приказал Франклину помочь мне поло-

жить его на диван.

Пульс Шратта в два раза превышал норму, сердце стучало гулко и неравномерно. Больше всего меня испугало его смертельно бледное лицо — ему было недалеко до инфаркта. Я быстро расстегнул верхние пуговицы его сорочки и велел Франклину принести льда.

Когда мое распоряжение было выполнено, я положил несколько кубиков льда Шратту на грудь — слева, ближе к сердцу. Вскоре пульс нормализовался. Шратт глубоко вздохнул и открыл глаза. Увидев меня, он задрожал от страха. Я сказал ему, что опасность миновала, и заставил его выпить теплого молока — однако, когда он пил, его зубы стучали о край чашки.

Судя по всему, Шратт готовился к отъезду. Его чемоданы стояли в передней, пальто висело на спинке стула. Меня удивил способ, которым он собирался покинуть мой дом — ночью, никого не предупредив о своих намерениях. С другой стороны, я не мог взять в толк, зачем он пошел через гостиную, когда мог спокойно выйти прямо во двор.

— Это что такое? — спросил я, показав на чемоданы.

Лицо Шратта вдруг исказилось от ужаса. Я не

сразу сообразил, что его так взволновало; он уже давно не прикладывался к спиртному, а эпилепсией вообще никогда не страдал. Затем я проследил за его взглядом — и все понял.

Распределительный щиток у входа в лабораторию был открыт. Прямо под ним на полу лежала шляпа Шратта.

Меня охватила ярость, почти бешенство.

— Вы хотели убить мозг, — не владея собой, закричал я.

Шратт уставился на меня — бледный, перепуганный еще больше, чем прежде.

— А вы пытались задушить меня, — дрожа всем телом, сказал он.

Никогда не видел его в таком состоянии — типичный клинический шизофреник, а не ученый, которому в свое время прочили блестящую научную карьеру.

Его слова потрясли меня. Неужели ему померещилось, будто я напал на него?

Я спокойно объяснил, в каком положении застал его в гостиной. Он намеревался совершить самоубийство — я спас ему жизнь!

— Сам себя человек не может задушить, — с презрением произнес Шратт. — Вы это прекрасно знаете, Патрик.

Он, пошатываясь, поднялся на ноги.

— Продолжим разговор утром, — прохрипел он.

Когда я попробовал помочь ему, он оттолкнул мою руку.

Я вернулся в лабораторию. Лампочка уже не горела — мозг спал. Монотонно шуршал грифель самописца. По бумаге ползли дельта-кривые неправильной формы.

Я сел на кровать и попытался мысленно восстановить события этой ночи.

Итак, меня разбудил крик о помощи. Голос я помнил плохо, но мне казалось, что он принадлежал не Шратту, а кому-то другому. Впрочем, в минуту страха у человека сжимаются голосовые связки, и его крик опознать почти невозможно. Поэтому кричать мог и Шратт. Да и кого же еще я мог услышать, если не его?

Чтобы рассеять подозрения — смутные, но все-таки не дававшие мне покоя, — я встал и направился в комнату для прислуги.

Франклина я застал собирающим скудные пожитки и бросающим их в старый, видавший виды саквояж. Мой визит явно испугал его.

Решение покинуть мой дом, принятое им после стольких лет службы, заставило меня еще больше

усомниться в себе.

— Тоже уезжаешь? — спросил я. — К чему такая спешка? Почему ночью?

Франклин сел на край постели. В его глазах застыл тот же беспомощный ужас, который несколько минут назад я видел у Шратта.

Не желая расстраивать его, я сказал, что он может оставить работу, когда ему заблагорассудится, но мне будет очень грустно, если нам все-таки придется расстаться. Он немного успокоился, и я спросил, слышал ли он, как доктор Шратт звал на помощь.

К моему облегчению, он кивнул. Однако, когда я спросил, зачем он оттащил меня от Шратта, он с испуганным видом признался, что видел, как я напал на него.

— У доктора Шратта был приступ эпилепсии, — сухо заметил я. — Мне пришлось оказать ему помощь, вот и все.

Франклин снова кивнул, но, судя по всему, не поверил. Вернувшись в лабораторию, я долго не мог собраться с мыслями.

В случившемся было что-то необъяснимое. Франклин тоже слышал, как Шратт звал на помощь. И так рьяно оттаскивал меня, что у меня до сих пор болело плечо. Странно. Если бы не

какая-то опасность, он не осмелился бы поднять руку на хозяина.

А кроме того, человек и впрямь не может сам себя задушить.

Шратт был абсолютно прав, когда указал мне на абсурдность моего утверждения. Стало быть, я и в самом деле напал на него.

Как это могло произойти? Неужели мозг Донована достиг такой власти надо мной, что под его влиянием я чуть не совершил убийство? Если так, то существует ли предел его возможностей? Известно, что человек в минуту смертельной опасности способен мобилизовать все свои внутренние и внешние силы. Вполне допустимо, что и этот мозг, исчерпав остальные ресурсы, позвал на помощь меня.

Он знал, что Шратт собирается отключить электричество. Энергия, питающая компрессор, ему необходима, как человеческим легким — воздух. Вот почему он решил не подпускать Шратта к распределительному щитку.

Нам неведомы потенциальные возможности нашего мозга. В сущности, мы располагаем лишь одним достоверным фактом, что клетки серого вещества создают электромагнитное поле, пронизывающее пространство вокруг него.

Между тем, эти клетки способны производить новые, обладающие какими-то дополнительными, еще не изученными свойствами. Каковы их функции? Увы, современная наука не в состоянии ответить на этот вопрос.

Когда я спал, чувствительные рецепторы моей центральной нервной системы приняли мощный сигнал, посланный мозгом Донована. Его энергии хватило, чтобы привести в действие мускульный аппарат и внушить мне мысль о том, что я должен спасти Шратта. Это дьявольское наваждение рассеялось, когда Франклин схватил меня за плечо.

Мозг использовал свою силу непосредственно против Шратта — в отличие от меня, тот не спал. Вероятно, содержимое стеклянного сосуда может командовать людьми лишь в двух случаях: если они спят или добровольно подчиняются ему.

Крик, поднявший меня с постели, принадлежал Донована. Его голос звал меня, но звучал лишь в тайных уголках моего подсознания.

12 ноября

Шратт пришел после обеда. Он казался отдохнувшим, был тщательно выбрит — вообще выглядел моложавым бодрячком, чем немало удивил меня.

К еще большему моему удивлению, он первым делом приветливо улыбнулся.

— Франклин сбежал, — радостно сообщил он. — Придется нам самим готовить друг другу. Установим очередность?

Его беззаботность покоробила меня. Переведя разговор на события этой ночи, я сказал, что находился под влиянием Донована и пообещал впредь не допускать ничего подобного.

Он с рассеянным видом кивнул и — насколько я понимаю, вполне искренне — извинился за попытку помешать ходу эксперимента.

Его словно понесло. Переменившись в лице, он вдруг принялся расписывать перспективы моих исследований. Он поздравил меня с успехом, столь убедительно продемонстрированным ночью, и в шутку заметил, что не удивится, если в следующий раз увидит меня на вручении Нобелевской премии.

Поведение Шратта с каждой минутой казалось мне все более странным.

Объясняя причины ночного происшествия, я изложил свою теорию новых возможностей мозга. Показав на свежие наросты бледно-серого вещества на мозговых полушариях, сказал, что именно там может находиться источник его те-

лепатической силы.

Шратт согласился со мной. Затем ненадолго задумался и наконец произнес:

— Видите ли, Патрик… Этой ночью мне не повезло, но я сам виноват в своих несчастьях. Мне не следовало вмешиваться в ваши эксперименты. Теперь я вижу, к чему привела моя старческая сентиментальность. Поверьте, я искренне раскаиваюсь в ней. У вас есть талант, Патрик, и вы поступили бы глупо, если бы не воспользовались им. Я завидовал вам, потому и пытался встать на вашем пути. Прошу вас, простите вздорного, ревнивого старика.

Это неожиданное признание показалось мне еще более странным, чем его изменившееся отношение к моей работе, однако у меня не было выбора. Мне требовался помощник, и я не мог не оценить готовности Шратта сотрудничать со мной.

Особенно теперь, после бегства Франклина.

21 ноября

Я в Лос-Анджелесе, в отеле «Рузвельт».

Заботы по поддержанию жизнедеятельности мозга взял на себя Шратт. Он с таким энтузиазмом принялся исполнять свои новые обязанности, что я отчасти поверил ему.

Во всяком случае, можно положиться на его добросовестность. Я велел ему поминутно регистрировать состояние мозга и решил ежедневно созваниваться с ним.

Перед отъездом я связался с мозгом посредством азбуки Морзе и сообщил ему о своем намерении.

Ответ я получил без промедления. Усилия, потраченные на тренировку, не пропали даром — мои рецепторы могут в любой миг настроиться на прием его управляющих сигналов.

Мозг одобрил мое решение. У меня даже сложилось впечатление, что это он внушил мне мысль поехать в Лос-Анджелес. Дело в том, что я все еще не знал цели своей поездки, — просто чувствовал необходимость присутствовать здесь и подчиняться телепатическим командам из моего дома.

По ночам мне снился один и тот же сон. Уверен, в нем заключено какое-то послание, которое Донован желает передать мне.

Донован меня не видел — когда его нашли, он был в коматозном состоянии. Следовательно, визуально его мозг не может меня представить: он должен во всем полагаться на свою память, а в его памяти я не сохранился.

Что в ней запечатлено, так это Коммерческий банк Калифорнии. Во сне я часто захожу в него и

разговариваю с клерком, худощавым лысеющим мужчиной с тонкими варшавскими усиками. Я прошу у него чистый бланк, сажусь за стол, заполняю чек на какую-то умопомрачительную сумму, а вместо свой подписи ставлю имя Роджера Хиндса — человека, которого никогда в жизни не видел. Перед тем, как вручить чек кассиру, рисую в правом верхнем углу значок — пиковый туз, обведенный кружочком.

Этот сон повторяется вновь и вновь, как урок, заданный нерадивому дошкольнику.

Просыпаясь, я нахожу на столе лист бумаги с грубо начерченной схемой Лос-Анджелеса. Некоторые улицы обозначены названиями, отдельной стрелкой указан Коммерческий банк.

Я долго ломал голову над смыслом этих посланий, а затем обратился за помощью к Шратту — надеялся получить у него какие-нибудь разъяснения, — и он посоветовал мне поехать в Лос-Анджелес.

Мне стало ясно, что мой эксперимент подошел к какому-то непредвиденному рубежу: полностью подчиняясь указаниям мозга, я перестаю быть ученым и превращаюсь в послушного исполнителя его желаний.

Мозг не мог заставить меня. Для поездки тре-

бовалось мое добровольное согласие, поскольку в то время я был в состоянии пренебречь этим кусочком живой материи, продолжающей свое странное существование в стеклянном сосуде с дыхательной смесью.

Один раз Донован чуть не заставил меня совершить убийство, однако для резкого увеличения его телепатической энергии необходимы определенные условия. В ту ночь оно было вызвано чрезвычайными обстоятельствами.

У меня кончались деньги. Уезжая, Дженис оставила Шрапу несколько стодолларовых купюр — мне пришлось забрать их. Иначе бы я не смог привести в исполнение план, созревший в нескольких фунтах серого вещества с бледным наростом на оболочке.

Поскольку жизненный опыт Уоррена Донована оборвался в момент падения самолета, можно предположить, что свой план он начал задумывать непосредственно перед катастрофой.

22 ноября

Сегодня утром состоялась одна очень неприятная встреча. Я уже собирался вызвать такси и поехать в банк, как вдруг портье сообщил, что меня желает видеть некий мистер Йокум. Имя посетителя мне ни о чем не говорило. Немного

поколебавшись, я попросил передать, что он может подождать меня в фойе.

Выйдя из лифта, я сразу узнал его. Это был тот самый фотограф, который заснял меня на ступенях госпиталя в Финиксе. Сейчас он старательно делал вид, будто не замечает меня. Под мышкой у него была зажата потертая кожаная папка. Когда портье показал ему на меня, он быстро подошел и остановился почти вплотную.

— Доктор Кори? — сиплым голосом осведомился он.

Его маленькие колючие глазки смотрели на меня с каким-то хищным любопытством — однако, встретив мой взгляд, вдруг забегали и почему-то покосились на дверь.

Казалось, он заранее все продумал, но сейчас не находил в себе достаточно мужества, чтобы достойно сыграть свою роль. В самой внешности этого человека было нечто такое, что позволяло с первого взгляда сделать вывод о его эмоциональной неуравновешенности, о подверженности частым приступам депрессии. Он нервничал — судя по всему, возлагал слишком большие надежды на нашу встречу.

Я молча разглядывал его. Обычно неврастеники не выдерживают открытого противостояния.

Этому типу явно требовались деньги. Он выслеживал меня с самого дня катастрофы. Вероятно, шпионил, устраивал засады возле моего дома и снимал на пленку все, что считал более или менее подозрительным. Меня вдруг осенило: это он фотографировал Донована в морге! Следовательно, он же и развязывал бинты на его голове.

Должно быть, он угадал мои мысли — потому что набрался храбрости и спросил:

— Могу я поговорить с вами без свидетелей?

Мы спустились в коктейль-бар и сели за дальний столик.

— В Финиксе я сделал несколько ваших снимков. Вот они, — начал он, открывая свою кожаную папку.

Двумя пожелтевшими от табака пальцами он протянул мне три или четыре глянцевых фотографии. Я даже не взглянул на них — продолжал молча смотреть на него. Он снова замешкался и несколько минут тоже ничего не говорил.

— Я не собираюсь приобретать их, — наконец сказал я.

Он как будто ждал этих слов — быстро кивнул и извлек из папки еще одно фото.

На сей раз это был Донован в морге. Я не удержался и посмотрел. Лицо Донована было вполне

узнаваемо, поэтому я задержал на нем взгляд. Мне хотелось сопоставить его черты с формой мозга, хранящегося в моей лаборатории.

Йокум оживился. Видимо, заметил мою заинтересованность.

— Я знал, что она вам понравится, доктор, — произнес он тоном, насторожившим меня. — Но, думаю, настоящий интерес для вас представляет вот эта.

На следующем снимке Донован был запечатлен без повязок. Объектив смотрел ему прямо в затылок, и на фото отчетливо виднелись марлевые тампоны, которыми я заполнил черепную полость. Ракурс и экспозиция были выбраны мастерски, со знанием дела.

Я оцепенел и первые несколько секунд тупо разглядывал фотоснимок. Затем взял в руки и снова положил на стол, повернув изображением вниз.

— Могу предложить негатив, — спокойно произнес Йокум.

Я подался вперед, и он тотчас отпрянул, будто опасался, что я ударю его. К этому времени я уже справился с волнением и бесстрастно смотрел на него.

— Зачем они мне? Неужели я похож на собира-

теля фотораритетов? — спросил я.

Йокум улыбнулся, при этом у него задрожал подбородок. Он слишком долго готовился к нашей встрече. Ему требовались деньги, а они были рядом, почти у него в руках.

Без определенной довольно крупной суммы он явно не смог бы обойтись. Его потрепанный пиджак висел на нем, как мешок, под пиджаком не было ничего, кроме засаленной манишки. При малейшем движении предательски выглядывало дряблое тело.

Я с улыбкой поднялся. Он побледнел, на его исхудалом лице отразилось отчаяние.

— Кстати, кто дал вам разрешение на съемку в морге? — строго спросил я.

Он помолчал, собрался с духом и вдруг выпалил:

— Родственники Донована не постоят за ценой, чтобы получить этот снимок. Как ни странно, они до сих пор не знают, что вы похитили мозг их почтенного родителя.

Потрясенный услышанным, я медленно сел на стул. Что ему известно о мозге Донована?

— У меня есть еще один снимок, — с победоносным видом добавил он и вновь потянулся к папке.

На стол легла фотография, сделанная через окно моей лаборатории. Скорее всего, Йокум пользовался вспышкой: медицинские инструменты и электроаппаратура виднелись во всех подробностях. Белая стрелка указывала на мозг под колпаком стеклянного сосуда.

Длинные пальцы Йокума мелко подрагивали, глаза лихорадочно блестели. Типичный невротеник, он так и лез в бутылку, из которой не смог бы выбраться, не поранив свое тщедушное тело.

Интересно, подумал я, как поступил бы Донован, окажись перед этим зарвавшимся наглецом? Что касается меня, то прежде я не сталкивался с шантажистами — тем более такими, от которых зависела судьба моих экспериментов.

Давать ему деньги не имело смысла. Если бы я купил негативы, он все равно мог предложить родственникам Донована отпечатки, сделанные с них, — не упустил бы лишней возможности поживиться. Ситуация становилась опасной, и ее усугубляло его очевидное тупоумие. Такие не останавливаются ни перед чем.

К тому же, денег у меня не было.

— Сколько вы хотите за негативы? — спросил я.

Он ухмыльнулся, затем облизнул пересохшие

губы.

— Пять тысяч долларов.

Я встал. Он быстрым движением прижал к себе папку и съежился, взглянул на меня с мольбой и страхом. От его самоуверенности не осталось и следа.

— Хорошо, — сказал я. — Вот только одна загвоздка: у меня нет с собой этой суммы. А чек вас, разумеется, не устроит.

Если бы мне удалось заставить его повременить хотя бы день, я мог бы найти какой-нибудь выход. Вернее, не я, а Донован. Он был в силах спасти нас обоих.

— Я буду ждать вас в кафетерии на углу Голливуд-Стрит, в восемь вечера, — воспрянув духом, улыбнулся Йокум.

Он суетливо собрал фотографии, поднялся из-за стола и засеменил к выходу.

Только тут я осознал весь ужас своего положения. Оказавшись в двухстах милях от станции Вашингтон, я был бессилен что-либо предпринять.

В баре уже начали собираться жильцы отеля и местные завсегдатаи, любители выпить и поглазеть на приезжих. Я поднялся в фойе и сел в кресло у окна, пытаясь сосредоточиться и раз-

работать какой-нибудь план действий. Когда я закрыл глаза, у меня вдруг появилось знакомое ощущение тяжести в голове, обычно предшествующее установлению связи с мозгом Донована.

Мысли отошли на второй план, их затмило что-то более важное, более цепкое и неотступное.

Мне захотелось подняться на ноги. Я встал, вышел из отеля и побрел по улице, останавливаясь на перекрестках и дожидаясь нужного сигнала светофора. Волевые импульсы Донована вели меня по какому-то неизвестному мне маршруту.

Я не оказывал сопротивления — шел вперед и старался ни о чем не думать, чтобы не мешать его работе.

Мозг Донована действовал четко, без колебаний. Он целенаправленно передавал мне управляющие команды, не отвлекаясь на посторонние мысли и образы — те, что бесконечной чередой проносятся в голове всякого человека. Его воля неуклонно вела меня к концу нашего общего пути.

Передо мной, как во сне, возник Коммерческий банк Калифорнии. Я толкнул дверь и подошел к кассиру. К тому самому лысоватому, с тонкими варшавскими усиками. Попросив у него чистый бланк, я сел за небольшой столик и взял в левую

руку авторучку.

Вокруг сновали клерки и посетители, но меня они не смущали. Более того, в их суете было что-то привычное. Я заполнил чек на пятьдесят тысяч долларов, подчеркнул слово «наличными», в графе «вкладчик» поставил «Роджер Хиндс», подписался тем же именем и в правом верхнем углу тщательно нарисовал пикового туза. Немного подумав, обвел его ровным кружочком.

У меня не было ни малейших сомнений в том, что кассир выдаст мне требуемые деньги. Тем не менее, взяв чек, он озадаченно посмотрел на меня.

— Так вы и есть мистер Хиндс? — спросил он.

— Крупными купюрами, — проигнорировав его вопрос, процедил я.

— Пожалуйста, напишите на обороте ваше имя. Вот здесь, сэр, — сказал он.

Переложив авторучку в правую руку, я разборчиво вывел: «Патрик Кори». И чуть ниже расписался.

Он в растерянности уставился на мою подпись.

— Будьте любезны, крупными купюрами, — негромко повторил я, желая напомнить ему о себе, а заодно поторопить с ответом.

Мужчина извинился и скрылся в одной из две-

рей за стойкой.

Полицейский, стоявший у выхода, вышел на середину зала — с явным намерением держать меня в поле зрения. Я понимал, что не могу не вызывать подозрений, и все-таки не испытывал ни малейшего беспокойства. У меня и в мыслях не было пускаться в объяснения, оправдываться или, тем паче, отказаться от своих намерений.

Вместо меня действовал Уоррен Донован. Я был всего лишь сторонним наблюдателем.

— Мистер Кори, вас хочет видеть наш управляющий.

Мужчина с усиками стоял в проеме боковой двери. Я пошел следом за ним и вскоре очутился в небольшом уютном кабинете, уставленном дорогой мебелью.

Прямо передо мной за широким письменным столом сидел полный господин в очках с металлической дужкой. Увидев меня, он встал, представился и с некоторой настороженностью спросил?

— Мистер Хиндс?

— Патрик Кори, профессор медицины, — невозмутимо поправил я.

Полный господин перевернул чек, который держал в руках, задумчиво кивнул и предложил

мне сесть в кресло, стоявшее напротив его стола. Некоторое время мы молчали, затем дверь снова отворилась.

— Доктор Кори, позвольте вам представить мистера Меннингса.

В вошедшем человеке даже ребенок определил бы частного детектива. Мы обменялись рукопожатием.

— Доктор Кори, вы не будете возражать, если мы зададим вам несколько вопросов?

— Что-нибудь не так с чеком?

Управляющий украдкой взглянул на детектива, но вместе с тем быстро проговорил:

— Нет. Мы сличили вашу подпись с образцом, хранящимся в нашей картотеке. Вне всяких сомнений, они сделаны одной и той же рукой. Это подтверждает и контрольный знак, который вы поставили в углу. Делая первый вклад, мистер Хиндс потребовал, чтобы мы принимали к оплате только такие чеки — помеченные обведенным в кружок пиковым тузом.

Казалось, он уже принял решение и хотел убедиться в том, что не допустил ошибки.

— Сэр, вы собственноручно заполнили чек, — вступил в разговор детектив. — Следовательно, ваша фамилия — Хиндс, а не Кори.

Вместо ответа я протянул ему свое медицинское удостоверение.

— Полагаю, у меня нет необходимости посвящать вас в мои личные дела, — спокойно спросил я.

— Разумеется, нет, — поспешил заверить меня управляющий. Вот только…

Он немного помедлил и наконец произнес:

— Видите ли, этот счет был открыл при очень необычных обстоятельствах.

Я молчал. Детектив пытливо смотрел на меня.

— Тогда мы получили крупный денежный перевод с сопроводительным письмом мистера Хиндса, — продолжал управляющий. Обратного адреса в письме не было, поэтому мы до сих пор не знаем его отправителя. Так вот, мистер Хиндс просил нас открыть счет на его имя — простой, не коммерческий. Без начисления процентов.

Последние слова он произнес с особым ударением — явно хотел подчеркнуть тот странный факт, что одним из крупнейших депозитов банка можно распорядиться, не рассчитывая на соответствующий доход. Это противоречило его принципам.

— С тех пор прошло почти двенадцать лет, но еще никто не снимал деньги с этого счета. Если

мистер Хиндс — не вы, то мы хотели бы какие-нибудь сведения об этом джентльмене, ведь…

Он замялся, изобразил на лице жалкое подобие улыбки и наконец добавил:

— Ведь должны же мы знать хоть что-то о клиенте, которого обслуживаем столько лет.

— Вы хотите сказать, что эти деньги могут быть нажиты каким-нибудь противозаконным способом? — спросил я.

— О нет, вы меня не так поняли. Нам известен банк, из которого приходят переводы. Мы всегда проверяем свои деловые связи. — В голосе управляющего прозвучала профессиональная гордость за его учреждение. — Но, мистер Хиндс…

— Мое имя — Кори. Патрик Кори. Пожалуйста, оплатите чек. У меня мало времени.

Я встал.

Управляющий в замешательстве посмотрел на меня и тоже поднялся.

— Доктор Кори, мы не можем заставить вас отвечать на наши вопросы, — с затаенной угрозой сказал детектив. — Хочу лишь напомнить вам, что в нашей стране не принято подписываться разными именами.

Через полчаса я вышел из банка. Мои карманы были битком набиты деньгами. Для кого они

предназначались? Для Йокума, этого мелкого вымогателя? Для приобретения и уничтожения уличающих меня фотографий?

Я купил портфель, сложил в него толстые пачки стодолларовых банкнотов и вернулся в отель. Как всегда, после сеанса телепатической связи у меня подкашивались ноги от усталости. Поднявшись в свой номер, я стал ждать дальнейших указаний.

Во время моего отсутствия в отеле побывала Дженис. Она оставила мне записку с просьбой позвонить в клинику «Ливанские Кедры». Очевидно, это Шратт сообщил ей о моем приезде.

Намерения мозга все еще были для меня загадкой. Создавалось впечатление, что он собирался удовлетворить требование Йокума, — в противном случае он не послал бы меня в банк. Однако, если я должен был выкупить у Йокума негативы, то почему мозг не дал мне конкретных распоряжений на этот счет?

Лежа на постели в гостиничном номере и ожидая нового контакта с Донованом, я чувствовал, что мои мысли достигли границы здравого смысла, за которой будут сметены хаосом безумия. Мне было страшно. Подташнивало, кружилась голова. Порой я ощущал себя пассажиром на борту самолета, проваливающегося в воздушную яму.

С трудом поднявшись на ноги, я подошел к телефону. Я хотел позвонить Шратту, но, вероятно, по ошибке набрал номер клиники — записка лежала на столике, прямо перед моими глазами, — и в трубке прозвучало: «„Ливанские Кедры“, приемный покой». Делать было нечего, я попросил соединить меня с Дженис.

Услышав ее приглушенный расстоянием, но полный радостного удивления голос, я вдруг успокоился.

Разговаривали мы недолго. Я пообещал на днях выбраться к ней и повесил трубку.

Прежде всего мне предстояло встретиться с Йокумом, после чего нужно было возвращаться в Аризону и продолжать начатые исследования. Задерживаться в Лос-Анджелесе не имело смысла. Я выяснил, что телепатическая сила мозга не зависит от расстояния, — таким образом, цель моей поездки была выполнена.

Вызвав клерка, я заплатил за номер на день вперед. Затем открыл портфель и рассовал деньги по карманам. Йокум говорил о пяти тысячах долларов, но мог запросить и больше. Мне было все равно, сколько придется заплатить ему. Деньги принадлежали другому, и мне хотелось поскорей избавиться от них.

Я впервые в жизни держал в руках такую уйму наличности, но она не представляла для меня никакой ценности. Мое чувство собственности привыкло ограничиваться пределами моей лаборатории, остальное было заботой Дженис. Она покупала мне костюмы, сорочки, туфли и предметы обихода.

В моем распоряжении оказались пятьдесят тысяч долларов, принадлежавших некоему Роджеру Хиндсу. Существовал ли он на самом деле или его имя было вымыслом Донована, открывшего для себя счет, назначение которого я при всем желании не смог бы разгадать?

Почему Донован велел мне снять пятьдесят тысяч долларов, когда вымогателю требовалось всего только пять?

Положив портфель с оставшимися деньгами в гостиничный сейф, я вышел из отеля.

Интересно, думал я, как Донован обойдется с моим вымогателем? Вероятно, у него был немалый опыт в таких делах. Недаром в газетах писали, что свою блестящую карьеру он построил на силовых методах вытеснения конкурентов и тщательно замаскированных махинациях с контрабандой. В таком случае, этот мелкий шантажист не должен представлять для него серьезной проблемы.

Я вышел на бульвар Голливуд и повернул налево, в сторону центра. Было уже шесть часов, а Донован все еще не дал мне знать о своих намерениях.

Когда я подошел к кафетерию, просторному и людному, как все заведения подобного типа, возведенные в последние несколько лет в Лос-Анджелесе, у меня по-прежнему не было ни малейшего понятия о том, что я скажу Йокуму. Минут пять или шесть я прохаживался у входа, надеясь получить какое-нибудь указание, но сигнала из Аризоны так и не последовало.

Должно быть, мозг заснул, подумалось мне. Что делать? Позвонить Шратту?

— Доктор Кори? — произнес сиплый голос у меня за спиной.

Это был Йокум. Как и утром, он прижимал к груди потертую кожаную папку, и даже при желтоватом свете, падавшем из окон ресторана, я видел, как лихорадочно горят его впалые щеки.

Он подвел меня к обшарпанному автомобилю, припаркованному на стоянке возле кафетерия. На машине был легко запоминающийся калифорнийский номер.

Повернувшись мне, он зашевелил губами — пытался что-то сказать, — но так и не произнес

ни единого звука. Судя по всему, у него был туберкулез гортани; болезнь поразила голосовые связки, этим-то и объяснялся его сиплый тенорок, запомнившийся мне еще в нашу первую встречу. Сейчас он слишком волновался и не отдавал себе отчета в том, что я не слышу его.

Я вынул из кармана деньги. Он даже уронил папку — с таким нетерпением выхватил их у меня.

Подняв папку с земли, я открыл ее и увидел пачку завернутых в газету фотографий. В отдельном кармашке лежали три негатива.

Йокум больше не пытался заговорить. Он вскочил в машину, захлопнул дверцу и поднял стекло. Затем ухмыльнулся, оскалив крупные желтые зубы, снова беззвучно пошевелил губами и повернул ключ зажигания.

Дав ему отъехать на приличное расстояние, я сел в стоявшее неподалеку такси. В голове гудело, ощущалась привычная тяжесть: началось воздействие Донована. Срывающимся от волнения голосом я приказал шоферу следовать за обшарпанным желтым кабриолетом с калифорнийским номером — хотя по-прежнему не догадывался о намерениях мозга.

Старенький автомобиль Йокума помчался вниз

по бульвару, то и дело выезжая на встречную полосу. Впереди заскрипели тормоза, послышалась чья-то ругань.

— Удивлюсь, если у этого парня не отберут права, — ожесточенно работая рычагом переключения передач, пробормотал таксист.

К тому времени, когда мы вырулили на Лоурел-Каньон, желтый кабриолет уже скрылся из виду. На шоссе Кирквуд, так и не догнав Йокума, я отпустил такси и взобрался на железнодорожную насыпь.

У меня не было никакого плана действий, но он мне и не требовался: все решения принимал Донован. Пройдя по размокшей от недавнего дождя насыпи, я увидел желтую машину Йокума. Она стояла у самого склона небольшого холма, в сотне футов от железнодорожного полотна. Левая передняя дверца была открыта, внутри никого не было. В стороне, между редкими стволами эвкалиптов виднелся ветхий коттедж с покосившейся крышей.

Я подошел к этому строению и заглянул в окно. Посреди захламленной комнаты, в двух шагах от заваленного обрывками фотографий и старыми газетами камина стоял Йокум. В углу лежал наполовину прикрытый дырявым пледом матрац,

а рядом стоял кухонный стол с двумя садовыми стульями.

С Йокумом творилось что-то странное. Он аккуратно разложил на полу банкноты и разулся. Сделал несколько неуверенных шагов. Вернулся на прежнее место. И снова пошел вперед, осторожно ступая носками по стодолларовым купюрам.

Так он ходил минуты три или четыре, затем вдруг хлопнул в ладоши, упал на колени и начал горстями подбрасывать в воздух зеленые бумажки. Его руки двигались все быстрее, в глазах разгорался лихорадочный блеск.

Одержимый нервным приступом, он не замечал меня, хотя окно находилось прямо перед ним.

Я открыл дверь. Йокум застыл с поднятыми руками, — однако в следующую секунду опомнился, суетливо собрал разбросанные купюры и прижал их к груди.

Некоторое время мы молчали, в упор глядя друг на друга. Не выпуская денег из рук, он медленно поднялся на ноги и отступил к столу. Его черные волосы сальными прядями падали на лоб. Съехавшая в сторону манишка не прикрывала даже ключиц.

— Что вам нужно — хрипло спросил он.

К нему внезапно вернулся голос — скорее всего от испуга.

— Оставшиеся негативы, — сказал я. — И отпечатки с них.

Йокум отпрянул и забился в угол комнаты.

— Других негативов у меня нет, — пролепетал он.

— Пять тысяч долларов за все, что у вас осталось, — спокойно произнес я.

У него задрожал подбородок, он еще сильнее прижался к стене.

— Десять, — не спуская с меня настороженных глаз, проговорил он.

— Итак, они у вас есть!

Я сделал шаг в его сторону — он тотчас отодвинулся за стол.

На камине лежали обгрызенная курительная трубка и коробок спичек. Я чиркнул одной из них и поднес руку к вороху старых газет и фотографий. Они окутались дымом и загорелись.

Йокум в ужасе уставился на меня. Он явно хотел сбежать, но не смел двинуться с места.

— Будь по вашему, пять тысяч, — простонал он.

Пламя, подобравшись к целлулоидным негати-

вам, вспыхнуло ярче. Одну пылающую катушку с пленкой я ногой подтолкнул к матрацу.

Когда Йокум рванулся к двери, я схватил его за тощую шею и прижал к косяку. Стодолларовые бумажки посыпались на пол. Он не сопротивлялся: парализованный страхом, обмяк в моих руках.

У него вновь пропал голос, и из открытого рта вырывались какие-то хриплые звуки.

Я вытащил Йокума из дома. Его разутые ноги безвольно простучали по ступенькам, затем поволоклись по размокшей глине. За моей спиной вовсю трещал огонь, с необыкновенной скоростью пожиравший ветхую деревянную постройку.

Добравшись до желтого кабриолета, я затолкал обезумевшего от ужаса Йокума на заднее сиденье, а сам сел за руль и тронул машину с места.

На третьей развилке шоссе Кирквуд я повернул налево и очутился на дороге, огибающей Лоурел-Каньон. Вдали уже выли сирены, над каньоном поднимался столб серого дыма.

На пересечении Лоурел-стрит и шоссе Малхолланд мне пришлось остановиться, чтобы пропустить три пожарные машины, мчавшееся в сторону железнодорожных путей. Затем я

медленно повел машину к вершине холма, по какой-то наезженной грязной колее.

Йокум сидел неподвижно, опустив голову на колени.

Когда он наконец выпрямился, у него было такое выражение, будто он несколько дней напролет глушил мексиканскую водку. — Вы сожгли мои деньги, — простонал он.

Я оглядел простиравшуюся внизу долину, белую плотину и горы, высившиеся на той стороне реки. Мне вдруг стало не по себе. Донован не подавал никаких команд, бросил меня на произвол судьбы.

— Всю свою жизнь я хотел собрать хоть немного денег, — прошептал Йокум. — А вы сожгли их.

В его голосе теперь слышался не страх, а горький упрек. Он был в отчаянии.

— Посмотрите на меня. Взгляните, на кого я стал похож. — Он расстегнул перепачканный пиджак и показал свое дряблое тщедушное тело. — Я скоро умру. Мне хотелось хоть раз пожить по-человечески, а вы лишили меня этой возможности.

Йокум уже забыл о том, что шантажировал меня. Ему казалось, что это я поступил нечестно и жестоко.

Он выбрался из машины и подошел к краю обрыва.

— Мне тридцать восемь лет, — продолжал он. — Вот уже много лет я питаюсь чем попало, у меня уже нет сил зарабатывать на жизнь. Я болен, меня все чаще мучает кашель, иногда пропадает голос. А для работы нужны сильные и здоровые. Не такие, как я!

Он повернулся, посмотрел на меня бесцветным взглядом.

— Лишь один раз, когда я заболел брюшным тифом, меня на три месяца положили в госпиталь. Я лежал в комнате, где, кроме меня, находилось два десятка других парней, но все равно это было лучшее время в моей жизни. Меня кормили, за мной ухаживали. А я только и думал о том, как здорово было бы лежать в отдельной комнате, со звонком, которым можно вызвать сиделку, и всем, что может понадобиться больному человеку. Это совсем не так плохо — умереть по первому разряду. Вот о чем я мечтал последние годы!

Он усмехнулся, обнажив гнилые зубы. Казалось, ему было приятно рассказывать мне о своих невзгодах.

— Когда Донован попал в аварию, я сделал несколько снимков на месте падения самолета

и сразу опубликовал в газете — удача была на моей стороне, ведь в Финиксе я оказался единственным фотографом. А сколько мне заплатили? Десять баксов! Другой бы выторговал втрое больше, но они знали, как я нуждаюсь в деньгах. Когда сидишь без цента в кармане, с тобой никто не считается — даже те, кому ты приносишь известность.

Он снова улыбнулся — словно радовался тому, что в жизни столько несправедливости.

— Чтобы заработать несколько долларов, я согласился сделать фоторепортаж для одной бульварной газетенки и заснял Донована в морге. Размотав бинты, я увидел пустой череп и сфотографировал его. Тогда у меня еще не было никого плана. Откуда я мог знать — может, у покойников всегда вынимают мозг? Затем я заснял вашу лабораторию. Ночью, через окно. И только на фотографии разглядел что-то бесформенное, плававшее в стеклянном сосуде. Присмотревшись, я понял, что это и есть недостающий мозг Донована. И еще мне стало ясно, что вы задумали что-то серьезное. Ведь никто не станет просто ради забавы вытаскивать у человека мозги и держать их в склянке, словно аквариумных рыбок.

Он засмеялся, довольный свой шуткой.

— Тогда я навел о вас кое-какие справки и начал следить за вами. Денег у вас не было, но, приехав за вами сюда, я увидел, как вы вышли из банка и положили в портфель уйму долларов. Вы поступили не слишком умно, перекладывая их прямо на улице. Я попросил у вас пять тысяч, а мог бы потребовать миллион, и получил бы его. Но какая разница? Все равно эти деньги сгорели бы, как и те, которые вы мне дали!

Он всхлипнул — без слез, глаза были сухими и безучастными.

У меня исчезли последние сомнения. Итак, оставшиеся негативы и фотографии сгорели вместе с деньгами. Я вылез из машины, чем снова испугал его. Ему показалось, что я уйду, оставив его и машину в таком неприглядном месте, как Малхолланд.

Вероятно, прежде он был неплохим парнем и добросовестным работягой — судя по всему, лишь крайняя нужда заставила его совершить бесчестный поступок. Не сумев извлечь из него никакой выгоды, он впал в отчаяние. Его можно было понять, Что бы он ни делал, как ни старался изменить судьбу, это лишь ухудшало его и без того несладкую жизнь.

— Вы сожгли не только деньги, но и мою каме-

ру, — сказал он. — В комиссионном она стоила семьдесят пять долларов. Я за нее целый год расплачивался.

Видимо, он только сейчас опустился с облаков на землю и осознал весь ужас постигшей его катастрофы. Пять тысяч долларов были недостижимой мечтой, камера — реальностью.

Жить ему оставалось не больше полугода: запущенный туберкулез развивается очень быстро. Черт с ним, подумалось мне, пусть его похоронят на деньги Донована. Я вынул из кармана пачку банкнотов и протянул ему. Странно, но никакого воздействия на мои рецепторы не последовало. Донован не возражал против моего поступка.

Йокум уставился на деньги, не смея прикоснуться к ним.

— Купите себе камеру из чистого золота. И снимите приличную комнату в какой-нибудь лечебнице, — сказал я. — Вам нужно привести себя в порядок.

Он взял банкноты и беззвучно зашевелил губами.

Я пошел вниз — предпочитал пройти пешком полторы мили, отделяющие Малхолланд от бульвара Вентура, лишь бы не видеть его благодарного лица. Терпеть не могу сентиментальных

неудачников.

До отеля я добрался на автобусе.

Уже собрав вещи для отъезда в Аризону, я позвонил Шратту. В трубке довольно долго слышались длинные гудки. Наконец мне ответили.

— Я спал, — подозрительно бодрым голосом объяснил Шратт. — Как дела, Патрик?

Я сказал, что завтра буду дома. Он не проявил энтузиазма — мне даже показалось, что мой ответ смутил его. Я даже испугался — неужели с мозгом произошли какие-то неприятности?

— Нет, нет, — поспешил заверить меня Шратт. — С ним все в порядке. Я только что измерил электрический потенциал. Он все время растет, уже приближается к полутора тысячам микровольт. Мозг тоже вырос — сейчас он вдвое превышает свои прежние размеры. Если дело и дальше так пойдет, нам придется поместить его в сосуд большей вместимости. Но питательного раствора у меня пока хватает. В общем, вам не о чем волноваться, Патрик.

Шратт пробовал успокоить меня, но при этом ничуть не торопил с возвращением. Он хотел, чтобы я остался в Лос-Анджелесе и выполнял все, что потребует от меня мозг. Слушая его, можно было подумать, что это он проводит эксперимент,

а я помогаю ему.

— Мне здесь больше нечего делать. — Я с удивлением поймал себя на том, что оправдываюсь перед ним. — Я уже выяснил все, что хотел узнать, а других задач у меня не было.

Шратт бойко проговорил — как будто заранее обдумал свой ответ;

— Но ведь вам до сих пор неизвестно, зачем Донован послал вас в Лос-Анджелес! Как по-вашему, должна быть у него какая-то логика или нет? Или вы уже знаете, в чем состоял его план? Полагаю, именно этот вопрос нам необходимо выяснить в первую очередь — тогда мы сможем установить, сохранил ли он способность к целенаправленным решениям или их принятие невозможно в условиях автономности от центральной нервной системы.

Я не знал, что сказать, — Шратт задал мне слишком много задач, каждая из которых требовала времени на раздумья. И кроме того, я не мог избавиться от подозрения, что неожиданный интерес Шратта к моим экспериментам объяснялся его желанием задержать меня вдали от дома.

— Кстати, — добавил он, — как поживает Дженис? Вы с ней виделись? Она лежит в клинике «Ливанские Кедры».

— Она приезжала ко мне, — ответил я, — и мы разговаривали. Но еще не виделись.

— Как так? — удивился Шратт.

— Я звонил ей.

— Послушайте, вам нужно к ней съездить.

На этот раз в голосе Шратта звучала искренняя озабоченность.

— Хорошо, — сказал я, — может быть, я навещу ее. Но все равно завтра вернусь домой.

Он ничего не ответил, и я повесил трубку.

Был уже поздний вечер. Перед тем, как лечь спать, я положил на стол карандаш и лист бумаги. Мои веки отяжелели и закрылись. Шум за окном стал затихать. За стеной кто-то говорил по телефону, но вскоре голос превратился в какое-то неясное бормотание, слова потеряли смысл.

В полудреме мне почему-то вспомнилось имя, которое я где-то не так давно слышал: Антон Стернли. Оно несколько раз всплыло в моих сонных мыслях, а затем увлекло за собой, в кромешную темноту без сновидений…

28 ноября

По прошествии недели могу продолжить свои записи. Итак, в ночь после того, как я спалил ветхую лачугу Йокума, мне ничего не снилось — только слышался голос Шратта, без конца по-

вторявшего одну и ту же нелепую фразу. Слова ни о чем мне не говорили, но в то же время заставляли дрожать от страха. Во сне мне почему-то казалось, что они представляют для меня какую-то серьезную опасность. «Во мгле без проблеска зари он бьется лбом о фонари и все твердит, неисправим, что призрак гонится за ним».

Голос явно принадлежал Шратту, и он вновь и вновь произносил эту странную, бессмысленную фразу, она весь день преследовала меня.

Я встал. Листок бумаги лежал там, где я его оставил, однако карандаш теперь был не справа, а слева от него. Я склонился над столом и задумался. Антон Стернли, квартал Пасадена, Байрон-стрит, 120. Кто он такой, этот Антон Стернли? Почерк Донована, а рука моя. Кому-нибудь сказать — не поверят, что возможно и такое.

Внизу было аккуратно выведено: «Пять тысяч долларов». А далее следовали цифры: 142235.

Я оделся и отправился на поиски этого человека.

Он и в самом деле жил на Байрон-стрит, но не в сто двадцатом, а в двести десятом доме. Из этого следовало, что мозгу Донована тоже свойственно ошибаться. А я-то уже готов был поверить в его непогрешимость!

На мой звонок дверь открыла девочка лет четырнадцати. Я спросил мистера Стернли, и она провела меня в небольшую библиотеку. Там за столом сидел совершенно седой пожилой мужчина. Увидев меня, он приподнялся.

— Доктор Кори, — представился я. — Меня прислал Уоррен Горас Донован.

Мои слова произвели довольно любопытный эффект. Мужчина снова сел и отвел глаза в сторону.

— Мистер Донован погиб, — с беспокойством произнес он.

— Я знаю, — сказал я. — Он умер в моем доме, на узловой станции Вашингтон.

Стернли предложил мне сесть, а сам откинулся на спинку кресла.

— Чем могу служить, доктор — спросил он.

— Донован хотел, чтобы я передал вам пять тысяч долларов.

Я вынул деньги из кармана, положил на стол. Стернли близоруко прищурился, затем с недоумением посмотрел на меня и переспросил:

— Пять тысяч долларов?

Я встал и пододвинул деньги к самым его рукам. Он тупо уставился на них. И вдруг улыбнулся.

— Вовремя, ничего не скажешь. Хотя деньги

всегда появляются либо вовремя, либо слишком поздно — во всяком случае, не раньше, чем наступит критическая минута. У меня разбились очки, а новые мне не по карману. Вот и передвигаюсь на ощупь, как слепой крот.

Он извлек из стола линзу от разбитых очков и посмотрел сквозь нее.

— Извините, если произвожу неблагоприятное впечатление. К сожалению, я только таким способом могу разглядеть вас.

Он снова улыбнулся, на этот раз — с виноватым видом.

Некоторое время мы молчали. Наконец он вздохнул и задумчиво произнес:

— Вот так дела… Говорите, Уоррен Донован перед смертью вспоминал обо мне? Выходит, я всю жизнь недооценивал его.

Он положил линзу обратно в стол.

— Больше он ничего не сказал вам?

— Ничего. Он был не в том состоянии, в котором люди могут подолгу разговаривать.

— Он не сказал, кто я такой? — спросил Стернли.

И, видя мое замешательство, тотчас добавил:

— Много лет я был секретарем мистера Донована. Почти всю жизнь точнее, все то время, пока

человек может работать, чтобы обеспечить себя в старости.

Я оглядел комнату. Обстановка была более чем скудной, если не считать стеллажей с книгами в роскошных переплетах. На потолке местами осыпалась штукатурка, обои выцвели — видимо, последний ремонт здесь производился лет пятнадцать назад.

— Он ничего не оставил вам? Никакой компенсации? — вежливо спросил я.

Стернли с усмешкой кивнул.

— Воспоминания об интересно проведенных годах — это да. А что касается денег… Нет, не такой он был человек. Вот почему я удивился, услышав ваши первые слова. Неужели он и впрямь подумал обо мне в минуту, когда всем людям полагается думать только о себе? Вообще-то в присутствии мистера Донована никто не смел даже упоминать о смерти. Но однажды мы заговорили о ней, и он сказал: «Составлять завещание — все равно что добровольно отказываться от жизни. Эти мысли лучше вообще выбросить из головы, а иначе они до основания подточат ваш рассудок — изглодают, как термиты, поселившиеся в добротном жилище. Они будут незаметно вгрызаться в устои вашего бытия, и в один пре-

красный день весь ваш благоустроенный мир обрушится, похоронив вас под своими руинами. Никогда не говорите мне о смерти!»

Стернли повернулся ко мне, и я вдруг понял, что он был не таким старым, каким показался мне в первую минуту. Ему едва ли исполнилось даже пятьдесят пять лет — а старили его седина, ученый вид и обходительные манеры.

— Так чем же могу служить вам, доктор Кори? — спросил он.

Я немного смутился, но в конце концов любопытство взяло верх.

— Гм… Мистер Стернли, не могли бы вы рассказать мне о Роджере Хиндсе?

Он рассеянно посмотрел на меня — тем взглядом, который вообще свойственен близоруким людям. Затем улыбнулся.

— Это имя Уоррен использовал на одном банковском счете, сказал он. — Мне приходилось заниматься этим депозитом. Я даже помню сумму первого вклада. Тысяча пятьсот тридцать три доллара восемнадцать центов. Уоррен ценил мою способность держать в памяти даже то, что не имело для него большого значения.

— Вы хотите сказать, никакого Роджера Хиндса на самом деле не существует? — спросил я.

— Не знаю. Во всяком случае, я его никогда не видел и не получал от него никакой корреспонденции для Донована. Хотя Уоррен интересовался всеми людьми с таким именем, даже собирал информацию о каждом из них. Понятия не имею, зачем он это делал. Кстати, один человек из семьи Хиндсов недавно получил широкую известность. Вы о нем не читали? Его обвинили в убийстве. Жестоком и в то же время хладнокровном. Оно было совершено первого августа этого года, в девять тридцать вечера.

Он двумя пальцами коснулся лба.

— Я никогда не забываю того, что слышу или встречаю в газетах, — извиняющимся тоном произнес он. — Кирилл Хиндс! Сейчас он содержится в тюрьме штата, если это представляет для вас какой-нибудь интерес.

Мне вдруг показалось, что я окончательно запутался в хитросплетениях реальности и почти в сверхъестественных обстоятельствах моего эксперимента — словно потерял какую-то путеводную нить. Я уже не знал, где кончаются мои мысли и начинаются приказы Донована.

— Он не упоминал этого имени, — признался я.

Стернли не спеша достал из стола линзу от

очков, поднес к правому глазу и внимательно посмотрел на меня. Я понял, что противоречу самому себе. Если Донован не говорил мне о Хиндсе, то откуда я мог узнать его имя?

Я встал.

Стернли протянул мне свою тонкую руку.

— Благодарю вас, доктор Кори. Было очень любезно с вашей стороны занести мне эти деньги. Но не следует ли нам поставить Говарда Донована в известность об этом подарке? Ведь как наследник он вправе возражать против такой расточительности.

Мне вовсе не хотелось, чтобы Донован-младший и его адвокаты узнали, где я взял эти пять тысяч долларов. Поэтому я солгал:

— Говард не имеет никакого отношения к ним. Они лежали в конверте, который передал мне Уоррен Донован. На конверте было написано ваше имя.

Это прозвучало не очень убедительно, но уличить меня во лжи было невозможно.

— Словом, большое вам спасибо, — глядя куда-то в сторону, сказал Стернли. — Если я по какому-либо делу понадоблюсь вам, дайте мне знать, и я сделаю для вас все, что в моих силах. Не стесняйтесь обращаться ко мне, свободного

времени у меня предостаточно. — Он вздохнул и снова рассеянно взглянул на меня. — К сожалению.

Он взял меня под локоть и повел к выходу. Внезапно я почувствовал, что Донован пытается подать мне какой-то сигнал.

— Да, я должен забрать у вас ключ, — уже в дверях сказал я.

Стернли посмотрел на меня — пытливо, изучающе. Как будто удивленный тем, что я лишь перед уходом заговорил о таком важном деле.

— Какой ключ? — отпустив мой локоть, спросил он.

Я вынул из кармана вчетверо сложенный листок с его именем и рядом цифр, следовавших за ним. Он взял бумагу, развернул и поднес к самому носу. Затем медленно поднял глаза. Его лицо выражало крайнее изумление.

— Почерк Уоррена Донована, — пробормотал он и заковылял в комнату.

Через минуту он вернулся, держа в руке ключ, маленький и плоский. Такие обычно применяются в банках, для личных сейфов.

Встревоженный странными приказами мозга, я вышел из дома и побрел к центру города. Донован все чаще ошибался: то ли по рассеянности,

то ли по забывчивости. Он заставил меня написать номер депозитного ящика, но ни словом не упомянул о ключе. Если бы я ушел от Стернли чуть раньше, цель моего визита осталась бы не достигнутой — трудно было предположить, что он послал меня к своему бывшему секретарю только для того, чтобы я передал ему пять тысяч долларов.

Достав записную книжку, я записал дату и приблизительное время получения предыдущих инструкций — ночь на двадцать третье ноября, после полуночи. Мне хотелось спросить Шратта, не заметил ли он каких-нибудь отклонений в жизнедеятельности мозга, пришедшихся на это время. Не заболел ли мой подопытный? Не началось ли у него умственное расстройство?

Медленно бредя по городу, я вышел на какую-то улицу, перегороженную по случаю строительных работ. Дорожные рабочие копали канаву. Оглушительно ревели экскаваторы, мерно вздымались и опускались их когтистые ковши. Пыль стояла столбом.

Я шел, не глядя под ноги. Сосредоточившись на мыслях о Доновaне, пытался выяснить у него, что делать с ключом и номером сейфа.

Донован мог послать мне сигнал, когда ему

было угодно, но связь все еще оставалась односторонней — самому мне никак не удавалось установить контакт с ним. Я надеялся, что со временем он обретет достаточную силу, чтобы принимать мои мысли.

Я напряженно думал о Доноване и мысленно умолял его услышать меня.

Внезапно где-то совсем рядом взвизгнули тормоза. Я инстинктивно отшатнулся, и в тот же миг что-то тяжелое ударило меня в спину.

Боли я не ощутил — все чувства заглушил какой-то животный ужас, — но помню, что падение было очень долгим. Затем все погрузилось в темноту.

Очнулся я ночью.

Еще не открывая глаз, я по запаху антисептиков догадался, что нахожусь в больнице. Вокруг были знакомые коричневые стены. Меня положили в клинику «Ливанские Кедры», где я когда-то проходил медицинскую стажировку.

Рядом с моей постелью сидела Дженис. Я негромко застонал, она молча встала и подошла ко мне. Моя шея была тщательно загипсована. Неподвижно лежа в постели, я дюйм за дюймом мысленно обследовал свое тело и понял, что ничего фатального не произошло.

Я мог шевелить пальцами, приподнимать руки и немного сгибать ноги.

Дженис с тревогой смотрела на меня. Она еще не знала, что я уже пришел в сознание. Мои глаза были по-прежнему закрыты.

— Больно? — тихо спросила она.

Я еще раз прислушался к своему телу. Мне почему-то казалось, что я не лежу, а парю в воздухе — словно мою спину не сдавливали двадцать фунтов гипса, а поддерживали чьи-то заботливые руки.

У меня было странное ощущение. Какой-то бестелесности. Не знаю, как еще назвать то, что я испытывал.

Судя по всему, наркотиков мне не давали. Голова не кружилась, во рту не было горького привкуса, который бывает после анастезии.

— Нет, не чувствую, — наконец сказал я.

Мои слова встревожили ее даже больше, чем если бы я закричал от боли.

— У тебя травма спинного мозга, — с дрожью в голосе произнесла она.

Я открыл и снова закрыл глаза. Если не вышло какой-нибудь ошибки с диагнозом, сейчас я должен был испытывать адские муки. Дженис потянулась к звонку, чтобы вызвать врача, но я

остановил ее.

— Я могу шевелить пальцами рук и ног, — сказал я. — Значит, я не парализован. Боли нет по какой-то другой причине. Мне давали наркотики?

Ответ был ясен заранее. Я оказался прав — она покачала головой.

— Когда ты лежал без сознания, твое тело содрогалось от боли, — сказала она. — Четыре часа, без передышки. Очевидно, боль была ужасная.

Теперь Дженис говорила спокойным тоном. Она сообщала обстоятельства дела, как один врач — другому. Дженис достаточно хорошо разбиралась в медицине, поэтому мое поведение не могло не встревожить ее. Травмы спинного мозга обычно сопровождаются невыносимой болью.

— Что со мной случилось? — спросил я.

— Банальнейшее происшествие, — без тени улыбки ответила она. — Ты оступился и упал в яму. А затем экскаватор высыпал на тебя целый ковш земли.

Она неплохо выглядела — гораздо лучше, чем дома. И ей очень шел белый медицинский халат. Я подумал, что ее прежний анемичный вид объяснялся не болезнью, а нашей неустроенной семейной жизнью.

— С каких пор здесь стали выдавать пациентам одежду, предназначенную для медицинского персонала, — спросил я, разглядывая ее свежевыглаженный накрахмаленный халат.

— Мне разрешили ухаживать за тобой, — произнесла она с какой-то странной интонацией в голосе.

Я присмотрелся к ее лицу, освещенному настольной лампой.

Глаза Дженис сейчас были необыкновенно красивы — темные, огромные. Не такие, как раньше.

Впрочем, мне все вокруг казалось неестественно преувеличенным. Тени громоздились на стенах, словно контуры чьих-то гигантских фигур. Простыня, покрывавшая гипс, вздымалась, как огромная заснеженная гора.

Дженис осторожно поправила ее, чтобы я мог видеть противоположную стену.

Мне было приятно, что в трудную минуту Дженис оказалась рядом со мной. Я бы не возражал, если бы она решила побыть здесь немного дольше, чем положено медицинским сестрам.

Я снова закрыл глаза.

И уже в следующее мгновение меня оглушила жуткая, ни с чем не сравнимая боль.

Гипсовый бандаж вдруг отяжелел, превратился в тонны чугуна, безжалостно сдавившего мое тело. Руки непроизвольно сжались, ногти вонзились в ладони.

— Кодеин! Немедленно!

Если бы у меня были силы, я бы молил Бога, чтобы она поняла меня. Своего голоса я не слышал: в моих ушах стоял какой-то чудовищный гул, поднимавшийся откуда-то снизу, из самого позвоночника.

Я знал, что от этой боли нельзя избавиться, даже лишившись сознания, — она настигает человека всюду, в любом состоянии. Мне некуда было деться от нее. И знание об этом многократно увеличивало мои мучения.

И было еще кое-что, странным образом усугублявшее страдания, — все та же бессмысленная фраза: «Во мгле без проблеска зари он бьется лбом о фонари и все твердит, неисправим, что призрак гонится за ним».

Боль прекратилась так же внезапно, как и началась. Я открыл глаза и увидел Дженис, склонившуюся надо мной. Она губкой вытирала пот с моего лба. Я снова почувствовал себя легко и свободно — появилось прежнее ощущение бестелесности, блаженного парения в воздухе. Ничто

не напоминало о перенесенной боли.

Отворилась дверь, в комнату вошел врач. Следом за ним медсестра вкатила столик со склянками и инструментами.

— А вот и мы, — с профессиональной бодростью произнес врач. — Боль еще не прошла?

Он подошел к лампе и стал наполнять шприц морфием.

— Спасибо, в наркотиках нет необходимости, — спокойно сказал я.

Мужчина застыл с поднятой рукой.

— Болевые ощущения не могли так быстро пройти, — каким-то неуместно-назидательным тоном изрек он.

— Я и сам удивлен, — признался я, с недоумением оглядывая собственное тело.

Удивительное дело, но я абсолютно ничего не чувствовал — ни рук, ни ног, ни даже своего поврежденного позвоночника! Как будто от меня остался один только мозг, бесстрастный и сосредоточенный на себе самом.

— Не будете возражать, если я проверю ваши сенсорные рефлексы?

Он осторожно воткнул кончик иголки в мой локоть, но я и тут не испытал боли.

Вообще никакой, как при спинальной ана-

стезии!

— Послушайте, а вы уверены, что диагноз поставлен правильно? — спросил я.

Вместо ответа он с укоризной покачал головой — осуждал попытку подвергнуть сомнению его профессиональную репутацию.

Я закрыл глаза. Мне хотелось хорошенько обдумать, что же произошло со мной. Я слышал, как врач о чем-то шептался с Дженис. Затем скрипнула дверь, в комнате наступила тишина.

Как только он ушел, я попросил Дженис позвонить Шратту.

Она в нерешительности посмотрела на меня, и я повторил свою просьбу.

Через несколько минут моя рука сжимала телефонную трубку.

— Как себя чувствуете, Патрик, — услышав мой голос, обрадовался Шратт. — Дженис рассказала мне о вашей травме.

Дженис стояла у окна, повернувшись ко мне спиной.

— Я хочу задать вам один вопрос, — медленно произнес я, мысленно готовясь к возвращению боли. — Вы не заметили ничего необычного в деятельности мозга? Я имею в виду не все время, а только последние сорок восемь часов.

Он ответил не сразу.

— Видите ли, Патрик… — наконец сказал он. — Мне не хотелось расстраивать вас, пока вы не совсем оправились, но складывается впечатление, что у него сильный жар. Не понимаю, почему он так ведет себя. Температура то резко поднимается, то падает — это когда он засыпает.

Внезапно боль обрушилась на меня с удвоенной силой. Мне показалось, что я не вынесу ее. Она пронзила каждую кость моего тела — даже череп, от висков до затылка. Его как будто распирало изнутри.

— Разбудите мозг, — закричал я. — Ударьте по стеклу! Напугайте его! Не давайте ему спать!

Телефонная трубка выпала из моей руки. Я до крови закусил нижнюю губу.

Дженис метнулась к звонку, но боль уже затихала.

Мне удалось нашарить трубку и поднести ее к уху. В ней снова послышался голос Шратта:

— Патрик, мозг проснулся. Во всяком случае, вижу свет лампы.

Последовал какой-то шорох, затем:

— Почему вы попросили его разбудить?

Я откинулся на подушку. Мне хотелось поделиться со Шраттом своим открытием.

— Когда он не спит, ему передается моя боль, — осторожно проговорил я. — Слышите? Мозг перенимает ее у меня! Думаю, он каким-то образом получил доступ к моему гипоталамусу, и теперь переживает все процессы, происходящие в нервной системе. Это поразительно! Донован живет ощущениями моего тела! И все больше захватывает его — если раньше он контролировал только двигательные рефлексы, то теперь управляет областями мозга, отвечающими за болевые реакции.

Шратт дышал так тяжело, что даже я это слышал.

— Если дело и дальше так пойдет, — сказал он, — то скоро он завладеет вашей волей.

— Ну и что? — стараясь говорить беззаботным тоном, произнес я. — Мало ли людей пожертвовали своими желаниями ради науки?

— Достаточно, — сказал он, и в трубке вдруг послышались короткие гудки.

Я тоже повесил трубку. Затем повернулся к Дженис.

— Ну, теперь со мной все в порядке, — сказал я.

Мне почему-то не пришло в голову, что она слышала наш разговор — громкий голос Шратта до сих пор звучал у меня в ушах.

Дженис смотрела на меня глазами, расширенными от ужаса и отчаяния. Я не понял значения ее странного взгляда, но понял, что она предчувствует что-то неладное.

В течение последующих шести дней боль посещала меня все реже, хотя мой гипсовый ошейник по-прежнему приковывал меня к постели. Когда мне разрешат встать, двадцать фунтов этих повязок еще некоторое время будут стеснять мои движения.

Мозг передал мне пару новых адресов: Альфреда Хиндса в Сиэтле и Джеральдины Хиндс в Рено. По ночам он настойчиво повторял эти имена.

Как-то раз, побуждаемый телепатическими сигналами Донована, я попытался подняться на ноги, но Дженис, услышав мои стоны, сделала мне укол морфия, в результате чего контакт с мозгом мгновенно прекратился. Как при обрыве в телефонной линии. Очевидно, наркотики мешают мозгу поддерживать связь со мной. В таких случаях он долго не может понять, почему я не выполняю его приказы.

Он не знает, что я попал в дорожную аварию. Я пытался объяснить ему свое состояние. Лежал в постели и, подобно какому-то индийскому йогу, пытался войти в медитационный транс,

сосредоточивая все мысли на передаче сигнала в Аризону. Теперь мне смешно вспоминать об этом.

Во сне я часто слышал все ту же странную фразу: «Во мгле без проблеска зари он бьется лбом о фонари и все твердит…» О ком это сказано?

Ее бесконечные повторения причиняли мне не меньше страданий, чем боль. Вероятно, в ней все-таки заключен какой-то смысл. Мозг не станет без всякой цели так упорно твердить ее!

Я позвонил Шратту и рассказал о своих мучениях. Когда я прочитал ему это предложение, он явно опешил, но заверил, что никогда не слышал его.

Тогда я спросил у Дженис. Она думала целый день и наконец пришла к выводу, что это какой-то стишок для развития речевого аппарата — из тех, которыми пользуются логопеды.

Такое объяснение казалось вполне правдоподобным, но не имело никакого отношения к мозгу Донована.

Мы с Дженис даже не упоминаем о моих экспериментах. Она хочет, чтобы я первым заговорил о них, а у меня нет ни малейшего желания разговаривать о своей работе. Ей и так слишком много известно, это написано у нее на лице. Секретный

агент из нее не получится.

Между тем я все больше привыкаю к ней. Более того, когда ее ненадолго сменяет какая-нибудь другая сиделка, мне всегда становится не по себе. Как будто может произойти что-нибудь непредвиденное — и только Дженис будет в силах помочь мне.

Без нее я становлюсь сентиментальным. Часто вспоминаю тот день, когда добирался автостопом до Санта-Барбары, и она подвезла меня. Думаю о том, сколько раз она терпеливо сидела в своей машине, поджидая меня возле выхода из клиники. Тогда я жил на двадцать долларов в месяц и не мог рассчитывать даже на автобус.

Она всегда ждет меня. Будто видит в этом единственную цель своей жизни.

Она очень терпелива. И настойчива: если приняла какое-нибудь решение, то обязательно добьется своего.

Много лет назад она решила выйти за меня замуж. Это и случилось. Ей хотелось, чтобы я уехал со станции Вашингтон, и вот я нахожусь здесь, в Лос-Анджелесе. Теперь она желает снова меня завоевать.

Она знает, когда нужно быть со мной, когда — оставить меня в покое. Подобно чувствительному

вольтметру, улавливает малейшие отклонения в соединяющей нас энергетической цепи. Она могла осчастливить любого мужчину, если бы не тратила силы на меня.

На днях я поговорю с ней об этом.

29 ноября

Меня навестил Антон Стернли. Он позвонил снизу, из приемной. Трубку взяла Дженис, она же пошла встречать его у лифта.

Там она провела с ним не меньше часа. Затем, вдоволь наговорившись, впустила его ко мне.

Когда мы жили в пустыне, Дженис проявляла активность разве что в заботах о домашнем хозяйстве. А сейчас, воспользовавшись моей беспомощностью, распространила сферу своей деятельности на всех связанных со мной людей. Из Шратта она всегда умела вить веревки — то же самое, видимо, ожидает и Стернли.

В своих роговых очках с толстыми стеклами, увеличивавшими его зрачки до размеров голубиного яйца, Стернли еще больше, чем в прошлый раз, походил на убеленного сединами шведского профессора. Костюм сидел на нем мешком — вероятно, был куплен с чужого плеча. Разговаривая со мной, он запрокидывал голову, как слепой.

О моем несчастном случае Стернли узнал из

газет и пришел бы раньше, но до вчерашнего дня у него не было очков, а без них он боялся выходить из дома. Так он сказал, несколько раз извинившись за свой несвоевременный приход.

Пока Дженис находилась в комнате, он говорил о каких-то малозначительных вещах. Впрочем, по его напряженному лицу она довольно быстро догадалась, что ему хотелось остаться со мной наедине.

— Признаюсь, мне до сих пор не дает покоя записка, написанная рукой Донована, — начал он, когда Дженис взяла сумочку и вышла за дверь, сославшись на какие-то дела. — Дело в том, что ключ с номером сейфа Донован дал мне перед самым вылетом во Флориду. Он был очень осторожным человеком, наш бывший шеф, всегда предпочитал перестраховаться, боялся совершить опрометчивый поступок. Расписываясь, он обычно прикрывал бумагу правой рукой, чтобы никто до самого последнего момента не увидел, что именно он пишет. Меня крайне изумляет, что перед смертью он подумал обо мне. Это совсем не в его духе! Да и как у него в кармане оказался подписанный моим именем конверт с деньгами? Он никогда не отличался излишней щедростью. Как хотите, доктор Кори, не нравится мне все это.

— По-моему, вы слишком строго судите его, — предчувствуя еще один малоприятный разговор, сказал я.

— О нет, тут вы заблуждаетесь.

Стернли снял очки, аккуратно протер их кусочком замши и снова водрузил на нос.

— С Уорреном Донованом была связана вся моя жизнь, — вздохнул он. — Могу ли я ненавидеть того, кому полностью принадлежал? Подписав приказ о моем увольнении, он оставил меня без средств к существованию. Ведь у меня нет ни семьи, ни даже друзей. Увы, чтобы заводить друзей, нужно обладать покладистым характером и представлять для них хоть какой-то интерес, а к старости человек лишается того и другого. Особенно, если речь идет обо мне. Я думаю, все люди делятся на две категории: творческой натуры и подражательной. Я отношусь к последней. Поэтому мне нечем привлечь к себе чье-то внимание, если я сам не нахожусь под чьим-то влиянием.

Очевидно, такова была его философия. Излагая ее, он не выражал ни горечи, ни скорби о напрасно потраченной жизни.

— Недавно ко мне пришли из одного издательства — просили написать книгу об Уоррене Доноване. Предложили крупную сумму денег, а

ведь в будущем они мне пригодятся: мое жалованье было не так велико, чтобы я мог хоть что-то откладывать на старость.

Стернли хотел выговориться. Вероятно, чувствовал, что мои отношения с Донованом не ограничивались роковой встречей на месте авиакатастрофы. Он не знал, что именно связывало меня с его бывшим хозяином, но понимал, что мне можно доверить многое из непредназначенного для непосвященных.

Никому, даже Доновану, он никогда не говорил всего, что решил поведать мне. Застенчивый по природе, он вдобавок слишком боялся своего всемогущего босса. И, вынужденный молчать, с каждым годом все больше нуждался в каком-нибудь благодарном слушателе.

Вообще-то в его истории не было ничего необычного. Мало ли на свете таких же добросовестных, трудолюбивых и безнадежно одиноких людей?

Стернли боготворил Донована — и подчинялся ему до степени полного самоотречения. А Донован принимал его поклонение не только как должное, но и извлекал из него столько выгоды, сколько это было возможно, учитывая их разное имущественное положение.

Стернли познакомился с Донованом в Цюрихе, где в течение четырех лет изучал лингвистику и иностранные языки. Впервые в жизни увидев настоящего миллионера, снимавшего самый дорогой номер в самом дорогом отеле, он не устоял перед обаянием его сильной личности.

В тот день Стернли зашел в ресторан престижного отеля и заказал чашку кофе — только для того, чтобы посмотреть, как живут сильные мира сего. Сидя за столиком и не спеша потягивая свой остывший капуччино, он вдруг услышал гневные окрики какого-то постояльца гостиницы, приказывавшего клерку сказать по телефону несколько фраз на португальском. Насмерть перепуганный клерк что-то лепетал, проклиная себя за незнание иностранных языков.

Набравшись храбрости — событие, по своей исключительности равнозначное вмешательству сверхъестественных сил, — он подошел к миллионеру и предложил услуги переводчика.

Донован не отпускал его от себя во время всего пребывания в Цюрихе, а когда настала пора переезжать в другое место, попросил сопровождать его в качестве секретаря. Молодой человек увидел в этом предложении заманчивую возможность посмотреть мир и с радостью ухватился за нее.

С тех пор Стернли стал тенью Донована. Обедал за одним столом, спал в соседней комнате, следовал за ним всюду — с совещания на совещание, из города в город и с континента на континент.

Секретарь, переводчик и референт, незаменимый исполнитель многих деловых поручений Донована, он вскоре превратился в ходячую записную книжку — точнее, живую энциклопедию миллионера, — но так и не стал его другом.

Он никогда не брал отпусков: не умел распоряжаться даже самим собой. Лишь однажды, когда серьезно заболела его мать, он попросил разрешения навестить ее.

Донован неохотно согласился. Тогда Стернли попросил денег на поездку в Европу, и Донован потребовал у него долговую расписку на пятьсот долларов.

Разумеется, Стернли рассказал мне далеко не все. О многом он был вынужден умолчать, да и больничные условия не располагали к долгим словесным излияниям. Я мог только догадываться, что именно он не посмел или не успел поведать.

Один раз он влюбился. По иронии судьбы — в супругу Донована, Екатерину. Вероятно, она была красивой женщиной, одинокой и несчастной.

Екатерина не старалась обольстить застенчивого юношу; думаю, она и не подозревала о его тайных чувствах.

Что касается Стернли, то он не мог слишком долго бороться с угрызениями совести. Ему было тяжело сознавать, что в его безупречной работе наметился разлад, грозящий неприятностями всем трем заинтересованным сторонам: ему, Доновану и бизнесу.

Не выдержав этого душевного конфликта, он попросил Донована освободить его от лежавших на нем обязанностей.

Донован тут же повысил ему зарплату. Таково основное правило бизнеса: все недоразумения происходят из-за денег и улаживаются деньгами. Однако Стернли пожелал сознаться в своем преступном влечении.

«Стало быть, вы втюрились в Екатерину, — выслушав его, резюмировал Донован. — Как она реагировала на это?»

Разумеется, Стернли и не думал говорить об этом с миссис Донован. Одну христианскую заповедь он уже нарушил, на вторую у него просто не хватило бы духу.

«Если вы не разговаривали с ней, то я не вижу никаких причин для увольнения», — благодушно

заметил Донован. И, подумав, добавил: «Так же, как и для повышения зарплаты».

Таким образом, инцидент был исчерпан, причем в выигрыше остались Донован и его бизнес, а в проигрыше — Стернли. Он впал в еще большую зависимость от своего шефа.

Через несколько месяцев Екатерина Донован умерла.

Рассказывая обо всем этом, Стернли не производил впечатления человека, склонного изливать чувства первому встречному. Он всего лишь излагал факты — спокойным, деловитым тоном. Только изредка, вспоминая о чем-нибудь особенно грустном, снимал очки и с виноватой улыбкой протирал их кусочком замши.

Если он хотел вызвать жалость к себе, то ему это удалось. Однако в гораздо большей степени он затронул другие мои чувства. Из его рассказа я почерпнул столько сведений о Доноване, сколько не узнал о самом Стернли.

Я понял, что биография Донована, перепечатанная в газетах и журналах, была такой же выдумкой, как и все заметки обо мне, появлявшиеся на страницах бульварных изданий. Стернли помог мне увидеть истинное лицо своего бывшего хозяина.

Мне хотелось постичь природу человеческого мозга. Для этого нужно было узнать, как наши желания — каждое пережитое чувство, каждое явное или тайное стремление — сказываются на процессах, происходящих в центральной нервной системе.

Я жадно вслушивался в слова Стернли. Как хороший психоаналитик, пытался проникнуть в то, что было скрыто за его словами. Я запоминал подтекст тех или иных случайных реплик — для Стернли они не имели никакого значения, — и эти недостающие части рассказа, подобно разрозненным частям детской мозаики, складывались в одну общую картину. Передо мной медленно вырисовывался портрет сильного, властного человека — бессовестного дельца, холодного и расчетливого, упрямо шедшего к своей цели и без малейшего сожаления сметавшего все, что вставало на его пути.

Стернли, уверявший меня в своей беспристрастности, все-таки идеализировал его. Ему было невдомек, что Донован умышленно разрушил его жизнь.

Замысел Донована мне стал ясен в тот момент, когда Стернли признался в своей любви к Екатерине. Дело было даже не в ревности. Донован

не мог позволить себе такую слабость. Мысль о возможном покушении на его собственность — вот что не давало ему покоя.

Стернли сказал, что Донован имел обыкновение нанимать частных детективов из агентств, располагающих современной звукозаписывающей аппаратурой. Наблюдение велось за всеми людьми, входившими в окружение могущественного магната. В списке объектов слежки на первом месте стояла Екатерина. Не сомневаюсь, Донован знал каждый ее шаг, получал поминутные отчеты о ее времяпрепровождении. Думаю, его ищейки следили и за Стернли — на всякий случай, для подстраховки.

От напряженной работы с письмами и стенограммами у Стернли быстро портилось зрение. В конце концов Донована пришлось задуматься о замене своего секретаря новым, более приспособленным к темпу его жизни.

Стернли мог приносить пользу только в качестве живого архива, кладезя всевозможной информации о давно минувших событиях. Когда его работоспособность снизилась почти наполовину, Донован вдвое урезал его жалованье. И в то же время начал вычитать по десять долларов в месяц — желая получить назад сумму, одолжен-

ную на поездку в Европу.

Однажды Стернли исподволь намекнул на свое затруднительное положение. Донован изобразил крайнюю степень недоумения. «Не говорите, что у вас нет денег, — сказал он. — Вы обеспечены, как никто другой. Не иначе, подрабатываете где-нибудь на стороне».

Стернли, глубоко уязвленный таким несправедливым предположением, пробовал защищаться.

«Подозреваю, вы и в мой сейф не раз запускали руку, — продолжал поддразнивать его Донован. — Признайтесь, ведь прикарманили несколько сотен долларов, когда покупали для меня почтовые склады? Разве не так?»

Ошеломленный этими ни на чем не основанными обвинениями, Стернли стушевался и вышел из кабинета.

Только один раз он стал свидетелем слабости Донована. Это произошло в день смерти Екатерины. Всесильный магнат не мог вынести такого потрясения: еще бы, она улизнула от него! А кроме того, своей кончиной она по меньшей мере приостановила процесс деторождения. Этот процесс никогда не прекращался дольше, чем на год, но из всех их детей выжили только первый и последний ребенок: Говард и Хлоя.

Когда Екатерина умерла, Донован запер Стернли в своей комнате, не отпускал от себя ни на шаг. Стернли видел, как этот большой, грузный мужчина вставал по ночам, ходил из угла в угол и что-то невнятно бормотал.

Вероятно, насильственное переселение Стернли в комнату хозяина было частью наказания, приведенного в исполнение Донованом, — вот так же ассирийских рабов приговаривали к заточению в гробнице умершего фараона. Правда, бездеятельность Донована продолжалась недолго, и Стернли все-таки вышел на свободу. Но сейчас передо мной сидел усталый, сломленный нуждой и бесконечно несчастный человек — таким его сделал Уоррен Донован.

— Не понимаю, доктор Кори, почему Донован послал мне эти пятьсот долларов. Как раз та сумма, которую он мне одолжил и по частям вычитал из зарплаты! Ровно пятьсот. Нет ли здесь какого-нибудь умысла? Не хотел ли он напоследок сказать, что раскаивается в том, как поступал со мной? Подозреваю, в душе он все-таки был добрым человеком. Да, да! Я благодарен ему — не за деньги, а за то, что он перед смертью вспомнил обо мне.

— Донован не знал, что умрет, — заметил я.

— Ошибаетесь, — спокойно возразил Стернли. — Ему еще год назад стало известно, что его дни сочтены.

Слова Стернли потрясли меня — представили в новом свете Донована, недюжинную силу его характера.

— Выходит, он заранее знал о катастрофе, — стараясь скрыть волнение, спросил я.

— Ну, нет, — улыбнулся Стернли. — У него была неизлечимая болезнь. Врачи давали ему не больше года.

— Нефрит, — догадался я, вспомнив бледное, с желтоватым оттенком лицо Донована. — Очевидно, с частичным поражением печени. Я прав?

— Да, — кивнул Стернли. — Именно так ему и сказали. Уоррен попивал втихомолку, а ведь пьяницы без собутыльников самые безнадежные. Иногда я думаю, что он пил не из любви к спиртному, а из потребности забыться… может быть, забыть о каких-то своих мыслях. Донован с каждым годом все больше уставал от всей этой суеты с новыми планами и проектами. Пожалуй, его главная беда заключалась в том, что он был слишком умен для бизнеса — даже для такого крупного, в котором он участвовал.

Стернли вздохнул и надолго уставился в окно,

словно искал ответа на какие-то свои мысли.

Я тоже задумался. Итак, Донован пытался бежать от самого себя. Стало быть, голос совести не был для него пустым звуком? И, кстати, — о чем он все время старался забыть?

— Он вынудил врачей сказать правду, — тихо произнес Стернли. — А, узнав ее, очень изменился.

— Полагаю, стал добрее относиться к людям, — сказал я, желая вызвать Стернли на откровенность.

Он усмехнулся. Затем снял очки, протер все тем же кусочком замши, снова надел и наконец пристально посмотрел на меня.

— Нет. В Доноване не было того, что подразумевается под словом «доброта». Первым делом он вышвырнул меня на улицу без пенсии и выходного пособия. Затем поручил руководство фирмой своему сыну. Кстати, он передал семье все, за исключением домов и апартаментов, где ему когда-либо доводилось жить. У него было несчетное количество особняков — всюду, по всей стране. А в каждом крупном городе — офис и личные покои. Во всех этих домах в его спальню каждое утро приносили завтрак, даже если хозяина там не было. Слугам полагалось постучать, войти,

поставить поднос на стол, а через некоторое время унести его обратно. То же самое повторялось в обед и ужин. Донован любил наносить неожиданные визиты и требовал, чтобы к его приезду всегда был накрыт стол. Этот обычай он вычитал в одной книге об Испании в правление Филиппа Второго, она произвела на него большое впечатление. «Я вездесущ, — говаривал он, — и если плачу, то рассчитываю на ответные услуги». Так вот, когда ему сказали, что он умрет, все эти дома тотчас оказались закрыты. У него был один план, который он собирался осуществить в оставшееся время.

— Какой план? — насторожился я.

У меня вдруг появилось такое чувство, будто загадка Донована была уже почти решена.

— Он сказал, что должен подвести полный баланс в своих бумагах. — Стернли повернулся ко мне и развел руками. — Не знаю, что он хотел этим сказать.

Он вдруг засуетился — встал, прошелся по комнате, еще раз протер очки. Затем взглянул на часы.

— Ну, мне пора, — сказал он. — Кажется, я совсем заговорился.

У него был такой вид, будто он только сейчас

сообразил, что еще никому не рассказывал о себе так много.

— Пожалуйста, не сердитесь на мою старческую болтливость.

Он торопился уйти, но я попросил его задержаться. Мои рецепторы вдруг стали принимать новые приказания мозга — более настойчивые, чем когда-либо. Словно он все время слушал, а теперь решил вмешаться в наш разговор.

— Раз уж у вас нет никаких срочных дел, — сказал я, — не согласитесь ли вы немного поработать не меня? Я буду платить столько же, сколько вы получали у Донована.

— Работать на вас? — с радостным удивлением переспросил Стернли. — Но чем я могу вам помочь?

— Я хочу, чтобы вы открыли счет в коммерческом банке, расположенном на бульваре Голливуд. Во внутреннем кармане моего пиджака лежат деньги. Пожалуйста, внесите их на срочный депозит, — сказал я.

Стернли близоруко прищурился и подошел к платяному шкафу. Пока он рылся в нем, я вынул из-под подушки чековую книжку и написал: «Выдать мистеру Антону Стернли 100 000 $. Роджер Хиндс».

К моей постели подошел Стернли. У него в руках была толстая пачка банкнотов.

— Сколько мне взять? — спросил он.

— Все, что нашли. И еще вот это.

Я протянул ему чек.

Сигналы мозга вдруг прекратились. Почувствовав приближение боли, я схватился за шприц, лежавший на столике в изголовье.

Стернли поднес к глазам листок розоватой бумаги и застыл с открытым ртом. Он узнал почерк Донована.

2 декабря

Сегодня я впервые встал на ноги. В течение ближайших нескольких недель мне придется ходить в гипсе. В нем я чувствую себя какой-то огромной неуклюжей черепахой.

Оставаться в постели больше нельзя. Так велит Донован. Мое тело немеет не столько от боли, сколько от его постоянных и настойчивых сигналов.

Меня одела Дженис: сам я не мог нагнуться. Чтобы скрыть мои гипсовые доспехи, она принесла циклопических размеров сорочку и такой же вместительный пиджак.

У мозга с каждым днем прибавляются силы. Его приказы проникают в мое сознание так, будто я

слышу их — отчетливо, с первого до последнего слова.

Не знаю, как сообщить ему, что я скован в движениях и не могу долго ходить. Я попросил Шратта передать эту информацию с помощью азбуки Морзе, но Шратт не настолько владеет телеграфным кодом, чтобы на него можно было надеяться.

Я хочу вернуться в пустыню. Хочу собственными глазами видеть, как развивается мозг. Увы, он приказывает оставаться здесь, а я не могу его ослушаться.

Он велел мне связаться с этим убийцей, Кириллом Хиндсом, суд над которым должен состояться через одну-две недели.

3 декабря

Стернли открыл счет на свое имя, а все полномочия передал мне. Теперь я сам могу подписывать чеки — не дожидаясь подписи Донована. Я спросил Стернли, как ему нравится зарабатывать пятьдесят долларов в неделю, а распоряжаться тысячами.

Моя беззлобная шутка произвела необыкновенный эффект. Он потрясенно уставился на меня, а затем задрожал всем телом и начал заикаться. Мне снова пришлось успокаивать его. Он и так

косится на меня — слишком уж умело я «подделываю» подписи Донована.

Когда вошла Дженис, Стернли сразу преобразился — словно забыл о моем присутствии. Он ее обожает. Понятия не имею, как Дженис удается так легко завоевывать поклонников.

Она бескорыстна. Что бы ни делала, никогда не думает о себе. Вероятно, в этом секрет ее успеха.

4 декабря

Иногда мозг парализовывает меня. Поначалу я добровольно выполнял его приказы. Тогда мне приходилось сосредоточивать все мысли, чтобы понять его намерения. Иначе моя натура восстала бы против вмешательства извне. Теперь я просто не могу сопротивляться.

Пробовал — не получается.

Сегодня он приказал мне взять ручку и написать несколько слов. В комнате находилась Дженис, мне не хотелось, чтобы у нее сложилось впечатление, будто я становлюсь каким-то лунатиком.

Она принесла обед, и мы заговорили о странностях Стернли, о его старческом увлечении. Она с улыбкой отвергала мои подозрения. Затем у меня вдруг онемел язык. Одновременно какая-то сила заставила подойти к столу, где лежала стопка

чистой бумаги. Я наблюдал за своими действиями, как будто был другим человеком — каким-то незримым, третьим, внезапно оказавшимся в комнате. Я хотел остановиться, но продолжал действовать. Непроизвольно, автоматически.

Дженис еще не видела ни одного проявления этих необычайных способностей Донована, поэтому испугалась. Тем не менее у нее хватило соображения не вызывать дежурного по этажу.

Я сел за стол и принялся писать. Дженис пробовала заговорить со мной — сначала спокойно, затем встревоженно. Во время этого телепатического сеанса я впервые так побледнел. Глаза остекленели, лицо будто было сделано из воска.

Дженис знает меня достаточно хорошо, чтобы понять смысл происходящего. Она увидела, что я впал в некое подобие гипнотического транса.

Я написал: «Кирилл Хиндс. Нэт Фаллер».

О Кирилле Хиндсе я уже слышал. Второе имя встретилось мне впервые.

Сеанс закончился так же внезапно, как и начался. Я снова получил возможность управлять своим телом.

Дженис смотрела на меня расширенными от ужаса глазами.

— Ты писал левой рукой, — прошептала она. —

Это все мозг…

Я вернулся за обеденный стол, взял в руки хлеб и ложку. Я пытался сохранять спокойствие, хотя мне было неприятно сознавать, что у меня впервые не хватило сил сопротивляться Доновану.

— Ну, и что с того? — спросил я. — Как тебе известно, его мозг не умер. Время от времени он вступает в общение со мной. Мой эксперимент сделает переворот в науке. Человечество стоит на пороге создания искусственного интеллекта — неужели ты этого не понимаешь? Или никогда не слышала, что все великие открытия связаны с определенным риском? Как-нибудь на досуге я тебе расскажу об ученых, заслуживших мировую известность именно тем, что ради прогресса сознательно превращали себя в подопытных кроликов.

— Но ведь это не ты, а он превращает тебя в объект экспериментов!

— Заблуждаешься, — ответил я, чтобы прекратить эту дискуссию.

Мне стало досадно. Будь она наемным ассистентом — небось, не бросила бы мне такой открытый вызов!

— Я умышленно подчиняюсь мозгу, — добавил я. — Если мне понадобится, я в любой момент

смогу остановить исследование.

Дженис пытливо заглянула в мое бледное лицо. Она поняла, что я солгал ей.

— Донован умер! — вдруг сказала она.

— Умер? — Я покачал головой. — Да будет тебе известно, медицинское определение смерти несколько отличается от юридического. Когда человека по всем законам объявляют покойником, его мозг все еще излучает слабые электромагнитные колебания. А иногда бывает наоборот: медики уже объявляют человека мертвым, а он по-прежнему дышит. Вообще, где начинается жизнь, где кончается — кто знает? Вот Донован. Для всего мира он уже давно лежит в могиле, а его мозг и сегодня продолжает жить. Значит ли это, что он не умер?

— Нет, дело в другом, — твердо произнесла она. — Если следовать твоим рассуждениям, то он и в самом деле не умер. Не умер — потому что переселился в твое тело. Понимаешь? Он вытеснил твою личность!

— По-моему, ты начиталась книг по восточной философии, — сухо заметил я.

Дженис задрожала и закрыла лицо руками. Она многие годы окружала меня заботой и вниманием, вот почему сейчас не выдержала мысли о

том, что мой новый эксперимент обошелся мне слишком дорого. Она боялась, что я стану каким-то бездушным роботом, слепым исполнителем чьих-то желаний. Вероятно, тут сказалось ее религиозное воспитание.

— Донована кремировали, а прах похоронили, — пробормотала она. — То, что ты называешь живым мозгом, — всего лишь научный казус, человеческие останки в лабораторном сосуде.

— Донован продолжает жить и действовать, — упрямо возразил я. — Он даже пишет — своим прежним почерком, хотя и с помощью моей руки.

— Ты отстаиваешь какую-то отвлеченную научную схему. А я — веру.

— Лучше сказать, повторяешь слова Шратта, — насупился я. — Вы оба боитесь за меня — но ведь страх-то и убивает в человеке личность, не так ли? Если ты со мной согласна, то можешь мне поверить — я ничего не боюсь. И поэтому прошу впредь не судить меня по общепринятым меркам. Я стою выше их.

— Намного ли? — спросила она.

— Ровно настолько, насколько это необходимо для моей работы, — сказал я. — Мне нужно проанализировать уйму фактов. Если я смогу хотя

бы частично объяснить феномен Донована, то вскоре мне удастся ответить на многие вопросы, касающиеся процесса нашего мышления. Уже сейчас я проник в человеческое сознание так глубоко, что отчетливо вижу многое, недоступное другим ученым.

Дженис ничего не сказала.

В этот миг я ненавидел ее. Я ненавидел ее отчужденный и в то же время рассеянный вид — будто она прислушивалась к какому-то голосу, которого я не слышал. Дженис руководствовалась не рассудком, а интуицией. Она знала нечто такое, что нельзя описать научными терминами. А я всегда полагался на интеллект, на силу логического анализа.

Мы молча сидели друг перед другом.

— У него слишком большая власть над тобой, — наконец произнесла она. — Ты уже не можешь ему сопротивляться.

— Могу. В случае необходимости я в любой момент сумею прекратить этот эксперимент!

Мне приходилось оправдываться, и я ненавидел ее за это.

— Не сумеешь. Я видела, что с тобой творится!

Я встал, подошел к письменному столу и взял листок со словами, которые продиктовал До-

нован.

— Прошу тебя, оставь меня в покое. Я не хочу продолжать этот бессмысленный спор. Ты даже не понимаешь, как мешаешь моей работе! Уйди, меня раздражает твое присутствие.

Я знал, что она обидится, но у меня не было другого выхода.

Она молча вышла из комнаты.

Думаю, ничего страшного не произошло. Я окреп настолько, что могу переселиться в отель и обходиться без ее помощи.

4 декабря

Расстроенный разговором с Дженис, я плохо спал. Всю ночь ворочался с боку на бок, несколько раз принимал снотворное. Мне не давала покоя фраза, без конца звучавшая у меня в ушах: «Во мгле без проблеска зари…» Когда я встал, меня пошатывало от усталости.

Что творится с мозгом Донована? Эти маниакальные повторения одних и тех же нескольких строк — явление ненормальное. Оно свидетельствует о каких-то серьезных нарушениях в процессах переработки информации.

Больному человеческому воображению свойственно слышать те или иные назойливые звуки, так называемые фантомы — мелодию, чью-то

случайно брошенную реплику или пару рифмованных строчек. Эти постоянные рефрены настолько въедаются в сознание, что частично вытесняют ранее сложившиеся представления об окружающем мире — создают свою, гипертрофированную реальность.

Если мозг Донована каким-либо образом поврежден и все-таки способен противодействовать моей воле, ситуация становится неуправляемой. Нужно подумать о том, как в в случае опасности парализовать его. Но пока у меня нет ни одного подходящего решения.

5 декабря

Сегодня я вернулся в «Рузвельт-отель». Чувствую себя намного лучше, но все еще вынужден ходить в гипсе. Впрочем, он уже не мешает мне, как раньше.

Человеческое тело умеет приспосабливаться к неестественным условиям.

6 декабря

Натаниэль Фаллер.

В посланиях Донована это имя фигурировало трижды. В телефонном справочнике помещены адреса двоих Натаниэлей Фаллеров. Один — с бензоколонки, проживает на бульваре Олимпик,

другой, поверенный в делах фирмы «Подземные сооружения и коммуникации», — на Хилл-стрит.

Как мне представлялось, мозг имел в виду адвоката.

Я позвонил в офис Фаллера, расположенный в конторе «Хоган и Данбер» и попросил записать меня на прием. Секретарь Фаллера спросила: «По какому делу?» Я не мог сказать ничего путного, поскольку и сам не знал цели своего визита.

— Кто рекомендовал вам обратиться к мистеру Фаллеру? — поинтересовалась секретарь.

Я упомянул мистера Уоррена Гораса Донована, и она тотчас изменила тон. Через несколько секунд Фаллер был на проводе.

Фаллер попросил зайти после обеда и не задал ни одного лишнего вопроса. Он показался мне хорошим адвокатом.

Несмотря на время года, день выдался ясным и теплым. Я взял такси. В первый раз у меня было по-настоящему хорошее настроение. Тревожные чувства, так долго державшие меня в напряжении, куда-то исчезли. Теперь мне дышалось легко и свободно.

Мысленно я уже готовился к отъезду. Мне нужно было отдохнуть. Может быть, провести Рождество в Новом Орлеане. Я бы мог взять

с собой Дженис. Вспомнив о ней, я почему-то насторожился. Не рано ли связывать с ней будущее? При наших разногласиях мы с ней едва ли уживемся. Уж нет ли тут подсознательной попытки сбежать от Донована? Неужели я боюсь продолжать эксперимент? Если так, мне следует взять под контроль свои подспудные желания и мысли.

Войдя в приемную Фаллера, я представился девушке, сидевшей за столиком. Она спешно схватилась за телефонную трубку, и через несколько секунд из кабинета вышел Фаллер. Он оказался невысоким плотным мужчиной с тщательно уложенными седыми волосами, в первоклассном, сшитом у дорогого портного костюме.

Облаченный в свои гипсовые доспехи, я, должно быть, представлял собой довольно странное зрелище, однако он не выразил ни малейшего удивления и без лишних слов провел меня в комнату с надписью на двери: «Библиотека. Просьба соблюдать тишину».

Тишина, в которой мы очутились, казалась какой-то неестественной, словно стены были сделаны из особого звукопоглощающего материала. Несмотря на яркое утреннее солнце, венецианские шторы были опущены, под потолком горели

лампы дневного света. При таком освещении Фаллер мог беспрепятственно изучать лица своих клиентов.

Он предложил мне сесть, а сам занял место по другую сторону длинного безукоризненно отполированного стола, стоявшего посреди комнаты.

— Итак, вас прислал Уоррен Горас Донован, — доброжелательным тоном произнес он.

— Да. Перед смертью он упомянул ваше имя.

— Вот как? Что же он сказал? — осведомился Фаллер.

— Насколько я понял, вы были одним из его адвокатов, — ответил я. — Он сказал, что при необходимости я могу целиком положиться на вашу юридическую помощь.

— И такая необходимость возникла? — с мягкой улыбкой спросил он. — В таком случае — чем могу служить?

— Я хочу, чтобы вы приняли участие в судебном разбирательстве одного убийства. Речь идет о деле Хиндса.

Он откинулся на спинку стула и пристально посмотрел на меня.

— Хиндс обвинен в одном из самых хладнокровных и жестоких преступлений, о которых я слышал за двадцать лет моей адвокатской прак-

тики, — спокойно произнес он.

Я подумал, что эта тихая комната — самое подходящее место для установки звукозаписывающей аппаратуры. А неоновые лампы — идеальное освещение для съемки скрытой камерой.

— Если вы возьметесь за дело Хиндса, я готов оценить ваши услуги в пятьдесят тысяч долларов, не считая аванса, — сказал я.

Фаллер опустил голову и задумался. Судя по унылому выражению его лица, он не воспринял мое предложение всерьез и сейчас пытался решить, как избавиться от посетителя, не обидев меня. Сумма была несуразной — даже для такого серьезного дела.

В своем дешевом, мешковатом костюме я не производил впечатления человека, способного выложить адвокату пятьдесят тысяч долларов.

Я взглянул на отполированную поверхность стола, и наши глаза встретились, точно в зеркале. Вероятно, это была одна из его уловок — незаметно наблюдать за людьми, рассматривая их отражения. Определенно, манеры Фаллера оставляли желать лучшего.

— Я не совсем вас понял. Вы имеете в виду выступление в суде? — чтобы выиграть время, спросил он. — Но у нас есть множество других

адвокатов.

С этими словами он потянулся к звонку.

Я вынул пачку денег из кармана пиджака и молча положил перед ним.

Он убрал руку со звонка. Затем попытался втянуть меня в разговор — чтобы выяснить, с кем имеет дело.

— Доктор Кори, вы не могли бы сказать, какими мотивами вы руководствуетесь? — спросил он.

— Предположим, выступаю борцом против института смертной казни, — ответил я.

Он кивнул. Такое объяснение его устраивало. Мало ли в мире филантропов, не жалеющих денег ради удовлетворения своих причуд?

— Ага. Вам нужен прецедент, не так ли? В таком случае, мы могли бы спасти Хиндса от виселицы, а потом добиться его освобождения под залог.

— Вы меня не поняли, — улыбнулся я. — Мне нужно, чтобы Хиндса признали невиновным. В суде, большинством голосов. Словом, в законном порядке.

— Сначала вы сказали, что желаете только лишь спасти его жизнь, — насупился Фаллер.

— Послушайте, я пришел не для того, чтобы вступать в дискуссии! — вспылил я.

У меня не было другого выхода. Я знал, что мозг

желает немедленного освобождения Хиндса.

— Но вина этого человека не вызывает абсолютно никаких сомнений! — запальчиво воскликнул Фаллер. — А я никогда не берусь за безнадежные дела.

Я встал, собираясь уйти.

Фаллер затараторил:

— По крайней мере, дайте мне несколько дней, чтобы как следует изучить его дело. Может быть, мне все-таки удастся найти какой-нибудь выход. Но предупреждаю — если этот случай и впрямь безнадежен, я буду вынужден отказаться от него.

— Уверен, вы найдете выход. — сказал я.

Он проводил меня до двери.

— Могу я попросить вас выплатить часть вознаграждения в виде задатка?

— Разумеется, — ответил я. — Позвоните завтра утром в «Рузвельт-отель», и я выпишу вам чек.

Я вышел в приемную.

— Вы получите разрешение на мое свидание с Хиндсом? — спросил я напоследок.

— Нет проблем! Вероятно, он ваш родственник? — вежливо поинтересовался Фаллер.

— Нет, — ответил я.

Фаллер не удивился.

— Стало быть, близкий друг?

— Сказать по правде, — усмехнулся я, — Хиндса я и в глаза не видел. А впервые услышал его имя — несколько дней назад.

На этот раз Фаллер онемел от изумления.

8 декабря

Сегодня Стернли поехал в Рено — чтобы повидать мисс Джеральдину Хиндс. Я сказал ему, что перед смертью Донован велел мне заботиться об этой женщине, а также о другом Хиндсе, водопроводчике из Сиэтла.

Стернли становится невыносим. Ему невдомек, как это мне удается писать почерком Донована и снимать деньги со счета, принадлежащего другому. А чем объяснить мою трогательную заботу о людях, которых я не видел никогда в жизни?

По-моему, он был бы рад сбежать от меня.

9 декабря

Утром позвонил Фаллер. Он уже поговорил с начальником окружной тюрьмы — пытался выхлопотать мне разрешение на свидание с Хиндсом.

Поскольку Фаллер не смог толком объяснить, кем я прихожусь обвиняемому, сей блюститель порядка пожелал лично побеседовать со мной, а уже потом принять то или иное решение.

Фаллер основательно проштудировал дело Хиндса и пришел к выводу, что у нас остался только один выход. Он не стал обсуждать свой план по телефону — сказал, что завтра заедет ко мне в отель.

Оптимизм Фаллера не вызывал у меня никакого доверия. Сдается мне, не пообещай я ему приличный куш, он бы и не подумал браться за это дело. Перед тем, как повесить трубку, он напомнил, в какой банк и на какой счет нужно перевести сумму, причитающуюся ему в качестве задатка.

Уверен, мозг сохранил ясность мысли. Мои страхи оказались необоснованными, поскольку все его приказы логически вытекали один из другого. Единственный тревожный симптом — те строки, без конца повторяющиеся в моих снах. Иногда они звучат и днем, тогда я не в силах подавить безотчетного ужаса, неизменно сопровождающего их.

Влияние мозга постепенно распространяется на все мое сознание: думаю, он уже способен воспринимать некоторые ощущения, переработанные сигналы сенсорных клеток. Если это так, то мои органы чувств сообщают ему огромное количество информации об окружающем

мире — о звуках, цветах, запахах, вкусе пищи и многом другом. Мое предположение все еще нуждается в доказательстве, но мне кажется, что благодаря моему телу мозг Донована живет полноценной человеческой жизнью. При помощи моей руки он может писать, посредством языка — разговаривать с другими людьми. Даже может увидеть меня, когда я смотрюсь в зеркало. И в то же время он автономен. Моя смерть не грозит ему гибелью.

10 декабря

По пути к зданию суда я зашел в табачную лавку и купил дюжину кубинских сигар.

Курить я бросил много лет назад, и с тех пор запах табачного дыма вызывал у меня отвращение. Сегодняшняя покупка была сделана под влиянием какого-то внезапного порыва, неосознанного побуждения.

Я сразу раскурил одну сигару, но не почувствовал никакого вкуса. Тем не менее, когда я попытался бросить окурок, моя рука лишь сильнее сжала его и против воли поднесла к моим губам.

Я затянулся и с недоумением посмотрел на два пальца левой руки, державшие сигару.

Донован был левшой!

Интересно, какой сорт табака предпочитал Донован? И почему я не почувствовал никакого вкуса? Что случилось с моими вкусовыми рецепторами? Вчера вечером я почему-то отказался от привычных мясных блюд и заказал вегетарианский ужин. Он тоже оказался совершенно безвкусным. Был ли Донован вегетарианцем? Надо будет спросить у Стернли.

Я еще раз затянулся — глубже, чем прежде. И снова никакого привкуса, точно вдохнул пар из кипящего сосуда с дистиллированной водой. Неужели мозг Донована испытывает какие-то ощущения, отнимая их у меня?

Бесспорно одно: мозг развивается. Но чем обернется его развитие — не только для меня? Неужели в будущем всеми людьми вот так же будет управлять какой-нибудь супермозг, посылающий сигналы из своей превосходно оборудованной станции?

Мои ноги сами привели меня к массивному серому зданию в центре города. Окружная тюрьма расположена на его верхних этажах.

Я вошел в приемную. Служащий в рубашке с короткими рукавами повел меня на девятый этаж, в кабинет начальника тюрьмы. В коридоре, на лестнице и даже в лифте стояли охранники.

Видимо, служащий заметил мое любопытство — потому что вдруг повел себя, как гид на экскурсии, и принялся рассказывать о своем заведении.

Здесь содержится огромное количество заключенных, — с гордостью объяснил он, — тысяча восемьсот мужчин и женщин.

На девятом этаже мы прошли через просторную приемную и очутились в еще более просторной комнате с панорамными окнами.

Начальник тюрьмы оказался сухощавым, подтянутым мужчиной лет пятидесяти. Новенькая серая униформа сидела на нем с какой-то особой щеголеватостью.

Увидев меня, он встал из-за письменного стола и подошел к другому, сделанному из черного дерева и, судя по всему, предназначенному для одной цели — производить впечатление на посетителей. Рядом стояла напольная голубая ваза с далиями. На одной стене висели дорогие электронные часы с монографией ювелира, выгравированной на циферблате. Другую стену украшали фотографии офицеров с женами.

Поздоровавшись со мной, начальник тюрьмы удобно расположился в кресле с высокой спинкой и задумчиво посмотрел в окно. У него был вид профессора, уставшего от ежедневных лекций.

— За вас хлопотал мистер Фаллер, — сказал он. — Он просил выдать вам разрешение на разговор с Хиндсом.

— Мистер Фаллер действовал по моему поручению, — заметил я.

— Он относится к числу самых высокооплачиваемых адвокатов нашего штата, — продолжал начальник тюрьмы. — Интересно, какую сумму вы предложили ему за работу над этим безнадежным делом?

— Хиндс признал свою вину? — спросил я.

— О нет, люди его сорта не сознаются в совершенных преступлениях, — спокойно произнес он. — Но у Хиндса нет денег на защиту. Насколько я понимаю, вы заинтересованы в результатах этого судебного разбирательства. Скажите, Фаллер уже получил аванс за выступление на предварительных слушаниях?

Он доброжелательно улыбнулся, и у меня сразу сложилось впечатление, что наш разговор записывается на пленку.

— Я психолог, занимаюсь различными патологиями, — ответил я. — Меня интересуют все судебные дела, подобные делу Хиндса. Неужели существуют какие-либо препятствия для моей беседы с ним?

Начальник тюрьмы задумался. Ему явно хотелось услышать ответ на свой вопрос. Однако с ним уже говорил Фаллер, поэтому я решил не разглашать сведения, о которых почему-либо умолчал мой адвокат.

— Мне известно, что вы не состоите в родстве с Хиндсом, — сказал он.

Итак, обо мне успели собрать кое-какие сведения.

Некоторое время мы сидели молча, затем он произнес:

— Хиндса у нас сразу невзлюбили, слишком уж много хлопот он доставляет персоналу. Я был вынужден поместить его на пару дней в одиночную камеру: этот паршивец ударил охранника. Такие поступки в нашей тюрьме не поощряются. У заключенных он тоже не пользуется уважением.

Он с улыбкой посмотрел на меня — как профессор, довольный своим классом.

— Мои парни привыкли иметь дело с убийцами и стараются не усложнять жизнь заключенных. А вот трусов они презирают. Я их понимаю. Малодушные преступники — самые отвратительные.

Видимо, он собирался прочитать мне лекцию по криминальной психологии. Тюремщиков, как и медиков, тяготит бремя жизненного опыта,

вот почему они так охотно делятся случаями из своей практики. У меня нет почти ни одного знакомого врача, не написавшего книгу воспоминаний. В этом смысле тюремщики ничуть не лучше врачей.

Я вежливо слушал.

— Вы хорошо знаете Хиндса? — вдруг поинтересовался он.

— Нет, — ответил я, радуясь тому, что он не спросил, знаю ли я его вообще.

— Так вот, он тоже не помнит вас. — Начальник тюрьмы улыбнулся. — Это делает вашу просьбу не совсем обычной.

— Я пишу книгу по психопатологии, — сказал я.

Он кивнул.

— А вам известно, в чем его обвиняют?

Я промолчал.

— Управляя автомобилем, Хиндс сбил одну женщину — умышленно!

Он пристально посмотрел на меня и добавил:

— Хуже всего, он дал задний ход и переехал ее еще раз, всмятку раздавив лицо и ноги. А затем скрылся. Точнее — пытался скрыться, потому что мы нашли его. По отпечаткам протекторов.

— Это была его любовница? — поинтересо-

вался я.

— Нет, мать.

Начальник тюрьмы нахмурился. Затем с досадой произнес:

— Разумеется, Хиндс не помнит никакого наезда. Говорит — возвращался с вечеринки, был немного пьян… И случайно задавил свою мать! Странное, очень странное совпадение.

— А мотив преступления? — снова спросил я.

Начальник тюрьмы пожал плечами и посмотрел в окно. Очевидно, как все в этом заведении, он не испытывал особой симпатии к Хиндсу, а потому не вникал в причины его поступка.

— Могу я видеть Хиндса? — напрямик спросил я.

Он встал и позвонил в колокольчик.

— Я приказал держать его отдельно от остальных заключенных, иначе они устроили бы расправу над ним. Мне еще не приходилось замечать в них такой единодушной ненависти к кому-либо, даже к судьям. Они бы подсыпали яд в его пищу, если бы у них была такая возможность.

В кабинет вошел стройный молодой офицер. Он отдал честь и остановился у двери.

— Проводите доктора Кори на пятнадцатый

этаж, — сказал начальник тюрьмы. — И доставьте туда Хидса.

Офицер снова козырнул. Выйдя в коридор, мы направились к другому лифту, находившемуся за железной решеткой.

— Пятнадцатый, — бросил офицер охраннику, стоявшему в лифте, и покосился на меня, словно осуждал мое желание повидаться с Хиндсом.

Мы прибыли. Двери раздвинулись, за ними было просторное помещение, разделенное надвое столами с десятидюймовой стеклянной перегородкой посередине.

— Подождите здесь, — сказал офицер. — Его приведут через несколько минут.

Присев на лавку, я прочитал надпись на одной стороне стеклянной перегородки: «Места для судебных исполнителей».

С обратной стороны была другая надпись: «Места для заключенных».

В помещении было довольно людно. То и дело входили и выходили заключенные в голубых джинсах и разноцветных майках. Те, что сидели у столов, говорили тихо, вполголоса. Судьи вели с ними беседу, не снимая шляп. У каждого был такой вид, будто он куда-то торопился.

Наконец привели Хиндса. Один из двоих со-

провождавших его охранников молча показал на меня. Другой в это время снимал с него наручники.

Невнятный гомон, стоявший в помещении, ненадолго затих, а затем зазвучал громче, чем прежде.

Усевшись по другую сторону стола, Хиндс с недоумением уставился на меня.

— Здравствуйте, меня зовут Патрик Кори, — сказал я.

Он проигнорировал мою протянутую руку. Просто смотрел на меня таким взглядом, как будто это я был заключенным, а он — посетителем.

С виду ему было лет двадцать пять. Стройный и мускулистый, он, вероятно, пользовался успехом у женщин. Однако в его красивом лице я не заметил ни одной сколько-нибудь мягкой черты. Прямые жесткие волосы были зачесаны назад, холодные голубые глаза — прищурены. Свои и без того тонкие губы он поджал так, что подбородок казался еще более острым, чем мог быть на самом деле.

Если бы после задержания он решил изобразить себя невменяемым, то мог и впрямь свихнуться настолько, что теперь его место было бы не в тюрьме, а в сумасшедшем доме.

Однако он явно предпочитал роль героя. Его самомнение превосходило даже волю к жизни. В нем было что-то от фанатика, а с фанатиками спорить бесполезно.

— Позвольте вас спросить, — осторожно произнес я. — Знакомы ли вы с Роджером Хиндсом?

Он не ожидал такого начала разговора. Очевидно, готовился к каким-нибудь уловкам — подозревал, что я хочу добиться от него признания в совершенном преступлении.

— Ну, — буркнул он, — если вы имеете в виду моего дядю, то он давно повесился.

— Когда? — вырвалось у меня.

— Еще до моего рождения. Моя мать часто вспоминала о нем.

О матери он упомянул так же невозмутимо, как и о дяде.

Мозг не вмешивался в наш разговор, поэтому я позволил себе полюбопытствовать:

— Скажите, а Уоррена Гораса Донована вы знали?

— Того старикашку, что несколько недель назад разбился в горах? — хмыкнул Хиндс. — Нет, я читал о нем в газетах.

Он зевнул и принялся рассматривать свои тонкие пальцы. Мои вопросы его не задевали.

— Послушайте, я пришел сюда, чтобы в меру своих сил помочь вам.

Он фыркнул.

— Мне не нужна ваша помощь. Если меня хотят вздернуть на виселице — пускай, я не против. Меня ничто не сломит. Здесь со мной плохо обращаются, но мне все равно.

— Вас будет защищать мистер Фаллер, — сказал я.

— Да, я знаю. Говорят, он большая шишка. Интересно, кто его нанял?

Он вопросительно посмотрел на меня, но через секунду на его лице появилось прежнее глуповатое выражение. Ему явно хотелось противостоять всему миру. Если бы он понял, что кто-то и в самом деле ему помогает, его самомнение было бы поколеблено. А без привычной опоры он едва ли устоял бы перед натиском прокурора.

— Мне ничего не сделают. Я не нарочно сбил эту старуху. Мою вину никто не докажет. Поэтому мне не нужен адвокат.

Он вдруг ухмыльнулся.

— Вас подослали, чтобы вытянуть из меня признание. Так вот, ступайте к вашему начальству и скажите, что я не специально наехал на нее.

Ему казалось, что для признания человека

виновным в каком-либо преступлении судьям необходимо его раскаяние в содеянном.

— Если вы действовали без умысла, вас отпустят на свободу! — сказал я.

— А им больше ничего и не останется. Я не преступник, чтобы держать меня за решеткой.

Он сжал кулаки — с такой силой, что побелели пальцы.

— Передайте им, что они меня не сломают. Даже если снова бросят в карцер, даже если будут кормить своей тухлятиной и натравливать на меня всех этих подонков! Знаю я их уловки. Они не имеют права причинять мне зло. И они заплатят за это. Подождите, вот только выберусь отсюда!

Он встал. С его точки зрения, продолжать наше свидание не имело смысла. Я ему был нужен только для того, чтобы через меня возвестить миру о своем презрении к нему.

Я проводил его взглядом и направился к лифту.

У меня не было сомнений в том, что этот юноша совершил заранее обдуманное, преднамеренное убийство — настолько, насколько это вообще возможно для человека.

Но зачем он понадобился Доновану? Может быть, Кирилл Хиндс — его внебрачный сын? В

таком случае, действия Донована вполне объяснимы. А если нет?

Думаю, Фаллер знает ответ на этот вопрос.

11 декабря

Портье вручил мне конверт, содержавший приглашение на обед в загородном особняке Говарда Донована, тринадцатого сего месяца, к семи часам вечера. Придется пойти, хотя у меня нет никакого желания отвечать на вопросы, которые мне будут задавать.

Так и знал, что Говард не оставит меня в покое!

Звонил Шратт. Сказал, что Дженис вернулась на узловую станцию Вашингтон. Когда я поинтересовался причинами ее приезда, он решил проявить остроумие. Дескать, они с Дженис всегда были большими друзьями и воспользовались моим отсутствием, чтобы побыть друг с другом наедине.

С мозгом, как он уверяет, все в порядке. Объем серого вещества и потенциал электромагнитного поля продолжают увеличиваться.

Когда Шратт замолчал, ожидая дальнейших распоряжений, мой инстинкт самосохранения заставил меня смалодушничать. Я попросил Шратта приостановить рост мозга, уменьшив

калорийность питательной смеси. Эту просьбу я произнес дрожащим голосом.

— Понимаю, понимаю, — бодрым тоном сказал Шратт.

Повесив трубку, я рассердился на себя. Почему мне не удалось победить свои подсознательные страхи? Что Шратт подумает обо мне?

Я вдруг почувствовал смертельную усталость. Отложив звонок Фаллеру, которому нужно было рассказать о походе в окружную тюрьму, я прилег отдохнуть.

Я принял снотворное. Мне не хотелось принимать телепатические послания Донована.

12 декабря

В десять часов утра зазвонил телефон. Все еще находясь под действием транквилизаторов, я с трудом поднялся на ноги и взял трубку.

Звонил некто Пальс, находившийся в фойе отеля и желавший поговорить со мной. Он сказал, что пришел по поручению Фаллера.

Попросив его подождать, я вызвал парикмахера. Тот тщательно выскоблил мою заросшую щетиной физиономию. Затем помог мне одеться. Посмотревшись в зеркало, я остался доволен своим видом и уже хотел позвонить портье, как вдруг почувствовал что-то неладное.

Мое отражение затуманилось, словно покрылось матовой пленкой; этот зрительный обман длился всего несколько секунд, но я сразу понял, что послужило его причиной.

Не отводя взгляда от зеркала, я глубоко вдохнул, пошевелил плечами. Мое тело вдруг показалось чужим — не таким, как прежде. Я вытащил из галстука булавку и уколол палец. Выступила кровь, но боли я не ощутил.

Моя походка тоже изменилась. Слегка прихрамывая на правую ногу, я подошел к столу, достал кубинские сигары и закурил.

Как и прежде, я осознавал все, что делаю, но впервые чувствовал себя узником собственного тела, бесправным заложником чужой воли.

Мне вспомнились стадии эксперимента с мозгом Донована. Вначале я заставлял себя сосредоточиваться, с трудом принимал и расшифровывал его сигналы. Затем научился мгновенно понимать и выполнять то, что от меня требовалось. И наконец позволил мозгу непосредственно управлять моим телом.

Теперь я был лишен возможности сопротивляться — полностью утратил контроль над своими действиями!

Мозг мог вывести меня на улицу и поставить

перед несущейся навстречу машиной, мог заставить выброситься из окна или пустить себе пулю в лоб. Я же мог лишь кричать от отчаяния — но моего крика никто бы не услышал.

Меня охватил ужас. Я почувствовал себя человеком, накрепко привязанным к какому-то бездушному двурукому и двуногому механизму.

Это жуткое чувство прошло, оставив после себя ноющую боль в области почек. Словно я еще не успел оправиться от приступа нефрита.

Неужели у Донована сохранились все ощущения, которые прежде испытывало его тело? Неужели я буду вынужден следовать всем его привычкам — курить, употреблять вегетарианскую пищу? Этак ведь недолго и к спиртному пристраститься!

Внезапно я вспомнил о Пальсе, дожидавшемся меня в холле. Сняв телефонную трубку, я позвонил портье и попросил проводить его ко мне.

Через несколько минут в мой номер ввалился слоноподобный мужчина лет сорока пяти. Его густые волосы были зачесаны на манер музыкантов в викторианской комедии, мясистые щеки и двойной подбородок придавали лицу какое-то неестественно добродушное выражение.

Представившись, он сел в кресло. Оно полно-

стью исчезло под его тушей.

Он сразу приступил к сути.

— Дело Хиндса будет слушаться на следующей неделе. У меня есть кое-какие соображения, которыми я хочу с вами поделиться.

Как у большинства страдающих ожирением людей, у него был тонкий, скрипучий голос. Контраст зрительных и слуховых восприятий мешал мне сосредоточиться, я никак не мог собраться с мыслями.

— Как известно, на решениях суда сказывается не столько фактическая сторона расследования, сколько внешность подсудимого, — продолжал Пальс. — Хиндс обладает привлекательной внешностью, но его манеры произведут очень неблагоприятное впечатление на судей. Хорошо еще, что среди них нет ни одной женщины, — они в первую очередь поддаются симпатиям.

Обрисовав ситуацию, сложившуюся в окружном суде, Пальс в двух словах изложил свой план спасения Хиндса. При этом он ни разу не упомянул о Фаллере.

Оказалось, что на здании суда уже вывешен список потенциальных судей, включающий в себя триста имен. Примерно двести из них, как объяснил Пальс, не желают принимать участие

в слушаниях, а потому их можно сразу сбросить со счета.

С остальными нужно было найти общий язык.

Пальс открыл портфель и достал папку с какими-то бумагами.

— Видите ли, — понизив тон, произнес он, — прежде я работал в Южной Трамвайной Компании. Фирме предъявлялось множество судебных исков, и в конце концов мы решили собрать максимум полезной информации о каждом судье нашего штата. Вы понимаете, к чему я клоню?

Он улыбнулся, обнажив белые, ровные зубы. Такие безукоризненные, какие раньше я видел только у женщин.

— Вы до сих пор работаете в Южной Трамвайной Компании? — спросил я.

— О нет, там слишком мало платят. Но досье у меня остались — вот они.

Он открыл папку. На первых двух листах были в столбик написаны имена шестидесяти семи судей.

Двадцать восемь из них были разорившиеся бизнесмены, отставные полицейские и военные, готовые за три доллара в день исполнять свой гражданский долг.

— Наш прокурор уважает людей этого сорта.

Они хорошо знакомы с судопроизводством, не поддаются на уловки защиты. Но все они — тут, у меня в руках! Уж я-то знаю, как к ним подобраться!

Пальс засмеялся и снова перешел на шепот.

— Сложность представляют остальные, не входящие в мой список. Вот с кем придется повозиться! Ну, ничего. И с ними справимся. У каждого человека бывало в жизни что-нибудь такое, что он не хотел бы предавать огласке.

Маленькие глазки Пальса вдруг остановились на сигарах.

— Угощайтесь, — сказал я.

Его лежавшая на подлокотнике рука стремительно выпрямилась и цепким движением схватила одну из них. До сих пор он не проявлял никаких эмоций.

— Кубинские, лучшего сорта! — восхищенно воскликнул Пальс, — За такие не жалко отдавать по доллару за штуку.

Закурив, он вернулся к теме нашего разговора.

— Но вот, предположим, среди двенадцати судей, слушающих дело Хиндса, не окажется ни одного человека из моего списка. Готовы ли вы в таком случае пойти на дополнительные расходы?

— Полагаю, сначала мне придется поговорить с мистером Фаллером, — ответил я.

Пальс поджал губы. Затем вздохнул.

— Видите ли, ваш адвокат — слишком заметная фигура. Едва ли он сможет сыграть решающую роль в этом деле. Поэтому я советую вам рассчитывать только на меня.

Итак, Фаллер пожелал остаться в стороне и ничего не знать о готовящемся подкупе судей.

— Мой гонорар — пять тысяч долларов. И, учтите, я не ручаюсь за решение суда, а делаю то, что в моих силах, — выпустив густое облако табачного дыма, добавил Пальс.

Меня не очень беспокоило, сколько денег перекочует со счета Донована в карман Пальса, — мне хотелось, чтобы на этой неподвижной мясистой харе еще раз отразились какие-нибудь человеческие эмоции.

— Вы просите пять тысяч долларов и не даете никаких гарантий? — спросил я.

Пальс флегматично пожал плечами.

— Против Хиндса собраны серьезные улики, и его обвиняют в самом серьезном из преступлений — умышленном убийстве, совершенном с особой жестокостью, при многих отягчающих обстоятельствах. С точки зрения прокурора здесь и

думать нечего. Кирилл Хиндс никогда не работал, все время проводил с сомнительными компаниями. Он занимал деньги у кого попало и воровал их у своей матери, мывшей полы в «Билтмор-отеле». И наконец эта ужасная смерть!.. Думаю, на этот раз обвинению не придется сгущать краски, призывая суд приговорить его к смертной казни.

— А, кстати, почему он убил ее? — поинтересовался я.

Мой вопрос, казалось, не удивил Пальса.

— Вероятно, вам это известно лучше, чем мне, — иначе меня бы здесь не было. Насколько я знаю, Хиндс в очередной раз украл у нее деньги, а потом испугался, что она обратится в полицию. Дело в том, что эти деньги несчастная женщина откладывала на свои похороны. Как известно, многие люди, всю жизнь прожившие в нужде, желают найти достойное место на кладбище… Может быть, она и не стала бы поднимать шума — кто знает? — но Хиндс решил опередить события и подстерег ее у выхода из отеля. А потом дважды проехался по ней на автомобиле, купленном на ее же деньги. Во всяком случае, именно так скажет прокурор. Умышленный наезд с целью убийства.

Пальс затушил сигару и поднялся на ноги.

— За такое дело можно было бы взять и сорок тысяч долларов, — пробормотал он.

Я проводил его до двери.

— Желаете получить наличными? — спросил я.

— Разумеется, — ответил он.

Уже переступив порог, он вдруг остановился и пристально посмотрел на меня.

— Скажите — он ваш сын?

— Неужели я выгляжу таким стариком? — улыбнулся я.

На лице Пальса появилось какое-то странное испуганное выражение.

— Да, так мне показалось — всего минуту назад.

Сначала я опешил. Потом, закрыв дверь, лег на постель и не вставал до самого вечера.

13 декабря

Утром я съездил в клинику, с меня сняли гипс.

Иные актеры, чтобы свободнее чувствовать себя на сцене, весь день ходят с гирями, привязанными к рукам и ногам. Когда перед выступлением они сбрасывают эту ношу, у них появляется такое же ощущение полета, свободного парения в воздухе, какое я испытал, избавившись от своего двадцатифунтового панциря.

На мое прекрасное настроение повлияло и то, что меня наконец-то перестала донимать эта бестолковая фраза: «Во мгле без проблеска зари…»

Я принял ванну и впервые за прошедшие недели надел старый, сшитый по моему размеру костюм.

В кармане пиджака лежал ключ, который Стернли отдал мне перед отъездом. Я повертел его в руках и поехал в Коммерческий банк Калифорнии. Увидев меня, усатый кассир скрылся за боковой дверью и через минуту вернулся вместе с управляющим.

Управляющий, видимо, решил не обращать внимания на мои странности. Он выслушал мою просьбу и без лишних слов провел меня в отдел вещевых депозитов.

Я осмотрел сейф, набрал на замке цифры 114474, повернул ключ, и дверца открылась.

Внутри ничего не было, если не считать небольшого конверта, который я переложил в свой карман.

На улице я распечатал его.

В конверте лежала квитанция на тысячу восемьсот тридцать три доллара и восемнадцать центов, написанная рукой Донована и подписанная Роджером Хиндсом. Внизу стояла дата:

7-е февраля 1901-го года. И место: Сан-Хуан, Калифорния.

Я перевернул этот пожелтевший листок, но и на обороте не нашел ничего такого, что могло бы ответить на вопрос, почему Донован так бережно хранил его.

Сан-Хуан — городок с пятью тысячами жителей, где Донован начал свой почтовый бизнес. Вот и все, что мне было известно о нем.

Положив квитанцию в бумажник, я решил пополнить эти сведения тем, что по возвращении расскажет Стернли.

В холле отеля меня поджидал шофер Говарда Донована. Побуждаемый то ли интуицией, то ли телепатическим сигналом, я не удержался и окликнул его:

— Привет, Лонца!

Он вытаращил глаза: не мог вспомнить, виделись ли мы прежде. Затем его лицо расплылось в улыбке. Как будто я сказал что-то смешное.

Мы поехали по бульвару Вентура на север, в сторону местечка Энсино. Я откинулся на спинку правого сиденья и закурил безвкусную кубинскую сигару.

Граница между моим сознанием и Донована вдруг размылась, стала почти неразличимой. Я

произносил какие-то слова, но говорить меня заставлял Донован. Лишь во время ходьбы мое тело полностью подчинялось моей воле. Или это мне только казалось? Слишком уж нелегко было распознать, кто управляет движениями моих рук и ног — я или Донован? Но мои мысли были по-прежнему четкими и собранными.

В Энсино мы миновали большие чугунные ворота. Они показались мне знакомыми.

Машина поехала по огромному парку с высохшими искусственными водоемами и пустыми террариумами. Цветники выглядели такими запущенными, словно после смерти их прежнего владельца там росли только сорняки.

Наконец мы остановились возле безукоризненно белого и немного вычурного особняка в испанском стиле, с множеством внутренних двориков и балконов с навесами. Шофер провел меня в библиотеку. В огромном камине горел огонь, отбрасывавший зыбкие тени на потолок и стены этого просторного помещения. В углу за столиком сидели Говард и Хлоя. К моему немалому удивлению, с ними был мой адвокат Фаллер.

— Здравствуйте, Кори.

Говард встал и направился ко мне, но вдруг остановился. На его лице появилось вопроситель-

ное выражение. Он смотрел на мою левую руку.

— Прошу прощения, — сказал я, бросив сигару в камин.

— Кубинская, не так ли? — задумчиво произнес Говард. — Этот сорт курил мой отец. Представляю, что сейчас творится у вас в горле — очень крепкий табак.

С этими словами он дружелюбно пожал мою правую руку.

Фаллер ответил на мое приветствие холодным кивком и занялся лежавшими перед ним журналами. Миссис Хлоя Бартон поздоровалась, но не проявила ни малейшего желания вставать со своего кресла.

Говард подошел к бару.

— Что-нибудь выпьете, доктор?

— Спасибо, не надо, — сказал я.

— Ах да, слишком много свидетелей, — сухо улыбнулся Говард, явно продолжая думать о своем отце. Он вел себя, как окружной прокурор, желающий усыпить бдительность подозреваемого.

Хлоя напряженно смотрела на мою правую прихрамывающую ногу. Выражение ее глаз меня насторожило. От таких женщин всегда можно ожидать истерики или чего-нибудь в том же

роде.

Мы обменялись несколькими незначительными репликами, не разрядившими атмосферу нашей встречи.

— Фаллер! Не желаете виски? — неестественно бодрым голосом спросил Говард.

— Благодарю вас, у меня еще осталось от прошлого раза, — пробормотал Фаллер и снова уткнулся в журналы.

Я устроился за столом. Говард сел рядом со мной и не без фамильярности хлопнул меня по колену.

— Ну, как поживает наш общий знакомый Стернли?

Его слова послужили сигналом к решительным действиям. Фаллер закрыл журнал, Хлоя выпрямилась и поправила прическу. У нее были очень худые руки, сквозь тонкую кожу выпирали не только кости, но и сухожилия.

— Стернли? Нормально, а что? — беззаботным тоном произнес я.

— Он неплохой человек, к тому же у него превосходная память, — поспешил объяснить Говард. — Если бы не его прогрессирующая близорукость, я бы предложил ему поступить ко мне на работу.

— Я сводил его к офтальмологу, и ему выписали новые стекла, линзы цилиндрической формы.

Мне не хотелось задевать его, но мои слова прозвучали как упрек. Говард покраснел. Он не ожидал такого откровенного вызова.

Повторялась старая история. Мозг забавлялся нашим разговором, а я безучастно следил за происходящим. Я заранее знал каждый вопрос и ответ, точно слушал какую-то хорошо знакомую и давно надоевшую историю.

Говард продолжал играть роль хозяина положения. Было ясно, к чему он клонит.

— Итак, мой отец перед смертью говорил с вами о Стернли?

Фаллер поморщился и подошел к окну. Его явно раздражала тактика, которую избрал Говард.

— Да нет же! Как я уже сказал, ваш отец умер, не приходя в сознание. А о его верном секретаре мне стало известно из газет.

Я вынул из кармана еще одну сигару и взглянул на Фаллера. Мои слова противоречили тому, что я сказал ему — дескать, это Донован посоветовал мне обратиться к своему адвокату. Сейчас Фаллер невозмутимо смотрел в окно.

Говард стал проявлять нетерпение. Поерзав на стуле, он вдруг выпалил:

— Послушайте, Кори! Вам еще не надоело притворяться?

Он вскочил на ноги и отошел к камину. Едкий дым кубинской сигары, казалось, увеличил его неприязнь ко мне.

Я не удержался и подлил масла в огонь:

— Пожалуйста, держите себя в руках.

Фаллер вдруг отвернулся от окна и подошел к столу.

— Доктор Кори, мистер Донован навел кое-какие справки о вас. Поэтому мы можем говорить начистоту и не играть в прятки.

— Не сомневаюсь, он приставил ко мне частных детективов. Такова семейная традиция, — улыбнулся я.

— Я — старый друг этой семьи, — продолжал Фаллер. — Когда вы сказали, что ко мне вас послал Донован-старший — а Говард полагал, что его отец умер, не оставив завещания и не успев ни с кем поговорить, — я счел своим долгом поставить Говарда и его сестру в известность об этих противоречиях в вашем рассказе.

Мои пятьдесят тысяч долларов он уже считал своими. А, поведав обо мне Говарду, рассчитывал на дополнительное вознаграждение. Он напоминал Йокума: тот тоже хотел услужить и нашим

и вашим. Но если Йокум страдал от угрызений совести, то Фаллер не имел подобных слабостей.

— Как адвокат вы обязаны держать в тайне дела своих клиентов, — заметил я.

— Доктор Кори, я хорошо знаю свои обязанности, — предостерегающим тоном произнес Фаллер.

— Тогда почему вы пренебрегли ими? — допытывался я.

— А почему вы тратите чужие деньги на защиту этого убийцы? — выпалил Говард Донован.

Он стоял за моей спиной, и мне пришлось повернуть кресло, чтобы видеть его лицо.

— Какого убийцы?

— Кирилла Хиндса, или как его там!

Лицо Говарда было мрачно, как у судьи во время оглашения смертного приговора.

— Ах, вот кого! А сами вы не знаете, почему? — изобразив крайнюю степень удивления, спросил я.

— Нет — но зато знаю, что вы тратите деньги моего отца!

Он торжественно поднял руку и показал на меня пальцем. Я рассмеялся.

Говард опешил. Затем быстро посмотрел на Фаллера.

— Гм, позвольте мне сделать небольшое лирическое отступление, — откашлявшись, произнес адвокат. — Доктор Кори, вам тридцать лет, медицину вы изучали в Гарварде. В двадцать пять вы женились на девушке, имевшей собственный, но весьма скромный доход. Несколько лет вы работали в Лос-Анджелесе, никаких сбережений у вас не было. Затем вы переехали в Аризону, на узловую станцию Вашингтон, и стали заниматься какими-то научными экспериментами. Все это время вы жили на дивиденды вашей супруги.

— Вас смущают мои семейные отношения? — полюбопытствовал я.

Фаллер терпеливо продолжал:

— И вдруг у вас появляются деньги — очень крупные суммы… Вы бросаете свои исследования, возвращаетесь в Лос-Анджелес, сорите долларами налево и направо, проявляете интерес к людям, которых никогда в жизни не видели, — таким, как Хиндс и Стернли…

Он говорил так, словно излагал состав преступления.

Я перебил:

— Не понимаю, почему все это должно касаться вас и мистера Говарда Донована.

Говард снова не выдержал:

— Помните нашу встречу в Финиксе? Тогда вы отрицали, что мой отец говорил с вами и сообщил, где спрятаны его деньги!

Я холодно посмотрел на него. Мое молчание окончательно вывело его из себя, и он взорвался:

— Это мои деньги! Вы украли их у меня!

— Мистер Донован, вы предъявили мне серьезное обвинение, и вам придется доказать его.

Эти слова я произнес спокойным тоном, но в душе испугался — пусть даже ничем не выдал себя.

— Откуда вы берете деньги, которые так бездумно швыряете на ветер? — закричал Говард.

Я встал. Прихрамывая, подошел к письменному столу. Превозмогая боль в почке, тяжело опустился на стул.

— Мистер Фаллер, вы случайно не знаете, на каком законном основании меня подвергают допросу?

Фаллер глубоко вздохнул.

— Доктор Кори, я думаю, мы можем уладить наши взаимные претензии. Мистер Донован готов уступить вам десять процентов от той суммы, которую его отец перед смертью доверил вам. Разумеется, потраченные вами деньги в расчет не берутся.

— Потраченные — все, сколько бы их ни оказа-

лось? — глядя ему в глаза, спросил я.

Фаллер понял, что я подразумевал пятьдесят тысяч долларов, обещанные ему в качестве гонорара.

— Разумеется, — невозмутимо повторил он.

— Хорошо, — сказал я. — Вас не затруднит засвидетельствовать наше соглашение?

Говард подошел к бару и начал переставлять фужеры. Фаллер продолжал загадочно улыбаться. Хлоя теребила край скатерти.

— Сначала подпишите вот это.

Фаллер извлек из кармана лист бумаги и развернул передо мной. Это было письменное заявление о том, что я использовал деньги, принадлежавшие Доновану.

Пробежав глазами несколько первых строчек, я взял левой рукой авторучку и написал: «Деньги получены на приобретение коллекции почтовых марок. У. Г. Донован». Под именем я нарисовал размашистый вензель.

Говард подошел к столу, взял бумагу и начал читать мои каракули. Вскоре его глаза стали вылезать из орбит. Он беззвучно пошевелил губами и вдруг разжал пальцы. Листок упал на пол.

Фаллер пристально посмотрел на него и перестал улыбаться.

— Что такое? — с тревогой в голосе спросил он.

Фаллер наклонился, намереваясь поднять листок с пола, но Хлоя опередила его. Бесшумно встав со своего кресла, она быстро наступила на бумагу одной ногой, затем нагнулась и начала читать.

Дальше произошло то, чего я больше всего боялся. Внезапно Хлоя схватилась обеими руками за горло и повалилась на пол. Ее тело забилось в судороге, глаза расширились и остекленели, на губах выступила пена. Продолжая сжимать горло, она разразилась истерическим смехом — задыхалась, не могла дышать и все-таки хохотала, как сумасшедшая.

Бросившись к ней, я одной рукой схватил ее за левое запястье и оторвал пальцы от горла, а другой резко ударил в область левой ключицы. Когда глаза Хлои уменьшились до обычных размеров, я пошлепал ее по щекам и отпустил.

Смех прекратился; она глубоко вздохнула и обмякла. Я перенес ее на диван и повернул лицом к стене.

Говард продолжал тупо смотреть на меня.

Хлоя всхлипнула и разрыдалась.

— Принесите что-нибудь успокоительное, быстро!

Встретив мой взгляд, Говард вдруг опомнился.

— У нее в комнате должно быть снотворное, — пробормотал он.

В его голосе уже не было прежней агрессивности; он повернулся и выскользнул за дверь.

Я снова занялся Хлоей. Приняв снотворное, она перестала плакать и вскоре заснула. Я велел Говарду не трогать ее, а утром вызвать врача.

Он выслушал, уставившись на меня, как на призрака. Бедняга, он был не так далек от истины.

В отель меня отвез Фаллер. В дороге он молчал — только сказал, что завтра навестит Хиндса и даст ему кое-какие инструкции. О своем предательстве Фаллер не упомянул ни словом.

Вернувшись в свой номер, я первым делом позвонил Шратту. Мои нервы были взвинчены до предела. Меня снова преследовала эта проклятая фраза: «Во мгле без проблеска зари он бьется лбом о фонари и все твердит, неисправим, что призрак гонится за ним». Она повторялась все громче и громче, словно кто-то кричал ее мне на ухо.

Когда я велел Шратту уменьшить питание мозга, он опешил.

— Не ожидал услышать от вас такое предложение, Патрик, — сказал он. — Однажды вы меня чуть не задушили за подобное намерение, а те-

перь сами боитесь продолжать эксперимент.

— Да ничего я не боюсь! — вырвалось у меня. — Я согласен на опыты, но мне нужно хотя бы несколько дней передышки. Я тоже человек!

— Неужели? — спросил он тихим, окончательно взбесившим меня голосом.

— Прекратите кормить мозг! — заорал я в телефонную трубку.

Немного подумав, Шратт сухо произнес:

— Нет. Я не буду вмешиваться в ход эксперимента.

Его упрямство потрясло меня. Происходящее напоминало какой-то дурной сон, кошмарное наваждение.

— Приказываю вам в течение ближайших двадцати четырех часов держать мозг — в режиме голодания, — выделяя каждое слово, произнес я.

— Я не могу выполнить ваш приказ, Патрик. Мы обязаны продолжать начатое.

Я снова сорвался на крик. Переждав мои истошные вопли, Шратт спокойно сказал:

— Вероятно, вы еще не совсем оправились после травмы. Скоро в Лос-Анджелес вернется Дженис, она присмотрит за вами.

С этими словами он повесил трубку.

Обессиленный, я рухнул на кровать. Какой дья-

вол в него вселился? Как он посмел ослушаться меня?

Нужно было срочно выезжать в Аризону!

Но ни выйти из отеля, ни просто сдвинуться с места я не мог. Мои мускулы были парализованы. Я лежал в постели, и у меня в голове творилось что-то невообразимое. Мои мысли все быстрее кружились вокруг все той же абсурдной фразы: «Во мгле без проблеска зари…» Мелькали какие-то незнакомые лица, слышались чьи-то бубнящие голоса. В конце концов я заснул.

18 декабря

Меня разбудил телефон. Часы показывали пять минут восьмого.

За ночь я отдохнул, ко мне вернулось прежнее самообладание. Шратт поступил правильно, отказавшись подчиниться моему приказу. Если бы не мои расшалившиеся нервы, я бы не обратился к нему с таким дурацким требованием. Хорошо еще, что он вовремя проявил характер.

Звонил Говард Донован. Поздоровавшись, он сказал, что Хлоя не желает видеть никаких врачей и просит меня приехать в Энсино. В голосе Говарда слышались умоляющие нотки. Он боялся, что у его сестры случится новый припадок.

— Я взял на себя смелость выслать за вами ма-

шину, — заключил он.

Я обещал приехать.

Затем позвонил Пальс. Он тоже хотел срочно увидеть меня.

Я сказал, что к ланчу буду в отеле.

Через сорок минут машина Донована привезла меня в Энсино.

Говард ждал меня на ступеньках парадного входа. За ночь его лицо осунулось, под глазами появились темные круги. Пробормотав что-то невнятное, он провел меня в спальню Хлои, причем всю дорогу держался поодаль, как будто чего-то побаивался.

В спальню я вошел один: Говард не решился еще раз показываться на глаза сестре.

Сквозь полузашторенные гардины солнечный свет узким косым лучом падал на шелковое покрывало необъятной испанской кровати. На розовой подушке лицо Хлои Бартон казалось особенно бледным. Она смотрела на меня спокойно, даже безучастно — как будто истратила все эмоции на вчерашний день и сегодняшнюю ночь.

На столике в изголовье стоял нетронутый завтрак. Там же лежали градусник и букет свежих цветов.

— Привет, — чуть осипшим голосом произнес-

ла она.

— Чувствуете себя лучше, чем вчера? — спросил я, придвигая стул к постели.

Продолжая разглядывать меня, Хлоя осторожно коснулась моей руки. Ее пальцы были холодны, как лед; пульс едва ли достигал шестидесяти ударов в минуту. Ей бы не помешала инъекция кофеина.

— Кто вы? — спокойно спросила она.

— Патрик Кори, врач, — сказал я.

Хлоя по-прежнему не сводила с меня глаз.

— Вечером я вас испугалась, — прошептала она. — Вы говорили, как мой отец. И так же прихрамывали на правую ногу. И в точности воспроизвели его подпись. Но главное, вы сказали то, что знали только он и я!

Пытаясь скрыть смущение, она улыбнулась.

— Где вы слышали об этой коллекции почтовых марок? Отец не мог рассказать вам о ней!

— Зато я мог прочитать о ней в газетах, — ответил я, но Хлоя покачала головой.

— Нет.

Она посмотрела на стену и надолго задумалась, а потом произнесла так, словно разговаривала сама с собой, совершенно забыв о моем присутствии:

— Я знала, мой отец не умер. Знала, что он вернется — в той или иной форме, неважно! Я ждала его.

Хлоя резко повернула голову и взглянула на меня широко открытыми глазами.

— Уверена, вы сказали правду — отец и в самом деле не разговаривал с вами. Но теперь он действует через вас!

Она нашла объяснение вчерашнему феномену — и не сомневалась в том, что я понял ее мысли.

— Вы любили отца? — спросил я.

— Я его ненавидела, — ответила она. — И мне казалось, что на земле никогда не будет справедливости, потому что даже сам Господь Бог отвернулся от правды.

Хлоя приподнялась на локте. Ее глаза затуманились — остановились на какой-то точке, точно она вслушивалась в чей-то голос.

— Вам удалось нанять Фаллера, чтобы он защищал Хиндса, но вы не знаете, зачем это сделали! — с торжествующим видом воскликнула Хлоя.

Она вдруг расхохоталась. Я ожидал нового припадка, но его не последовало.

— Мой отец хочет спасти Кирилла Хиндса от виселицы, чтобы обменять его жизнь на ту, кото-

рую он загубил. Для него это так же просто, как заменить испорченный бифштекс или вернуть пару занятых долларов. Когда мне было семь лет, он в двух словах изложил мне свое мировоззрение: борьба за деньги у людей означает то же самое, что борьба за существование у животных. Богатый человек живет жизнью, равнозначной существованию нескольких бедных. Нанимая помощников, слуг, секретарей и советников, он успевает в короткое время сделать то, для чего бедняку понадобились бы целые годы. У состоятельного человека жизнь в сотни раз длиннее, чем у нищего. С помощью денег мы можем пережить других людей — во всех смыслах этого слова. Деньги это и есть жизнь.

Ее утверждение меня не удивило. Все нервные женщины склонны к мистике.

Много лет, страдая от отцовских притеснений, она ждала его старости, чтобы, в свою очередь, насладиться властью над ним. Но скоропостижная смерть избавила его от возмездия. Поэтому ей хотелось, чтобы он вернулся. Она не знала о мозге, живущем в моей лаборатории, но чувствовала, что Уоррен Горас Донован еще не покинул этот мир.

Я пошевелил правой рукой, прикусил губу —

больно! Здесь сидел я, а не Донован.

— Настоящая фамилия моего отца — Дворак. Он родился в небольшом городке в Богемии, в тысяча восемьсот девяносто пятом году. Приехав в Америку, он сменил имя, поселился в Сан-Хуане и некоторое время работал грузчиком на фабрике скобяных товаров. У владельца магазина была дочь — потом она стала моей матерью. А у отца был один друг, единственный. Его звали Роджер Хиндс, он чинил оборудование.

Хлоя замолчала, вспоминая о своем детстве. Затем посмотрела на меня и сказала:

— О Роджере Хиндсе я услышала от матери и с тех пор ни с кем не разговаривала о нем. Даже Говард ничего не знает. Я хранила это в тайне, потому что любила свою мать — больше всех на свете!.. Но только я и Роджер Хиндс любили ее!

Ее голос задрожал.

В таком состоянии ей нельзя было волноваться. Поэтому я перебил Хлою:

— На той фабрике была налажена линия по производству складных ножей. Ваш отец выкупил ее и стал продавать ножи фермерам — с этого и начался его почтовый бизнес. Так писали в газетах.

Она усмехнулась.

— Но газеты не писали о том, что он начал этот бизнес с деньгами, занятыми у Роджера Хиндса — мужчины, которого любила моя мать.

Последние слова она произнесла с таким возмущением, точно этот мужчина принадлежал ей, а не матери.

— Роджер восхищался моим отцом, и тот сознавал свою власть над ним. Однажды, чтобы разорить своего счастливого соперника, он попросил у него денег — много, столько у Роджера никогда и не было.

— Тысячу восемьсот тридцать три доллара и восемнадцать центов, — тихо произнес я.

Хлоя нетерпеливо кивнула, даже не поинтересовавшись, где я добыл такие точные сведения.

— Вполне может быть. Роджер взял их из фабричной кассы, потому что отец обещал на следующий день вернуть долг. Он так доверял отцу, что не видел в своем поступке никакого преступления. И вот, чтобы уничтожить Роджера, отец умышленно задержал эти деньги у себя.

У нее осекся голос, и она снова замолчала. Можно было подумать, что все эти события произошли вчера, а не сорок лет назад, до ее рождения.

Внезапно я понял: тогда, в семилетнем возрасте, она решила отомстить за свою мать, и с тех пор

это желание никогда не покидало ее. Вот почему сейчас она не хотела верить в смерть отца. Она ждала чуда — и была готова добровольно уйти из этого мира. Суицидальные склонности не всегда возникают на почве нервного расстройства: иногда они предшествуют ему. Удивительно, но такие случаи свойственны мечтательным натурам.

Нужно было помочь Хлое выговориться, но не позволять ей слишком долго предаваться воспоминаниям.

— Вы уверены в том, что он сделал это умышленно? — спросил я.

— Абсолютно! — твердо произнесла Хлоя. — Отец хотел жениться, но на его пути стоял Роджер. Они любили друг друга, по-настоящему любили, — и все-таки отец не мог смириться с тем, что кто-то мешает ему осуществить задуманное. Доновану казалось, что его предали.

Из рассказа Хлои следовало, что Уоррен Донован не отдавал деньги до тех пор, пока на фабрике не обнаружили недостачу. Хиндс лишился работы, и только тогда Донован вернул взятую сумму; мало того, он заставил Роджера подписать квитанцию, которая представила Донована человеком, спасшим Роджера от тюрьмы.

Оправившись от потрясения, Хиндс пытался убить Донована — на щеке Уоррена остался шрам от пули, выпущенной Роджером. Екатерине Хидс ничего не сказал и в порыве отчаяния повесился. Ему было стыдно за друга.

Через несколько месяцев Екатерина уступила ухаживаниям Донована: вышла за него замуж. Сразу после свадьбу они переехали в Лос-Анджелес.

Позже она узнала правду. О случившемся ей рассказал сам Донован — когда понял, что она по-прежнему любила Роджера.

С того дня Донован держал ее в постоянном страхе. Он заставлял Екатерину рожать детей — одного за другим, хотя почти все умирали, едва появившись на свет. Екатерина не могла уйти от него. Она принадлежала ему, и он бы не смирился с ущербом, нанесенным его собственности.

Сломленная и обессилевшая, Екатерина замкнулась в себе. Единственной отрадой и самым большим утешением ее жизни была дочь, которую она сознательно воспитывала в ненависти к отцу. На Говарда Екатерина не рассчитывала: тот был таким же подавленным существом, как и она.

Донован никогда не давал сыну карманных

денег; его жена и Хлоя их тоже не видели. Деньги — это свобода, они делают людей независимыми.

У Говарда не было даже своего ключа от дома. Ему приходилось звонить в дверь наравне с почтальоном или посыльным из офиса, а слуги записывали время каждого его прихода и ухода. Они не смели покрывать проступки своего несовершеннолетнего хозяина, поскольку за ними тоже велась слежка.

Когда Говарду исполнилось пятнадцать лет, он начал собирать почтовые марки. Деньги на них он добывал, потихоньку вынося из дома и продавая различные отцовские безделушки: табакерки, серебряные пепельницы, перочинные ножи.

Донован не разделял сыновьего интереса к этим разноцветным кусочкам бумаги, однако относился к нему толерантно до тех пор, пока мальчику удавалось убеждать отца в том, что свою коллекцию он пополняет за счет умелой торговли.

Через какое-то время увлечение Говарада вызвало у Донована ревность. Чтобы посрамить сына на филателистическом поприще, он купил несколько дорогих альбомов — разумеется, для

себя, как доказательство своего превосходства в этой области.

В результате сопоставления двух коллекций оказалось, что у Говарда были несколько филателистических раритетов, не попавших в распоряжение Уоррена Донована. Тогда отец попросту забрал их у сына, не спросив разрешения и даже не поставив в известность о своем поступке.

В семнадцать лет Говард набрался смелости и удрал из дома. На финансирование его путешествия пошли самые ценные марки из отцовской коллекции. Оставив записку с подробным изложением причин своего побега, Говард улетел в Европу и на несколько лет обосновался в Сорбонне. Учился он с упорством, получил степень по экономике, а затем вернулся в Штаты и принялся искать работу.

К его удивлению, с работой не заладилось. Его всюду принимали, но нигде не держали дольше одного месяца. Он не знал, что отец оказывал давление на работодателей, вынуждая их увольнять его.

Донован хотел, чтобы Говард вернулся домой, — и, как всегда, добился своего.

Говард вернулся сломленным и опустошенным.

Вопреки ожиданиям, отец встретил блудного сына с распростертыми руками. Объятие было символичным: сын снова был в его власти.

С тех пор Говард работал на отца — без выходных и без зарплаты. Как тогда говорили, без ставки. Лишь изредка ему перепадали кое-какие деньги — в форме подачек бедному родственнику. Уоррен Донован так и не простил сыну его дерзкого поступка. Он никогда не умел прощать.

Впрочем, кое-что Говард все-таки унаследовал у отца, а именно — упрямство и хитрость, столь необходимые для начинающего бизнесмена. Поэтому Говард не только не сдавался, но и рассчитывал на реванш. Он собирался обратить против Уоррена Донована единственное оружие, бывшее у него в распоряжении, — время! Если бы он проявил терпение и дождался отцовской старости, победа была бы на его стороне.

Екатерина умерла, когда Хлое исполнилось четырнадцать лет. К ее удивлению, отец тяжело переживал эту потерю. Она не понимала причины его страданий. Смерть отняла то, что было достоянием Донована. Не взяла на время, а унесла, чтобы никогда не возвращать. Ему казалось, что он стал жертвой величайшей несправедливости.

Хлоя еще больше возненавидела отца, осознав всю меру его эгоизма.

Она перепробовала множество способов мести. В частности — имевшие целью опозорить его имя.

В четырнадцать лет у нее были любовные связи со слугами, о которых неизменно становилось известно отцу (что также не обходилось без ее участия). Глубоко оскорбленный поведением дочери, Донован трижды определял ее в школы для девочек, практически не отличавшиеся от мексиканских детских тюрем, но ей всякий раз удавалось сбежать из этих исправительных учреждений.

В шестнадцать лет она вышла замуж за тренера по классической борьбе, в восемнадцать — за боксера, в девятнадцать за шофера своего отца.

Ее планы достигли предела изощренности, когда она решила стать похожей на свою мать. Строгая диета помогла ей похудеть на двадцать фунтов, пластическая операция изменила форму носа, а воспоминания и фотографии позволили в точности воспроизводить манеры и даже мелкие привычки Екатерины. Она изо всех сил старалась сразить отца своим сходством с его покойной супругой. Ее усилия не увенчались успехом.

Донован насквозь видел все козни и происки своих детей. Разгадав их общую цель, он задумался об ответных мерах. Медицинский диагноз, не оставивший ему надежд, на будущее, ускорил принятие окончательного решения.

Он собирался пустить их по миру. Какое они имели право ненавидеть его? Он не сделал им ничего плохого — так пусть получат по заслугам!

Предвидя подобный исход событий, Донован уже давно откладывал деньги. Секретный счет в банке он открыл на имя Роджера Хиндса, единственного человека, перед которым признавал себя провинившимся. Примерно год назад он продал почти всю свою недвижимость, а управление фирмой передал сыну. В документах ни словом не упоминалось о праве наследования — только о ведении коммерческих операций.

Следующим шагом он намеревался отдать долг Роджеру, уже больше сорока лет покоившемуся на кладбище в Сан-Хуане.

Он по всей стране разыскивал родственников Хиндса, но удалось найти только троих. Он хотел облагодетельствовать их. В его представлении деньги и счастье были синонимами.

Когда один из троих обнаруженных Хиндсов угодил в тюрьму и был обвинен в убийстве, До-

нован воспрянул духом. У него появился шанс отплатить равной монетой за жизнь, лежавшую на его совести.

Направляясь в Рено, чтобы навестить Джеральдину Хиндс, он попал в авиационную катастрофу, помешавшую осуществлению его планов.

Выслушав рассказ Хлои, я вдруг ужаснулся.

Судя по ее словам, Донован никогда не останавливался перед препятствиями, вставшими на его пути. Встречаясь с ними, он их безжалостно уничтожал и шел дальше. С моей помощью ему удалось преодолеть даже тот барьер, который воздвигла перед ним смерть! Теперь он был сильнее смерти!

Нужно было положить конец неестественному и жуткому существованию его мозга — уничтожить, зарыть на десять футов в землю!

— Я хочу, чтобы Кирилла Хиндса повесили, — сипло прошептала Хлоя. — Его нельзя выпускать на свободу! Иначе мой отец одержит победу над нами.

Я взял ее руки в свои и мысленно взмолился о том, чтобы хотя бы на эти несколько секунд у меня не отнимали свободу воли.

— С нами случается только то, что мы желаем себе, — сказал я. — Становясь мудрее, мы находим

силы подавлять наши инстинктивные желания. Послушайте моего совета, постарайтесь на время забыть об этом человеке — он недостоин вашей ненависти. Сейчас вы живете его чувствами и желаниями. Но не лучше ли прислушаться к голосу вашей собственной натуры?

Хлоя повернулась и удивленно посмотрела на меня. Она слишком долго страдала — это заставляло ее находить удовольствие в своих страданиях. Теперь она с трудом вспоминала те времена, когда ей хотелось жить ради счастья.

Изо всех сил стараясь удержать на себе ее взгляд, я наклонился к изголовью и добавил:

— Обещайте мне уехать отсюда. В Рио, в Буэнос-Айрес куда-нибудь, где люди будут говорить не о вашем отце, а о вас. Вы — важнее всего, важнее всех на свете. Слышите? Важнее всех!

Казалось, мои слова произвели на нее то действие, на которое я рассчитывал. Выражение ее бледного лица немного смягчилось. Губы слегка разжались.

— Пусть пережитая вами боль научит вас понимать людей, — сказал я. — Тогда вы не будете ненавидеть жизнь. Вы полюбите ее. А это и есть самое большое счастье на земле.

Хлоя закрыла глаза и улыбнулась. Ее тело рас-

слабилось.

Я держал ее руки до тех пор, пока она не заснула.

Затем вернулся в отель.

— Сэр, вас тут дожидается один джентльмен, — сказал портье.

С этими словами он показал на Йокума, стоявшего в углу холла.

Йокум ухмыльнулся и подошел ко мне. На нем были белый пиджак с накладными плечами, широкие черные брюки, такие же черные лаковые туфли и дорогая серая шляпа с необъятными полями.

— Привет, док! — протягивая руку, радостно воскликнул он.

— Что вам угодно? — сухо спросил я.

На его лице вновь появилась ухмылка — более широкая, чем прежде.

— Всего лишь хочу показать вам, как я устроился. Вот и все!

Его голос окреп — видимо, сказалось хорошее питание, однако темные круги под глазами обозначились еще резче, издали напоминая оправу роговых очков. Судя по ним, его дни были сочтены. Я бы не дал ему больше трех месяцев.

— Вам следовало бы лежать в клинике, а не

расхаживать по городу, — сказал я.

Йокум пожал плечами.

— Ну, может, я и лягу в нее — потом! Но сначала я желаю насладиться жизнью. Знаете, это как доброе вино после долгого воздержания. Хочется напиться впрок.

Он прищурился и оценивающе оглядел меня — так, словно я был подержанным автомобилем, выставленным на продажу.

— У вас преуспевающий вид, — с удовлетворением отметил он.

Цель его визита была очевидна.

Мы отошли к дивану, стоявшему в углу холла. Внезапно меня осенило: этот человек может принести мне кое-какую пользу!

Усаживаясь, Йокум поддернул брюки — боялся испортить складки. Затем извлек из кармана пожелтевшую от дыма фотографию. На ней был изображен Донован. Виднелись кафельные стены морга.

— Нашел на пепелище моего дома, — пряча фотографию в пиджак, небрежно бросил Йокум.

— Ну и что? — спросил я. — Вы хотите, чтобы я купил ее?

— Не будьте так безжалостны, док, — улыбнулся Йокум. — Вы еще не заплатили за причиненный

мне ущерб!

Я молча поднялся на ноги — всю его наигранную спесь как рукой сняло. Лицо мгновенно побледнело, руки задрожали.

— Послушайте, док, — угрожающе прошипел он. — Я ведь могу продать эту фотографию Говарду Доновану!

— Вот как? В таком случае, желаю удачной сделки, — сказал я.

В моем голосе было столько безразличия, что Йокум испугался.

— Не понимаю! — воскликнул он. — Всего неделю назад вы были готовы выложить за нее пять тысяч…

Я снова сел.

— Йокум, вы меня утомляете, — сказал я. — Вам хочется и тут поживиться, и там своего не упустить. Ну, ступайте к Доновану! Только не забывайте о такой возможности — он поедет на станцию Вашингтон и найдет самый обыкновенный мозг, хранящийся в лабораторном сосуде. Что тогда? Хотите знать? Вас посадят в тюрьму за вымогательство!

— Ну, нет! — нетвердо произнес Йокум. — Те деньги вы мне дали добровольно.

— Скажите это судье, а я посмотрю, поверит ли

он вам. И, кстати… — Я пристально взглянул на него. — Если вас посадят за решетку, мои деньги вернутся ко мне.

— Деньги? — жалобно пролепетал он. — Какие деньги? Вы ничего не докажете!

— У меня сохранились ваши негативы, — сказал я.

— Вы сожгли мой дом! — Осознав уязвимость своей обороны, Йокум пошел в наступление.

— А где улики? — спросил я. — Кому поверит суд — вам или мне? Вы ведь уже побывали в тюрьме, не так ли?

Я бил наугад, но не промахнулся.

— Откуда вы знаете? — опешил он. — Это было давно, и меня оправдали. Фотографировал без разрешения!.. Тоже мне, преступление.

— Вам придется объяснить судьям, на какие деньги вы купили новый костюм и новую машину. А негативы и мозг будут работать против вас, — веско произнес я.

Его дрожащая рука полезла в карман и снова извлекла на свет пожелтевшую фотографию.

— Ладно, ваша взяла, — порвав ее на мелкие клочки, вяло проговорил он. — Забудем об этом, док.

— Нет, я не забуду. Вы еще услышите обо мне!

Я встал и пошел к лифту.

Когда я оглянулся, Йокума в холле не было.

15 мая

За прошедшие пять месяцев к моим наблюдениям не прибавилось ни одной строчки. С той минуты, когда Йокум выбежал из «Рузвельт-отеля», я уже не принадлежал себе. Моя воля была сломлена, как соломинка под ногой великана.

Мне довелось испытать нечто более ужасное, чем участь парализованного человека, продолжающего видеть и слышать, но не подающего никаких признаков жизни.

В детстве я читал о множестве безвестных средневековых узников: объявленные казненными, они еще долго влачили жалкое существование в подземельях, не имевших сообщения с остальным миром. Моя пытка была страшнее. Я не только не мог никому сказать о своих муках, но и не знал, что в следующий момент сделает мое тело.

Я кричал о помощи — а с моего языка слетали слова, которых я не желал произносить, и руки делали то, что я не хотел делать. Мой разум был пойман в ловушку.

Мы с Донованом как бы поменялись ролями. Кремированный и погребенный на кладбище, он

получил возможность ходить по земле, разговаривать и осуществлять свои планы. Я же лишился всего, что имел и чем дышал в этой жизни.

У меня появились страхи, о существовании которых я прежде не знал. Днем меня пугал солнечный свет, ночью — сиянье луны и звезд. Я медленно сходил с ума и знал, что никогда не выберусь из камеры, в которую меня насильно заточили.

Я молил Бога о смерти. Она была моей единственной надеждой, но сам я не мог ничего — ни вскрыть вены, ни выброситься с десятого этажа «Рузвельт-отеля».

Между тем разум Донована обитал в сферах бытия, лежащего по ту сторону материального мира. Ему не удалось покинуть наше четырехмерное пространство, но время для него текло по-другому. Казалось, будущее он видел так же просто, как мы вспоминаем прошлое. Он заранее знал, какие вскоре произойдут события, и отвечал на них действиями, смысла которых я не мог постигнуть. Я не знал того, что было известно ему.

Тело человека — всего лишь преходящая, временная форма его существования.

Мое тело принадлежало не мне. Меня не су-

ществовало, я был всего лишь безучастным зрителем того, что делало существо, воплотившееся в моем облике. Чудовищный плод моих экспериментов, оно вернулось сюда из потустороннего мира и безжалостно вышвырнуло меня из жизни.

Жалкий, безмолвный наблюдатель, я вынужден называть это существо именем, с которым была связана часть его бытия: Уоррен Горас Донован.

Итак, спустя несколько минут после бегства Йокума, Уоррен Горас Донован вышел из отеля и направился в автосалон на Айвар-стрит, где взял напрокат автомобиль, седан с восьмицилиндровым двигателем.

Клерк попросил водительское удостоверение, но Донован сказал, что забыл его дома. Вместо этого документа он выложил из кармана несколько лишних денежных купюр.

В журнале он написал: «Герб Йокум, Шоссе Кирквуд». Если бы клерк вздумал навести соответствующие справки, его любопытство было бы в какой-то степени удовлетворено.

Припарковав машину у заднего угла отеля, Донован взял такси и поехал в офис Фаллера.

В пути у него разболелись почки, и он по-

смотрел в зеркало, установленное над лобовым стеклом такси. Лицо было бледное, с желтоватым оттенком. Как человек, испытывающий фантомные боли после ампутации ноги, Донован не мог избавиться от ощущений, свойственных его прежнему телу.

Расплатившись с таксистом, он поднялся в приемную Фаллера.

Через несколько минут из кабинета вышел Фаллер. Чтобы скрыть неприязнь к Доновану, он сразу напустил на себя деловитый вид.

Они прошли в библиотеку и сели за длинный полированный стол.

Фаллер начал разговор с упрека:

— Мне бы хотелось услышать какое-нибудь объяснение вашей вчерашней выходки. Если это была шутка, то я ее не совсем понял. Мне казалось...

— Ваше мнение, Фаллер, вы можете оставить при себе, — перебил его Донован. — Я нанял вас для того, чтобы вы вытащили из тюрьмы Хиндса, а не критиковали мои поступки.

Фаллер покраснел, но продолжил все тем же озабоченным тоном:

— Ну, я не думаю, что вообще возьмусь за это дело. Оно абсолютно безнадежно. Хиндс — хлад-

нокровный убийца. Советую вам обратиться к какому-нибудь другому адвокату.

Донован усмехнулся. Затем встал и отодвинул небольшую декоративную панель, прикрывавшую потайное углубление в стене. Там было несколько выключателей. Повернув их, Донован снова сел за стол.

Фаллер наблюдал за его действиями молча, с перекошенным лицом. Он не мог поверить своим глазам — но понимал, что за поведением Донована крылось нечто сверхъестественное.

— Вы всегда так предусмотрительны? — с явной угрозой в голосе спросил Донован.

В глазах Фаллера мелькнул ужас.

— Откуда вы?.. — начал он.

— Неважно, — отрезал Донован. — Я не хочу, чтобы наш разговор записывался на пленку. Вам тоже от меня не скрыться! Если хотите, я вам напомню о деле Ралстона и Трумена. Как видите, мы можем говорить начистоту и не играть в прятки.

Он повторил выражение, которое Фаллер употребил накануне.

Фаллер побледнел. Судя по его лицу, он был готов упасть в обморок.

Не глядя на него, Донован добавил:

— Пальс не работает, а занимается вымогатель-

ством. Проследите за ним. И скажите ему, что я желаю с ним поговорить. Сегодня же!

Фаллер даже не пробовал сопротивляться. Он пододвинул к себе телефон, снял трубку и сказал несколько слов секретарю. Разговаривая с ней, он выгадывал время. Когда он нажал на рычаг, его лицо было почти спокойно.

— Окружной прокурор делает ставку на одного свидетеля, который не фигурировал в материалах следствия, — пытливо взглянув на Донована, сказал он. — Если ему удастся представить этого свидетеля суду, мы проиграли.

— Ну так помешайте ему, не дайте вывести этого свидетеля, — со сдержанной злостью произнес Донован.

На лбу Фаллера выступили капли пота.

— Вы хотите, чтобы я помешал правосудию? — тихо спросил он. — Это невозможно. Невозможно!

— Это в ваших силах, Фаллер, — твердо сказал Донован. Хиндс должен быть выпущен на свободу.

Фаллера охватило отчаяние, но он все еще не сдавался.

— Откуда у вас такой интерес к этому человеку? Он вам не родственник. Прежде вы даже не

видели его!

— Это не ваше дело, — высокомерно произнес Донован. — Ваше дело — освободить его.

— Но этого свидетеля нельзя подкупить! — воскликнул Фаллер.

— Я заплачу столько, сколько он пожелает, — ответил Донован.

— Это всего лишь тринадцатилетняя девочка. Я не могу предложить ей денег! Она просто не поймет меня!

В голосе Фаллера прозвучало даже не отчаяние, а тоска.

Некоторое время они сидели молча. Наконец Фаллер снова заговорил:

— Это маленькая девочка из Сан-Франциско. Она убежала из дома, чтобы стать кинозвездой. Добиралась на попутных, спала где придется. Когда Хиндс совершил наезд, она пряталась у входа в соседнее здание и видела, как все произошло. Все случилось на ее глазах — пожилая женщина, лежавшая на тротуаре, узнала шофера и крикнула: «Кирилл!». Она просила позвать врачей. Но Хиндс дал задний ход и задними колесами раздавил в лепешку ее лицо и ноги.

Последние слова Фаллер произнес с таким видом, будто в случившемся обвинял Донована.

— И она не пошла в полицию? — спросил Донован.

— Она боялась, что ее отправят домой, — насупился Фаллер. — Ее поместили в детский приют на Лома-стрит.

— Тогда уговорите родителей забрать ее отсюда. Позвонить-то вы можете им?

— Они здесь, — сказал Фаллер.

— Прекрасно! Заплатите им столько, сколько потребуется, чтобы вывезти ее за границу штата. А окружному прокурору скажите, что несовершеннолетние беглянки не могут быть надежными свидетелями обвинения. Они слишком истеричны, у них воспаленное воображение.

— Но она слышала, как женщина назвала шофера Кириллом! — воскликнул Фаллер.

Донован встал.

— Так она прочитала об этом в газетах! — с досадой произнес он. — Мне ли вас учить тому, что нужно говорить в подобных случаях? Кто здесь адвокат — вы или я? Кажется, мне придется взять дело в свои руки.

Он заковылял к двери. Фаллер бросился следом.

— Послушайтесь моего совета, Фаллер, верните девчонку в родительский дом. Посодействуйте

воссоединению ее семьи, ваши услуги будут щедро оплачены. И учтите, что в противном случае я буду считать вас не только слизняком, но и полным кретином.

Донован вышел в приемную.

Фаллер не осмелился возразить ему.

Немой свидетель этой сцены, я хотел закричать во весь голос. Фаллер мог услышать мой крик… Но у меня не было ни языка, ни гортани, ни даже легких. Я был не более чем мозг в лабораторном сосуде…

В приемной стоял Пальс. Увидев Донована, он с озабоченным видом произнес:

— Здравствуйте, доктор Кори. Я был в отеле, но не застал вас. Кажется, вы желали поговорить со мной?

Затем Пальс бросил пытливый взгляд на адвоката и вполголоса добавил:

— Я только что встречался с семьей девочки…

— Хорошо, ступайте за мной, — грубо перебил его Донован. — Побеседуем на улице.

Опешив от такой бесцеремонности, Пальс некоторое время стоял неподвижно, но потом опомнился и бросился вслед за Донованом. Тот уже вызвал лифт.

— Вы на машине? — спросил Донован.

Пальс кивнул. Он сам не понимал, почему так беспрекословно подчинился этому человеку.

— Отвезите меня к отцу этой девчонки, — приказал Донован, когда они сели в машину.

Устроив за рулем свое слоноподобное тело, Пальс нахмурился.

— Ситуация чрезвычайно деликатна, — объяснил он. — Ее отец священник.

— Я слышал, в церкви тоже берут деньги, — невозмутимо заметил Донован. — В свое время там даже продавали прощение грехов.

Пальс оторопел. Затем грузно повернулся к пассажиру.

— Я бы попросил вас не впутывать в это дело религию, — неожиданно твердым голосом произнес он. — Люди должны стремиться к добру, стараться быть похожими на Христа.

— Вы его только послушайте! Сразу видно, недавно побывал у священника, — засмеялся Донован. — А ну-ка, отвезите меня к нему — увидим, возьмет ли он деньги. Впрочем, заранее могу сказать — возьмет. Все священники берут на лапу, просто у них такса больше, чем у других людей, вот и все. Неужели вы так религиозны, Пальс?

Пальс не ответил. Его очки съехали с переносицы, и он с сердитым видом поправил их.

— Или хотите заключить пари? — саркастически добавил Донован. — Ставлю парочку кубинских сигар.

Последние слова, вероятно, напомнили Пальсу о деньгах, причитавшихся лично ему. Он сказал — прежним, миролюбивым тоном:

— В общем-то дела идут неплохо, доктор Кори. Нам удалось заполучить пять судей. Пять голосов будут на нашей стороне!

— Не так много, если учесть девчонку, — пробормотал Донован. — От нее нужно избавиться — любой ценой.

Он уставился в ветровое стекло. Казалось, его мысли были устремлены в будущее.

— Вперед, живо! — вдруг закричал Донован. — Быстрей, быстрей!

Пальс, опешивший от его крика, сам не заметил, как нажал педаль газа. Машина помчалась по бульвару Беверли.

— Отец девочки остановился в гостинице Уэтерби, на мысе Ван, — сказал Пальс.

Донован не слушал его. Он продолжал напряженно всматриваться в ветровое стекло.

Заточенный в своей ментальной тюрьме, я чувствовал какой-то необъяснимый страх, и этот страх нарастал по мере приближения к мысу

Ван. Я знал, что схожу с ума; мои мысли потеряли ясность, затуманились.

Надежда на избавление, желание вновь обрести власть над своим телом — все это слилось в беззвучный крик отчаяния.

Только бы Шратт убил этот мозг! Если бы ему удалось перевернуть стеклянный сосуд или отключить электричество!

Шратт должен был догадываться о том, что творится со мной. Энцефалограмма не могла не зарегистрировать электромагнитные колебания новой формы — а он, опытный медик, не мог не расшифровать их.

Но, с другой стороны, он тоже мог находиться под влиянием мозга!

— Вот здесь, — сказал Пальс, показав на большое белое здание у дороги.

— Остановите машину, — приказал Донован. — И пересаживайтесь на пассажирское сиденье.

Пальс, помедлив, уступил ему, и они поменялись местами. Донован устроился за рулем, а Пальс обошел машину и сел справа.

— Чего мы ждем, доктор Кори? — внезапно насторожившись, спросил Пальс.

Он не мог понять странного поведения Донована, сначала торопившего его, а теперь тянувшего

время. Донован не ответил — продолжал всматриваться в ветровое стекло. На его лице появилось испуганное выражение — оно-то и встревожило Пальса.

— Почему бы нам самим не сходить к отцу девочки? Я представлю вас, и, может быть, он согласится поговорить с вами.

Снова молчание. Пальс беспокойно поерзал на своем сиденье.

На улице не было ни одного человека.

Внезапно из-за угла гостиницы вышли двое: пожилая женщина в черном пальто и худенькая девочка лет тринадцати.

Донован вдруг переключил передачу и до отказа нажал педаль газа. Взревел двигатель, машина выскочила на тротуар и помчала прямо на женщин.

Пальс на мгновение оцепенел. Затем, испустив вопль отчаяния, вцепился обеими руками в руль и направил машину на проезжую часть. От такого маневра его новенький купе едва не перевернулся. Сделав головокружительный пируэт, автомобиль понесся в сторону Мелроуз-авеню.

— Остановите машину! — хрипло закричал Пальс.

Донован подрулил к обочине и выключил дви-

гатель.

— Вы чуть не сбили их! — выпалил Пальс.

Его оторопь начала уступать место ярости.

— Вы пытались совершить убийство! Вы хотели убить девочку!

Донован вылез из машины.

— Нам нужно избавиться от нее, — устало произнес он и, словно в трансе, медленно побрел прочь.

— Но не на моей машине! — истерически закричал Пальс. — Не на моей машине!

Он не сводил глаз с удаляющегося Донована. По его лицу текли слезы.

Донован, прихрамывая, прошел до следующего перекрестка, где через несколько минут поймал такси. Плюхнувшись на заднее сиденье, он сказал:

— «Рузвельт-отель», чаевые за скорость.

На лбу Донована блестели крупные капли пота. Он обеими руками держался за бок — у него нестерпимо болели почки.

Внезапно он постучал в стеклянную перегородку, отделявшую его от водителя.

Таксист остановил машину.

Донован зашел в бар и купил бутылку джина, которую после нескольких безрезультатных

попыток все-таки умудрился засунуть во внутренний карман пиджака.

Затем он снова сел в такси и вернулся в отель.

Я увидел Дженис в тот момент, когда Донован вошел в холл. Он тоже ее увидел — но прошел мимо, даже не поздоровавшись.

Дженис резко повернулась. Сначала она хотела догнать Донована — уже сделала два-три шага, — но остановилась и с недоумением уставилась на его правую прихрамывавшую ногу. Донован постоял у лифта. Дверца открылась, он вошел в кабину. У него была походка старого больного человека.

Поднявшись в номер, Донован сел на постель и стал ждать.

Он знал, что она придет.

Я молил Бога, чтобы она пришла.

Напряжение, не отпускавшее меня все последние дни, становилось невыносимым. Мне хотелось кричать, плакать, биться в истерике. Я крепился из последних сил. Нужно было сосредоточиться, чтобы сообщить ей о случившемся со мной.

В дверь постучали.

— Войдите, — сказал Донован.

Дженис вошла в комнату и внимательно по-

смотрела на него.

Я надеялся на ее интуицию. Она не могла не почувствовать, что перед ней сидит не Патрик Кори, а Уоррен Горас Донован!

— Патрик, — мягко, но как-то не совсем уверенно произнесла она.

Ее зрачки были расширены — как у человека, всматривающегося в темноту, — но я не мог понять, что происходило за ними, у нее в голове.

Она стояла неподвижно. Мне показалось, что ей было страшно, но я верил в ее мужество. Дженис никогда не отступала. И главное — она не боялась страха.

Ее решимость придавала ей какой-то высокомерный вид. На Донована она смотрела пристально, как будто впивалась в него глазами.

— Чего тебе? — грубо спросил Донован.

В этот миг я понял, скорее даже почувствовал: мозг испуган. Он избегал этой встречи — не хотел вступать в поединок с равным противником!

Она могла лишь смутно догадываться о причинах тех странных перемен, которые произошли с моим телом, — но знала, какое влияние оказывал на меня мозг Донована. Сопоставив эти два факта, она бы все поняла. Она всегда была проницательной женщиной.

Я взывал к ней. Я пытался докричаться до нее — сказать, что в письменном столе лежит журнал наблюдений за Донованом. Жена медика, она должна была вспомнить о нем. Вспомнить, а потом прочитать и сообразить, как уничтожить чудовище, выползшее на свет из стеклянного сосуда в моей лаборатории.

Я кричал изо всех сил, но знал, что она меня не слышит. Я уповал на ее интуицию.

— Чего ты хочешь? — повторил Донован.

Она вдруг улыбнулась.

— Побыть немного с тобой. Я приехала, чтобы помочь тебе.

— Лучше скажи — чтобы шпионить за мной, — огрызнулся Донован. — Ты мне не нужна. Поезжай домой, к матери — или куда угодно, только оставь меня в покое.

Эти слова он произнес без всякого выражения — как люди, страдающие от какой-то мучительной болезни. Прислушавшись к его голосу, она подошла ближе.

— Тебе больно, — сказал она.

Донован вскочил с постели и с угрожающим видом двинулся ей навстречу.

— А ну, пошла отсюда! — заорал он. — Вон! Ты меня слышишь?

Она продолжала смотреть ему прямо в глаза — будто хотела увидеть то, что было скрыто за ними.

Донован не выдержал ее взгляда и отступил.

— Убирайся вон! — хрипло повторил он.

Дженис повернулась и вышла из комнаты.

Внезапно я успокоился.

Теперь у меня не было никаких сомнений. Я знал: Дженис все поняла. Мы слишком долго жили вдвоем — без друзей, без знакомых — и она хорошо изучила мой характер. Бывали случаи, когда она угадывала мои мысли раньше, чем я сам осознавал их.

Сейчас я мог положиться на нее. Пусть мы жили не лучшим образом — иногда между людьми существует связь, незримо поддерживающая каждого из них. Эти люди могут не любить или даже ненавидеть друг друга, но их души все равно связаны одной нитью. Эта нить не зависит ни от пространства, разлучающего их, ни от времени, влекущего их к смерти. Она и после смерти продолжает соединять их — хотя и не здесь, не на земле.

Иногда люди даже не подозревают о том, как крепко они связаны друг с другом. Лишь в минуту величайшей опасности у них открываются глаза

— они прозревают, а вместе с тем и обретают силы, о которых прежде не имели ни малейшего представления.

Донован снова сел на постель, извлек из кармана бутылку джина и со вздохом откупорил ее. Затем принялся пить — прямо из горла, почти не переводя дыхания. Он хотел забыться, заглушить спиртным свою фантомную боль в почках.

Не отрывая горлышка бутылки ото рта, он встал и запер дверь.

Если бы он напился, я получил бы свободу! Тогда я смог бы позвать Дженис — или кого-нибудь, кто помог бы мне!

Но тут я вдруг почувствовал, что пьянею я, а не Донован! Он жил в моем теле, но нервные окончания и рецепторы моего желудка влияли на мой мозг, а не на его! И в результате спиртное действовало не на Донована, а на меня!

Меня затошнило, комната поплыла куда-то в сторону.

Донован продолжал опорожнять бутылку.

В прошлые годы я не выпивал больше одной-двух рюмок легкого вина — алкоголь мешает сосредоточиться, а мне нужно было работать. Поэтому сейчас я чувствовал, что с непривычки теряю сознание. Вернулись страхи. Я снова усо-

мнился в том, что Дженис правильно оценила ситуацию.

Донован допил джин, поставил бутылку на пол и стал ждать эффекта, который должен был последовать за принятием столь обильной дозы спиртного. Я смутно чувствовал его нарастающее удивление — он не понимал, почему все еще оставался трезвым.

Затем мое сознание отключилось.

Не знаю, сколько длилось это забвение, но пробудило меня какое-то внезапное предчувствие приближающейся смерти.

Я приподнялся на локте — мое тело вновь подчинялось мне!

Впервые за прошедшие дни я мог шевелить руками и ногами. В этот миг я ощутил себя человеком, уже приговоренным к смертной казни и вдруг обнаружившим, что двери его камеры открыты, а охранники исчезли.

Я спустил ноги с постели. Встать не было сил — хмель еще не прошел, комната по-прежнему плыла у меня перед глазами.

Я осторожно слез на пол и пополз к двери. Нужно было позвать Дженис, пока не вернулся Донован.

Но мои мускулы плохо слушались меня. Алко-

голь ослабил их настолько, что я несколько раз останавливался, пока наконец не распластался на мягком ковре. Судя по запаху, он недавно побывал в дезинфекционной обработке.

Лежа на этом ковре, я помнил только то, что должен ползти. Я уже забыл — зачем. Чувство смертельной опасности осталось, но тело как будто прилипло к ковру.

Я снова был пойман в ловушку. Донован вернулся.

Позже, когда мое тело лежало в постели, на столике зазвонил телефон. За окном было темно.

Донован включил ночник и снял трубку.

Звонил Шратт.

— Патрик? — испуганным голосом спросил он.

Донован не ответил, и Шратт повторил свой вопрос.

— Да, — произнес Донован таким тоном, словно заранее знал, что скажет Шратт.

— Полчаса назад какой-то мужчина ворвался в лабораторию! — закричал Шратт. — Он пытался что-то сделать с мозгом. Я лежал в постели и услышал его крики о помощи!

Шратт замолчал — видимо, переводил дух.

— Да, — повторил Донован.

Он не спрашивал, а просто подтверждал услы-

шанное.

— Он мертв, — хрипло произнес Шратт. — Свалился замертво, едва прикоснувшись к сосуду с мозгом. Когда я вошел, он уже не шевелился.

— Да, — снова, все так же безразлично повторил Донован.

Шратт закричал — громче, чем прежде:

— Это мозг убил его! У него остановилось сердце — будто закупорились коронарные артерии. Как это могло случиться? Неужели он получил какой-то телепатический сигнал? Но ведь это невозможно! Невозможно!

На какой-то миг слова Шратта перестали доходить до меня. Объятый ужасом, я думал только об одном: если мозг способен убивать на расстоянии, никто не сможет устоять перед ним!

Донован продолжал молча сжимать трубку.

— Вы меня слышите?

Я снова различил голос Шратта.

— Да.

— Кто он такой, этот мужчина? Как ему удалось проведать о мозге? Почему он ворвался в дом? Я выяснил его имя. У него при себе было водительское удостоверение… Знаете, как его зовут?..

— Звали! Его звали Йокум, — нетерпеливо перебил Донован. — Забудьте о нем. Он был всего

лишь дешевым газетчиком. Его смерть меня не огорчает — он вечно совал нос, куда не надо.

— Что вы сказали? — не веря своим ушам, спросил Шратт.

— Отправьте его в морг. Рано или поздно он бы все равно там оказался.

Когда Донован нажал на рычаг телефона, из трубки все еще доносились крики Шратта.

Донован выключил ночник и лег на постель.

В окне уже брезжил рассвет.

Я понял, почему мозг на несколько минут оставил меня без присмотра. Это время ему было необходимо, чтобы расправиться с Йокумом. Он оборонялся, и для обороны ему требовалось собрать всю свою чудовищную волю.

Йокум хотел уничтожить предмет, уличавший его в вымогательстве. К этому поступку я и подталкивал его, когда угрожал ему арестом.

Тогда я еще не знал, что мозг способен убивать, не прибегая к посторонней помощи! Я не желал Йокуму смерти!

Снова зазвонил телефон. И снова на проводе был Шратт.

— Ну, что еще? — с досадой спросил Донован.

Шратт, видимо, потерял остатки самообладания.

— Энцефалограмма фиксирует какие-то странные процессы, — сказал он. — Я только хотел поставить вас в известность. Линии движутся скачкообразно: всплески чередуются с прямыми отрезками.

— Шратт, вы мне надоели. Я хочу спать, — перед тем, как бросить трубку, процедил Донован.

Мне вдруг стало так страшно, что я на несколько минут полностью отключился. «Возможности мозга беспредельны!» — когда-то предупреждал меня Шратт. Неужели он был прав?

А вдруг Дженис задумает какую-нибудь глупость? Как Йокум. Шратт должен предостеречь ее. Наверняка он поддерживает связь с ней.

Но если он не даст ей знать о случившемся — тогда что? Тогда мозг избавится от нее так же, как уничтожает все, стоящее у него на пути.

Дженис нужно было предупредить. Но как?

Возможно, мозг умеет читать мои мысли — они ведь рождаются в том же сером веществе, функции которого он научился контролировать. Может быть, вот в эту минуту он наблюдает за мной и забавляется моим бессилием. Вероятно, ему нравится мучить меня.

У меня вдруг мелькнула кошмарная мысль: а если он захочет заниматься любовью с Дженис?

Она привлекательна. И в ее глазах Донован это вовсе не Донован, а я!

Если это произойдет, то я буду свидетелем. Она изменит мне с моим собственным телом!

Какой ужас! Неужели я еще не сошел с ума?

Мне нужно было успокоиться, думать только о Дженис. Нет, она не потеряет голову — как не теряла ее никогда. Она всегда верила в меня, и я не имею права подвести ее. Она не простит мне, если я сойду с ума от страха.

От меня требовалось только одно: терпение. Мое время еще не настало. Я должен был ждать и помнить о Дженис.

Утром Донован удивил меня. Встав с постели, он несколько раз пробормотал эту загадочную фразу: «Во мгле без проблеска зари...» Будто она и его донимала во сне.

Когда он посмотрел в зеркало, я поразился еще больше. После смерти Йокума он даже внешне изменился. Лицо огрубело, губы превратились в узкую полоску, в глазах появился холодный блеск. Онтогенез, личный опыт с невероятной скоростью переделывал его черты.

Я наблюдал за ним со страхом и отчаянием. Я чувствовал себя оказавшимся в центре яростного ментального тайфуна, но настоящая буря была

впереди.

Как приговоренный к смерти человек в последние часы думает не о своем неотвратимом конце, а напротив, преисполнен надежд на будущую счастливую жизнь, так и я всматривался в отражение своего лица: в его бледную кожу, глубокие морщины вокруг рта и поседевшие за ночь волосы.

Это был я и в то же время — не я. Передо мной стоял уже не тот тридцатилетний мужчина, которого я привык видеть в зеркале на стене моей лаборатории. На меня глядел измученный тяжелой болезнью старик.

Донован, умывшись, буркнул что-то на чешском языке, которого я не знал. Затем оделся, вышел на улицу и сел в машину, стоявшую у заднего угла отеля.

Он вырулил на бульвар Беверли и помчался в сторону мыса Ван. Не доехав нескольких сотен футов до гостиницы Уэтерби, он остановил машину, сложил руки на груди и уставился в ветровое стекло.

Донован ждал, когда появится девочка. Он хотел еще раз попытаться убить ее.

До авиакатастрофы Донован никогда не действовал подобным образом. На что же он рас-

считывал сейчас? Понятно, на что. Если бы он совершил убийство, то на электрический стул сел бы я. А он нашел бы себе какое-нибудь другое тело. Вполз бы в него, как паразитирующая личинка в беззащитное насекомое.

Своей следующей жертвой он мог выбрать кого угодно — Шратта, Стернли, любого мужчину или женщину. При желании ребенка или даже собаку. Возможности его полиморфизма были беспредельны.

Не знаю, рождались ли такие планы в его больном воображении. Он вел себя так, словно у него работал один только таламус, без сдерживающего влияния корковых образований.

Как известно, человек уже не может контролировать себя, если его главный подкорковый центр хирургическим путем отделен от остальной части головного мозга. Поступки такого человека непредсказуемы и опасны для окружающих. Вот так же и мозг Донована представлял угрозу для всех, кто попадал в сферу его внимания.

Донован и раньше не провозглашал строгих нравственных принципов, но до авиакатастрофы ему все-таки приходилось признавать силу закона, считаться с устоями общества. После авиакатастрофы его мозг полностью утратил

способность различать добро и зло.

У него осталась только одна мысль — та, с которой умер Донован. Он хотел отплатить за смерть Роджера Хиндса и слепо шел к этой цели. Ради нее он был готов пролить другую невинную кровь.

Из-за угла дома выехала патрульная машина, за ней черный лимузин. Оба автомобиля остановились у входа в гостиницу, откуда вскоре вышли пожилая женщина и девочка. Их сопровождал рослый мужчина. Очевидно, после вчерашнего происшествия мать свидетельницы обратилась за защитой в полицию.

Все трое сели в лимузин, и тот поехал в сторону центра города, Патрульная машина развернулась и остановилась возле автомобиля Донована.

Донован полез в карман, извлек кубинскую сигару и закурил.

— Вы здесь живете? — с подозрением разглядывая его, спросил офицер, сидевший на пассажирском сиденье.

Донован покачал головой.

— Нет.

— Тогда что вы здесь делаете?

— Курю сигару, — дружелюбно ответил Донован.

Полицейский вышел из машины. Его напарник

остался сидеть за рулем.

— Это не вас я видел здесь вчера днем? — осматривая автомобиль Донована, спросил офицер.

Донован улыбнулся.

— Нет, не меня.

— Вчера был кабриолет, а не седан, — сказал водитель.

— Пожалуйста, ваше водительское удостоверение, — нагнувшись к окну, медленно произнес офицер.

Донован достал бумажник и открыл его.

— «Доктор Патрик Кори, узловая станция Вашингтон, Аризона», — прочитал офицер.

Вздохнув, он повторил свой вопрос:

— Доктор, что вы здесь делаете?

— Еду к своему адвокату. Но еще рано, и я решил перекурить. А что?

— Нет, ничего. Только вам лучше не стоять на этом месте, а продолжить ваш путь, — произнес офицер.

Пробормотав что-то по-чешски, Донован включил зажигание и нажал педаль газа. В зеркальце мелькнул офицер, записывавший номер машины.

На бульваре Сансет он остановился возле магазина скобяных изделий, где купил тонкую

крепкую веревку, кухонный нож и резиновый шланг.

Меня снова охватил страх. Что он собирался делать с с ножом и веревкой? Для чего ему понадобился резиновый шланг?

Он припарковал машину рядом с отелем.

В холле его поджидал Стернли. Увидев Донована, он просиял.

— Доктор Кори?

Стернли вгляделся в его изменившееся лицо.

— Вы не заболели, нет? — озабоченным тоном спросил он.

Донован ухмыльнулся.

— Разумеется, нет. А почему вы так подумали? И почему позволяете себе такие вопросы? У вас язык чешется?

Стернли с недоумением уставился на него. Он даже поправил очки и немного подался вперед, к Доновану — хотел убедиться в том, что не обознался.

Донован нетерпеливо произнес:

— Вы навестили Джеральдину Хиндс? А этого водопроводчика из Сиэтла?

Стернли облегченно вздохнул. Он понял: перед ним стоит доктор Патрик Кори.

— Я написал отчет. Там все изложено.

Донован протянул руку.

— Дайте его мне.

Стернли удивился — к чему такая спешка? — но открыл портфель и достал несколько листов бумаги с текстом, отпечатанным на машинке.

— Джеральдина Хиндс владеет одной из самых крупных бензоколонок в Рено, дела у нее идут неплохо. А вот водопроводчик нуждается в деньгах. Долларов пятьсот помогли бы ему встать на ноги…

— Мне нужны только факты, — грубо перебил Донован.

Он выхватил у Стернли бумаги и направился к лифту.

— Составьте отчет о накладных расходах, — бросил он через плечо. — Я хочу знать, на что вы тратите мои деньги.

Стернли посмотрел ему вслед. На его лице появилось испуганное выражение. Он узнал прихрамывающую походку своего хозяина.

Поднявшись в номер, Донован подошел к письменному столу, выдвинул средний ящик, положил в него отчет и уже собирался вернуть ящик в исходное положение, как вдруг замер, пораженный увиденным.

Моего дневника на месте не было.

Он медленно опустился на стул и несколько минут просидел без движения.

Никаких сомнений — Дженис оправдала мои надежды и забрала дневник.

Надо полагать, теперь она поймет, что со мной произошло. И постарается убраться подальше отсюда.

Внезапно Донован вздрогнул — как будто услышал чей-то голос. Выругавшись по-чешски, он подошел к телефону.

Раздался звонок. Затем еще. Немного подождав, Донован снял трубку.

Звонил Фаллер.

— Нет, доктор Кори, ее здесь не было.

— Хорошо, — безразличным тоном произнес Донован.

— Все идет по плану, — стараясь скрыть ложь, быстро добавил Фаллер. — У Кирилла Хиндса будет надежная защита. Завтра я дам ему несколько советов, как вести себя на предварительных слушаниях.

— Хорошо, — повторил Донован.

— С девчонкой тоже все в порядке, — с преувеличенной бодростью продолжал Фаллер. — Во всяком случае, судья уже сейчас недоволен ею. Она так перепугалась, что стала путаться в соб-

ственных показаниях.

— Хорошо, — сказал Донован.

Не знаю, слушал ли он вообще, что ему говорили.

— Доктор Кори, а почему бы вам не приехать ко мне на ланч? Мы могли бы обсудить некоторые темы, о которых я не хочу говорить по телефону. У меня будет Пальс…

Фаллер замялся. Вероятно, Пальс уже сообщил ему о вчерашнем покушении на главную свидетельницу обвинения.

— Хорошо, — снова сказал Донован.

— И, пожалуйста, приводите с собой миссис Кори. Мне будет приятно познакомиться с ней.

— Хорошо.

Донован положил трубку.

Некоторое время он стоял неподвижно, как статуя. Затем вдруг задрожал всем телом, сжал кулаки.

Шумно втянув носом воздух, он проковылял в коридор и постучал в дверь комнаты, которую занимала Дженис.

— Кто там? — послышался ее звонкий голос.

Я ужаснулся: она не успела убежать!

— Открой, — приказал Донован.

— Дверь не заперта, — ответила она.

Дженис сидела на постели, поджав под себя ноги и держа в руках мой журнал. Она даже не попыталась закрыть его, когда в комнату вошел Донован!

— Привет, — не меняя позы, спокойно произнесла она.

Донован сказал:

— Меня пригласили на ланч. Ты поедешь со мной.

Она кивнула, не сводя глаз с его лица. Ее состояние выдала неловкая улыбка, застывшая у нее на губах.

Дженис встала, убрала дневник в стол и заперла ящик. Затем взяла сумочку и положила в нее ключ.

Неужели она надеялась, что Донован сам заговорит с ней о моем журнале?

Я не мог понять ее намерений. Она должна была сообразить, какой опасностью ей угрожала поездка в автомобиле Донована. И, прочитав мои записи, не могла не догадаться, что моим телом сейчас управляет мозг, который она столько раз видела в лаборатории. Почему же она так безрассудно рисковала? Зачем лезла в уготовленную для нее петлю?

— Пошли.

Надев пальто и шляпку, она вышла в коридор. Донован пошел следом.

Если бы я мог схватить ее за плечи! Если бы я мог остановить ее! Дженис явно переоценивала свои силы. У нее не было никаких шансов устоять против Донована.

Проходя мимо портье, она отдала ему сумочку и сказала, что скоро вернется.

Донован молча провел ее к машине. Затем так же молча открыл правую переднюю дверцу.

— Откуда у тебя этот «бьюик»? — уже поставив одну ногу в салон, но вдруг заколебавшись, спросила она.

Ей хотелось задержаться еще на несколько мгновений, воспользоваться хотя бы этой небольшой передышкой.

— Взял напрокат, — усмехнулся Донован.

Она села на пассажирское сиденье. Донован тронул машину с места.

На Хайлэнд-авеню он повернул на север.

— Куда мы едем? — поинтересовалась Дженис.

— Мне нужно поговорить с тобой, — произнес он таким тоном, будто отвечал на ее вопрос.

С шоссе Вудро Вильсона он свернул в горы и через несколько миль остановился.

Под обрывом простирался город — точно паук,

раскинувший длинные белые лапы. Слышался отдаленный шум уличного движения, в безлюдных горах завывал ветер.

Выключив двигатель, Донован медленно повернул голову и посмотрел на резиновый шланг, лежавший на заднем сиденье. Затем снова уставился в ветровое стекло.

Дженис заметила его взгляд, и я понял, что все это время она осознавала грозившую ей опасность.

— Послушай, зачем тебе убивать меня?

Ее голос прозвучал совершенно спокойно. В нем даже слышалось любопытство.

— Я никому не позволю стоять на моем пути, — не поворачивая головы, пробормотал Донован. — В том числе и тебе. Вы все настроены против меня. Все, весь мир желает моей смерти.

Эти слова он произнес без горечи, почти вяло — будто излагал общеизвестные факты.

— Брось, никто не настроен против тебя, — положив руку ему на плечо, сказала Дженис. — Ты всегда видел мир в каком-то извращенном свете. Тебе всю жизнь казалось, что люди замышляют против тебя какие-то козни — но ты ошибался. Поверь мне! Это было заблуждение. Ты путал причину и следствие, вот и все.

Донован слушал. С ним впервые говорили так открыто, без обиняков. Казалось, он был удивлен, даже заинтересован. Этого Дженис и добивалась, пытаясь говорить с ним на языке логики.

Я понимал всю тщетность ее стараний. Видел, какой опасности она подвергалась.

— Всю свою жизнь ты первым нападал на людей, — продолжала Дженис. — И удивлялся, когда они наносили ответные удары. Иногда — чтобы защитить себя и своих ближних. Тебе казалось, что они без всякой причины причиняют тебе зло. В твоих глазах все они были несправедливы — все, кроме тебя. Ты никогда не понимал, что человек должен уметь подавлять свои желания. Жизнь — это взаимный компромисс. Если бы ты понял эту простую истину, ты бы не был так несчастен.

Он слушал с интересом, но не понимал ее. Он был бездушен. Его жизнь ничем не отличалась от работы бульдозера, старательно убирающего булыжники с одной и той же дороги.

— Если ты будешь думать только о любви, она вернется к тебе, — сказала Дженис.

Она видела перед собой меня, Патрика Кори. Ей казалось, что личность Донована всего лишь совместилась с моей, немного потеснила — и только.

Сейчас Дженис хотела, чтобы Донован исчез и вместо него ответил Патрик. Она верила, что, объединив нашу волю, мы сможем преодолеть силу телепатического паралича, сковавшего мою нервную систему.

Дженис знала, что я слышу ее. Отчаявшись, она вдруг закричала:

— Патрик! Тебя спасет только вера! Помоги мне!

— Я не Патрик, — сказал Донован.

Взглянув в его лицо, она окончательно осознала свою обреченность. Его глаза не выражали ничего, кроме ярости.

— Что тебе нужно от меня? Ты хочешь причинить мне зло, как и все, кого я встречал в жизни. Все были против меня. Но ты меня не остановишь!

Он занес над ней левую руку, и Дженис задрожала от страха.

— Нет! — прошептала она.

Ее тело словно оцепенело. Бледная как полотно, она не сделала ни одного движения.

Рука Донована схватила ее за плечо. Дженис вырвалась, быстро открыла дверцу и выскочила из машины.

Она даже не крикнула. Все равно никто не при-

шел бы на помощь.

Донован медленно вылез из «бьюика» и начал обходить его со стороны капота.

Маленькая и хрупкая, она стояла неподвижно — только длинные каштановые волосы развевались на ветру.

Надвигаясь на нее, он, вероятно, походил на лунатика. Его левая рука сжимала нож. Правая — моток веревки.

Дженис не отступила ни на шаг. Ее голубые глаза так пристально смотрели на него, будто она хотела убить его взглядом.

Когда он занес над ней нож, она ребром ладони ударила его по запястью. В клинике ее обучали приемам самообороны на случай стычки, какие часто имели место в психиатрическом отделении.

Я кричал от ужаса, я надрывался в крике — она меня не слышала. Я должен был стать свидетелем убийства!

Она выбила у него нож, но он тут же накинул ей на шею веревку и сдавил, наваливаясь на нее всем телом. Их силы были слишком неравны.

Я молился.

— Только вера… — прохрипела Дженис.

Я уже ничего не соображал. Меня словно бро-

сили в какое-то адское пекло, откуда я видел беззащитное лицо Дженис, задыхавшейся в моих руках.

У меня не было сил сразу осознать то, что произошло в следующую секунду. Я вдруг почувствовал боль в левом запястье, по которому ударила Дженис. Затем ощутил, как сокращаются мои мышцы. Я дышал, двигался. Подобно приливу, схлынувшему с пологого берега, силы Донована отступили, и я, Патрик Кори, вернулся в свое тело!

Я разжал пальцы. Дженис не упала — продолжала стоять, пошатываясь, глядя на меня помутившимися глазами.

Наконец она поняла. Ее губы чуть слышно прошептали мое имя, руки обвились вокруг шеи.

Я прижал ее к себе и поцеловал. У меня не было слов, которыми я мог бы выразить свои чувства. Я только знал, что обрел свободу.

Оба обессилевшие, мы сели прямо на мокрую от дождя траву. Она прижималась к моей груди, будто слушала, как бьется сердце.

Какое-то время мы не могли говорить.

Когда мои мысли немного прояснились, я встал, взял ее за руку и поднял с земли.

— Бери машину и уезжай отсюда, — с трудом

выговорил я. Быстрей, пока он не вернулся.

Она посмотрела мне в глаза и улыбнулась.

— По-моему, он уже никогда не вернется, — сказала она.

Через несколько минут мы уже мчались в город.

Остановив «бьюик» у ближайшей бензоколонки, я заказал междугородный разговор с узловой станцией Вашингтон.

Трубку я держал долго, но Шратт так и не ответил.

20 мая

Передо мной лежит отчет Шратта — всего несколько страниц, исписанных убористым почерком. Их сегодня принесла Дженис. Прежде она не хотела, чтобы я их читал.

Дженис пододвинула мою кровать к окну, и теперь я могу любоваться тенистым парком больницы Финкса. Там по узким аллеям прохаживаются больные — те, которым скоро предстоит выписка. Одни ходят группами, о чем-то разговаривают. Другие просто греются на весеннем солнышке.

Через несколько дней я присоединюсь к ним.

Отчет Шратта читается с трудом. Он написан в спешке, иные буквы нужно расшифровывать,

как китайские иероглифы. В двух-трех местах не проставлены даты.

Дженис предложила привести эти каракули в порядок, но мне хотелось видеть их такими, какими они остались после Шратта.

Вот что он написал:

22 ноября

Проникая в сферу повседневного человеческого сознания, наука все меньше постигает смысл бытия. История с Донованом — прекрасный тому пример. Его мысли не имеют ничего общего с осмысленностью. Его цели абстрактны, а действия не укладываются ни в какую органичную систему.

Его по всем статьям можно отнести к числу патологических сумасшедших, а потому и обращаться с ним нужно, как с неизлечимым шизофреником. Методы Патрика, пытающегося исследовать его сознание с помощью рациональных теорий, кончатся катастрофой. Я в этом не сомневаюсь.

Оглядываясь на начало его опасного эксперимента, я все больше убеждаюсь в том, что мозг Донована заведомо не мог приобрести никаких ценных качеств, никаких принципиально новых способностей. Он мог лишь развивать свои из-

вращенные инстинкты до тех пор, пока они не достигнут степени чудовищного надругательства над природой.

Патрик не слушал меня, и мне пришлось пуститься на обман. Соседство с пороком не могло не сказаться на моих поступках. Я обречен, как и все, кто продолжает жить в этом доме.

Окончательное решение я принял в ту ночь, когда Патрик пытался задушить меня, повинуясь телепатическому сигналу бездушного куска плоти, ожившего в стенах его лаборатории.

Наутро мне не стоило никакого труда убедить Патрика в том, что я искренне желаю помогать ему. По странному стечению обстоятельств мозг тоже уговаривал его покинуть дом.

Патрик уехал 21 ноября.

Мне было поручено присматривать за мозгом. Вот уж и впрямь ирония судьбы. Назначить слугой человека, собиравшегося убить его! Но тогда он еще не умел читать мои мысли. С тех пор он приобрел такую власть надо мной, что я уже не смею предлагать свою помощь в этом плане.

Чтобы скрыть от мозга свои намерения, я прибегнул к одной очень простой уловке. В детстве у меня была плохая дикция, и мама велела мне выучить скороговорку, которая в конце-концов

исправила мою речь. Теперь, как только зажигается лампочка, означающая пробуждение мозга, я начинаю мысленно повторять это четверостишие: «Во мгле без проблеска зари он бьется лбом о фонари и все твердит, неисправим, что призрак гонится за ним».

Пока я повторяю эту фразу, никакие другие мысли не приходят мне в голову. Следовательно, мозг не может ни в чем уличить меня.

Я подсоединил к лампочке звонок — на тот случай, если прогляжу световой сигнал и буду продолжать писать, когда мозг уже проснется.

Моя постоянная зубрежка явно не создает ему комфортных условий. На энцефалограмме то и дело появляются конгруэнтные дельта-кривые. Значит, мозг время от времени пытается прочитать мои мысли.

Из Лос-Анджелеса звонила Дженис — рассказала о своем разговоре с Патриком, попросила моего совета. Я не могу давать ей никаких инструкций. Не могу подвергать ее опасности, вовлекая в свои действия. Дженис никогда не находила общего языка с Патриком и теперь думает, что ее все бросили. Мне грустно. Нет, не грустно — тоскливо.

Вечером позвонил Патрик. Он хочет вернуться домой. Я убедил его в необходимости оставаться

на месте. Если он приедет в Аризону, мои замыслы рухнут.

Справиться с мозгом — не такое простое дело, как я думал вначале. Однажды я уже обжегся, а ведь он еще не продемонстрировал всех своих возможностей.

У меня нет права на риск. Нужно ждать подходящего момента. И в то же время — исполнять обязанности покорного слуги. Кормить его, измерять температуру, читать энцефалограммы.

Выглядит он отвратительно. Сплошная бледно-серая масса, постепенно выползающая из своего стеклянного сосуда. Не удивлюсь, если у него вырастут глаза, уши и рот. Это настоящее чудовище.

5 декабря

Без всякого предупреждения приехала Дженис.

Видимо, у нее сдают нервы. Я сидел напротив нее в спальне, слушал ее жалобы на непонятное поведение Патрика, знал все ответы и не мог ничего сказать ей. Мозг может прочитать и ее мысли, поэтому я посоветовал ей забыть на некоторое время о Патрике. Предложил навестить мать.

Дженис решила вернуться в Лос-Анджелес; ей казалось, что она может понадобиться Патрику.

На какой-то момент она даже убедила меня в том, что это будет самым правильным поступком, но я не высказал ей своих мыслей.

Она расстроилась — подумала, что я принял сторону Патрика. Но разве мог бы я бросить ее?

Она задавала мне множество вопросов, и мне приходилось отмалчиваться, изворачиваться, даже лгать. Я не мог допустить, чтобы она догадалась об истинном положении дел. Вскоре она уехала.

Меня утешает мысль о том, что когда-нибудь она меня поймет.

13 декабря

Ситуация усложнилась. Патрик по телефону отдал приказ: прекратить кормить мозг. Он боится! Он хочет погубить его, но уже поздно. Мне пришлось отказаться.

Мог ли я согласиться, когда у меня все равно нет сил сделать то, что он хочет? Если мозг переключит на меня свою телепатическую мощь, я буду вынужден исполнять его желания.

Всю жизнь я пытался понять тайный смысл бытия и наконец постиг: нашел ответ на все свои вопросы! Мои мысли ясны, как никогда. Теперь я не нуждаюсь в религии: путь к Богу лежит через личный человеческий опыт. Это так, и я с каждым

днем все больше убеждаюсь в своей правоте.

Когда-нибудь Патрик придет к тому же выводу, ведь нам с ним выпало пережить общую долю.

Я знаю, он поймет меня.

15 мая

Я упустил свой шанс!

Какой-то мужчина ворвался в лабораторию и с куском арматуры в руке набросился на мозг. Это неожиданное нападение отвлекло его внимание от нас. Самое время было убить его! Теперь надо ждать чего-то ужасного; затем его можно будет беспрепятственно уничтожить.

Хорошо, что я так и не рискнул прикасаться к нему. Мне была суждена такая же участь, какая постигла этого человека. Мозг послал ему какой-то телепатический сигнал, и у него остановилось сердце.

Я позвонил Патрику, но он ничего не понял. Пытаться ему что-то объяснить — все равно что разговаривать с мозгом.

Если ему снова понадобится вся его мощь — и если она не будет направлена против меня, — я уже не упущу момента.

17 мая

Я не осмеливаюсь вынести труп из дома или

позвонить в морг. Мозг может в любую минуту оказаться беззащитным.

Я не спал больше двух суток — боялся упустить момент.

Патрик часто называл меня неудачником. Я думаю, он был неправ. Иногда человеку нужно прожить много лет, чтобы постичь одну-единственную истину. Покидая этот мир, я хочу высказать то, что мне удалось понять.

Патрик, не ищи Бога в своих пробирках. Вглядись в окружающих тебя людей — и ты увидишь Его!

21 мая

На этом записи обрываются.

Когда мы приехали на узловую станцию Вашингтон, Шратт был уже мертв.

В пути из Калифорнии в Аризону мы с Дженис не говорили о нем. Мы оба догадывались о случившемся.

Когда наша машина остановилась возле дома, к нам подбежал аптекарь Таттл. Увидев меня, он обрадовался. Сказал, что они с Филиппсом уже начали волноваться за Шратта — несколько раз звонили в «Рузвельт-отель». Шратт оставил Таттлу мой адрес на тот случай, если не будет появляться больше трех дней, но при этом запретил

входить в дом.

Поблагодарив Таттла, я постарался под благовидным предлогом отделаться от него. Он отошел, но остановился на другой стороне улицы, чтобы видеть, как мы войдем во двор.

Мы прошли через задний дворик. Возле гаража стоял новенький «кадиллак». Как я догадался, последнее прибретение Йокума.

Одно из окон лаборатории было разбито. За шторами горел свет, слышались гудки зуммера.

Я отпер заднюю дверь и велел Дженис оставаться за порогом, пока я не позову ее. Она покачала головой и взяла меня за руку. Ей не хотелось отпускать меня.

В передней лицом к стене лежал Йокум. Вероятно, его перетащил сюда Шратт. У него не было времени даже накрыть труп простыней.

Шратт лежал в лаборатории, уткнувшись лицом в лужу крови. Его руки все еще сжимали мозг. Пальцы глубоко впились в мягкую серую массу — Шратт как будто боялся, что тот может вырваться и продолжить свое мерзкое существование. Рядом валялись осколки лабораторного сосуда. Стены и пол были забрызганы кровяной сывороткой.

Я поднял Шратта и отнес в спальню. Там мы

вымыли его лицо и руки.

Восстановить события было нетрудно.

Когда Донован набросился на Дженис в Голливуд-хиллс, Шратт увидел на энцефалограмме такие же резкие отклонения, какие появились в момент смерти Йокума. Шратт понял, что мозг снова хочет кого-то убить.

Он воспользовался этим шансом: подбежал к сосуду и опрокинул его на пол.

Мозг тотчас отпустил Дженис и обрушил всю свою мощь на Шратта. Он убил его телепатическим сигналом, но, лишенный питательной смеси, через некоторое время задохнулся.

Лицо Шратта было почти белое, как у всех скончавшихся от инфаркта. Но, судя по его спокойным чертам, он умер быстро.

Стоя над телом Шратта, я вдруг почувствовал нестерпимую боль в висках — как будто голову сдавили железным обручем. Я видел, что Дженис открыла рот, но не слышал никаких звуков.

У меня задрожали ноги. Я протянул руки, и Дженис бросилась мне на помощь.

Я потерял сознание, прежде чем она успела подхватить меня под локти.

1 июня

Сегодня мне разрешили встать с постели. До

обеда я сидел на скамейке в парке, Дженис сидела рядом и писала под мою диктовку.

Я решил послать письмо Хлое Бартон и перевести на ее имя секретный счет Донована. Думаю, она позаботится о старике Стернли и выполнит волю отца, желавшего помогать родственникам Хиндса в Рено и Сиэтле.

Дженис прочитала мне несколько странных газетных заметок.

Кирилл Хиндс, несколько месяцев назад приговоренный к смертной казни, был повешен. Однако во время приведения приговора в исполнение почему-то отказал механизм, опускавший помост под веревкой. Хиндса вернули в камеру, помост починили.

Во второй раз произошло то же самое. Механизм снова не сработал. Обнаружились какие-то неполадки в гидросистеме.

Согласно древнему закону, человека можно вешать только трижды, поэтому палач больше не мог рисковать. Он подставил под помост деревянную колодку и в нужный момент выбил ее ногой.

На этот раз Хиндс умер.

Я внимательно следил за Дженис, читавшей это сообщение. Она хмурилась и покусывала

губы. Затем порвала газету на мелкие кусочки и улыбнулась.

Я знал, о чем она думала: неистребимая энергия Донована все еще блуждает в этом мире. Не он ли хотел спасти Хиндса от смерти?

Энергию нельзя уничтожить.

2 июня

Мой лечащий врач Хиггинс поздравил меня с выздоровлением и сказал, что я в любое время могу выписаться из больницы.

Хиггинс спросил, собираюсь ли я возвращаться на станцию Вашингтон. Услышав мой отрицательный ответ, он сел на стул и с расстроенным видом закурил. Я засмеялся и поинтересовался, чем он так обеспокоен.

Он вздохнул и еще раз предложил мне занять вакантное место в Конапахе, прежде принадлежавшее Шратту. Как он объяснил, компания не желает нанимать медика из другого штата.

Уверен, перед разговором со мной он успел посоветоваться с Дженис.

Я попросил дать мне время подумать, но решение у меня уже созрело. Я принял его предложение.

5 июня

Мы решили не брать с собой в Конапах ничего из нашего старого дома на станции Вашингтон. У индейцев был такой обычай: каждые семь лет сжигать свои вигвамы, чтобы не дать в них поселиться злым духам. Мы последуем их древнему примеру. Атмосфера несчастья слишком глубоко въелась в нашу обстановку, мы хотим обновления. Я имею в виду не только мебель.

10 июня

Завтра мы уезжаем. Перед отъездом я хочу избавиться от всех своих мыслей, касавшихся эксперимента с мозгом Донована.

Я доказал, что в определенных условиях ткани человеческого мозга могут продолжать жить и даже развиваться. Но важнее другое. В результате этих опытов я пришел к убеждению, что наука не в силах искусственным путем воспроизвести процесс развития человеческой мысли. Тут природа поставила нам барьеры, которые мы никогда не сможем преодолеть.

Наш мозг способен конструировать механические и электронные приборы, разрабатывать различные технологические процессы и даже концепции мироздания. Но мы не можем придумать искренность, дружбу, любовь. Чтобы творить добро, человечество должно сначала

дорасти до этого понятия.

Человек может создавать лишь то, что заложено в нем. Вот и все.

Перевел с английского Михаил Массур